

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

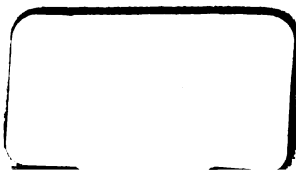
About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

PS12v 39d.10. ($\frac{1113}{5-6}$)

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

КНЯЖЕНІЕ

ДАНИЛА ГАЛИЦКАГО,

по

рускимъ и иностраннымъ извѣстіямъ.

СОЧИНЕНІЕ СТУДЕНТА

НИКОЛАЯ ДАШКЕВИЧА.

КНЯЖЕНІЕ ДАНИЛА ГАЛИЦКАГО,

по русскимъ и иностраннымъ извѣстіямъ.

(Сочиненіе студента историко-филологическаго факультета Николая Дашкевича, удостоенное золотой медалю).

„Начнемъ сказать бесчисленныя рати, и великия труды, и частыя войны, и многія крамолы, и частая востанія, и многія мятечи, измада бо не бы има покои“.

„Лѣтоп. по Ипатьевскому списку“, г. 1227.

„Се же король Данило князь добрый, хорообрый и мудрый“.

Ibid. г. 1264.

До второй четверти XIII стол., въ теченіе двухъ почти вѣковъ, Россія представляла собою федерацію всѣхъ отдѣльныхъ земель, и жизнь всздѣ шла одинаково. XIII вѣкъ ознаменовался разрывомъ этого единенія, при чемъ каждой изъ вполнѣ обособившихся частей Руси достался особенный жребій. Въ югозападной Руси поворотъ на новую дорогу обозначился задолго до татарскаго нашествія, которое почти всѣ ученые принимаютъ, какъ грань двухъ различныхъ періодовъ русской исторіи, именно—съ самаго начала Даниловой дѣятельности¹⁾; въ княженіе же Данила вполнѣ выработались и условія новой жизни. Такимъ образомъ, княженіе его представляетъ совершенно отдѣльную, весьма важную эпоху въ исторіи всей югозападной Руси. Прибавимъ, что эта эпоха во многихъ отношеніяхъ была одною изъ самыхъ блестящихъ.

Вотъ чѣмъ выдѣляется княженіе Данила изъ множества другихъ княженій и вотъ почему заслуживаетъ особеннаго вниманія.

¹⁾ Читатель увидитъ изъ дальнѣйшаго изложенія, что всѣ перемѣны, которыя мы отмѣчаемъ въ княженіе Данила, начали проявляться до татарскаго нашествія и независимо отъ него.

Обращаясь къ ученымъ трудамъ, касающимся этого времени, относясь къ нимъ съ полнымъ уваженіемъ, мы должны однако сказать, что не находимъ въ нихъ обстоятельнаго и отчетливаго указанія существенно важныхъ явленій этого княженія и всесторонняго опредѣленія его значенія. Они заняты, главнымъ образомъ, изложеніемъ политическихъ событій въ болѣе или менѣе послѣдовательно-хронологическомъ порядкѣ.

Но, и съ ихъ точки зрѣнія, эти труды не могутъ быть названы вполне истермившими предметъ. Это произошло вслѣдствіе того, что въ нихъ или мало, или недостаточно обращено вниманія на доступныя изслѣдователю иностранныя извѣстія. Галицко-волинская лѣтопись ¹⁾, которою они пользовались по преимуществу, составляетъ драгоценнѣйшій матеріалъ, потому что: 1) находящіяся въ ней свѣдѣнія сообщены лицами современными ²⁾, изъ которыхъ нѣкоторые, быть можетъ, при-

¹⁾ Такое мы принимаемъ названіе для начинающагося съ 1201 г. отдѣла лѣтописи, извѣстной обыкновенно подъ именемъ Ипатьевской.

²⁾ Въ части ея, обнимающей Данилово время, легко безъ особеннаго углубленія замѣтить вѣдѣсть съ Н. И. Костомаровымъ (см. его «Лѣтца по русской исторіи, ч. I. Спб. 1861», стр. 50—51) распадѣніе на два отличныя и потому принадлежащія разнымъ лицамъ повѣствованія. Второе начинается послѣ находящагося во всѣхъ спискахъ перерыва вслѣдъ за разсказомъ о первомъ нашествіи Бурандая (съ 561 стр. по новому изданію подъ заглавіемъ: «Лѣтопись по Ипатскому списку», Спб. 1871) и написано во Владимірскомъ княжествѣ, или вообще лицомъ интересующимся и преданнымъ князьямъ Владиміра Волинскаго. Оттого въ немъ сказано такъ мало о Даниловой дѣятельности послѣ Бурандаева нашествія и объ его смерти, и такъ кратки похвалы ему, чего бы не было, еслибы продолжалъ писать тотъ авторъ, которому принадлежитъ все предшествующее; напротивъ, на первомъ планѣ Даниловъ братъ Василько. Авторъ первой части такъ ревниво относится къ своему герою, что, постоянно называя Данила княземъ до его коронованія, со времени послѣдняго всегда титуловалъ его королемъ; авторъ же второй части отступаетъ отъ этого (см., напр., «Лѣт. по Ип. сп.», которую мы съ этого времени всегда будемъ обозначать *Ип.*, стр. 562, вар. 1 и 5 и прим. *); стр. 567, строки 9 и 31; 590, вар. 1 и прим. **); конечно, это мелочной признакъ, но его нельзя оставить безъ вниманія. Во второй части разсказъ не носитъ характера непрерывнаго повѣствованія, а приближается, особенно подъ конецъ, къ чистой лѣтописи. Нельзя не замѣтить также значительнаго различія въ языкѣ (даже термины другіе; Владимірецъ сказывается въ употребленіи названія «Санъ» вм. «Сянь» (Ип. 588, 591; сл. 529, 532, 533), въ пріемахъ рѣчи, всѣмъ сказаннымъ мы не думаемъ утверж-

нимаю даже весьма дѣтельное участіе въ описываемыхъ имъ событіяхъ¹⁾, были близки къ Данилу, постоянно при немъ пребыва-

дать, что только двумъ лѣтописцамъ принадлежитъ рассказъ о занимающемъ насъ времени; мы говоримъ только, что несомнѣнно составленіе его не однимъ лицомъ, и не отвергаемъ того, что первая часть, въ свою очередь, могла выдти изъ-подъ пера нѣсколькихъ лицъ, или быть сиюженною *однимъ* лицомъ по нѣсколькимъ извѣстіямъ. Въ самомъ дѣлѣ, трудно предположить, чтобы отъ одного лѣтописца вышелъ рассказъ, обнимающій 54 года и во всемъ своемъ теченіи отличающійся полнотою и подробностями, вездѣ указывающими на автора-современника (въ началѣ только пропущены нѣкоторые факты, находящіеся въ другихъ лѣтописяхъ); упоминаются даже цвѣта коней (Ип., 491, 515) и ихъ качества (ib., 498). На то, что эта часть была проредактирована *однимъ* лицомъ, жившимъ въ позднѣйшее время, указываютъ упоминанія при случаѣ вещей, имѣвшихъ мѣсто не особенно скоро послѣ того времени, о которомъ говорить лѣтописецъ. Наприм., подъ 1207 г. мы встрѣчаемъ: «...юже *нынѣ* святу нарѣчаютъ, именовъ Альжебитъ, преднее бо имъ еѣ Кинека: много бо послужаи Богови по мужи своемъ и *святу нарѣчаютъ*» (Ип., 484); а эта Елисавета умерла въ 1231 г. (Pertz. Monumenta Germaniae historica. Scriptorum t. XVIII. Hannoverae MDCCCLXVI. P. 547.³⁰; 699.⁴⁰), канонизована въ 1238 г. (ib., p. 552.³⁰; другія показанія ib., 632—633.²⁰; 691.³⁰), родилась въ 1207 г. (ib., p. 700.³⁰). Говоря подъ 1213 г. объ убіеніи Кліма Хрестинича, лѣтописецъ прибавляетъ: «его крестъ и *домъ* стоять на Сухой Дорогви» (Ип., 490). Подъ 1217 (вм. 1221 г.) читаемъ: «Богу же того не терпящу, во ино время убьенъ бысть Даниломъ Романовичемъ древле прегордый Фила» (Ип., 492), а это случилось въ 1245 г. Сообщая подъ 1255 г. о сожженіи Стѣвентова дома, лѣтопись замѣчаетъ: «аже и донынѣ пусто стоять» (Ип., 549). Тѣмъ же, вѣроятно, редакторомъ включено въ лѣтопись и сказаніе о Романѣ; думать такъ заставляютъ слѣдующія его слова: «По великомъ бо князѣ Романѣ, нигоже не бѣ воевалъ на нѣ въ Рускихъ князихъ, развѣ сына его Данила... аюже сказахомъ о ратяхъ многихъ си же написахомъ о Романѣ: *древле бо (бѣ) писати си, нынѣ же здѣ написано бысть в послѣдняя*» (Ип., 554). Предполагаемый нами редакторъ несомнѣнно зналъ Данила и жилъ не позже его. Отдѣльныя сказанія, занесенныя въ эту часть галицко-волинской лѣтописи, принадлежать ей, этому краю и этому времени. День перехода Днѣпра русскимъ ополченіемъ въ 1224 г. обозначенъ только въ сказаніи, находящ. въ галицко-волинской лѣтописи: «перидоша же Днѣпръ во день во вторникъ» (Ип., 496). Сл. о нихъ К. Н. Бестужева-Рюмина «О составѣ р. лѣтописей до конца XIV в.», стр. 154—155. Упомянемъ здѣсь о томъ, что, по мнѣнію Д. И. Зубрицкаго («Исторія древняго Галицко-русскаго княжества», ч. III. Львовъ 1855), стр. 99, прим. 78), событія около 1226 г. по Ип. сп. описаны Мстиславовымъ (Удалаго) духовникомъ Тимоеемъ.

¹⁾ Нѣкоторые думаютъ, что лѣтопись писана духовными лицами

ли¹⁾; замѣтимъ при этомъ, что отъ такой близости правда не пострадала,

(напр., такого мнѣнія держался И. В. Лашнюковъ, Унив. Изв. 1872, № 5). По нашему убѣжденію, вѣрнѣе другое предположеніе, приписывающее составленіе ея свѣтскимъ лицамъ; его держится, между пр., и Н. И. Костомаровъ («Лекціи», 48); особенно убѣдительно оно развито въ статьѣ (г. Знаменскаго?): «Обзоръ р. лѣтописей въ содержаніи и характерѣ ихъ, преимущественно церковно-историческомъ», помѣщенной въ «Прав. Собес.» 1860, № 4 (стр. 408—413). Въ пользу его говорятъ: полное погруженіе и душевное участіе писателя въ разсказываемыхъ имъ событіяхъ, подробности на каждомъ шагѣ, изобличающія человѣка, сидѣвшаго не въ келліи, сочувственное изображеніе военныхъ дѣйствій и вообще воинской храбрости, второстепенное положеніе церковно-историческаго элемента, немногочисленность правоучительныхъ сентенцій. Въ одномъ мѣстѣ есть прямое указаніе на свѣтскость писателя и участіе въ занесенныхъ въ лѣтопись происшествіяхъ: «онѣмъ (ъ) же позоровавшимъ насъ, говоритъ лѣтописецъ, и ехаша Угрево станы своя» (Ип., 500). Можетъ быть, нѣкоторые мѣста принадлежать и духовнымъ лицамъ; такъ, однажды лѣтопись приписываетъ успѣхъ Давіила св. Николаю, а спустя нѣкоторое время, когда Давіилъ не могъ взять Звенигорода, она объясняетъ этотъ неуспѣхъ слѣд. образомъ: «города же хотяща и нѣ взята: бѣ бо святая Богородица въ немъ чудная икона» (Ип., 517); въ такомъ случаѣ эти лица принадлежали къ бѣлому духовству.

¹⁾ Первая большая часть галицко-волинской лѣтописи, касающейся разсматриваемаго нами времени, прямо можетъ быть названа частною лѣтописью, занимающеюся Давіиломъ. Лѣтописи слѣдили обыкновенно за князьями съ того времени, когда они выступали въ качествѣ дѣятелей; разбираемый же нами памятникъ съ самаго начала сосредоточиваетъ повѣствованіе около судьбы малолѣтнихъ Романовичей, на все, главнымъ образомъ, обращаетъ вниманіе, а потомъ дважды прямо заявляетъ, что ея предметъ—ихъ исторія [въ первый разъ—словами, поставленными нами въ качествѣ эпитафиа: «начнемъ сказати...»; во второй разъ повторяетъ нѣсколько фразъ изъ этой тирады: «Посемъ скажемъ многий мятежь, великия льсти, бесцисленныя рати» (Ип., 508)]. Во всемъ разказѣ видна глубокая любовь и уваженіе къ Давіилу. Лѣтописецъ ливуетъ при его побѣдахъ, старается не пропустить ничего замѣчательнаго, постоянно желаетъ показать, что это былъ особенный человѣкъ, не любить его враговъ, обличаетъ ихъ недостатки, главныхъ изъ нихъ—галицкихъ бояръ называетъ «бесбожными», «печетивыми», «пѣвѣрными», а противъ одного вельможи раздражается проклятіемъ въ цѣлой тирадѣ (Ип., 499). Каждый успѣхъ Давіила онъ приписываетъ помощи Божіей и постоянно внушаетъ читателю, что Давіилъ находился подъ Божією охраной. Вотъ какъ, напр., говоритъ онъ объ одномъ нападении Венгерскаго короля: «Вшедшу же ему во горы Угорьскыя, посла на нь Богъ архангела Михайла отворити хляби небесныя. конемъ же потопающимъ и самѣмъ возбѣгающимъ на высокая мѣста,

чего не видимъ, наприм., у Кадлубка ¹⁾; 2) эта лѣтопись состоитъ не изъ сухихъ, отрывочныхъ погодныхъ записей разнообразнѣйшихъ собы-

оному же одинако устремившись пріяти градъ и землю.... Богъ попусти на нѣ рану Фараонову... Богъ бо попустилъ бѣшеть рану, ангель бѣшеть ихъ... ушедшу же ему за невѣрство бояръ Галицкихъ, Даниль же, Божьею волею, одержа градъ свой Галичь» (Ип., 508—509). Нѣкоторые признаки наводятъ на мысль, что эта лѣтопись не была лишена официальности. Въ одномъ мѣстѣ лѣтописецъ говоритъ, что онъ имѣлъ подъ руками договоръ Данила съ Белою IV, но не вписалъ его по его прострапности (Ип., 545). И. Д. Бѣляевъ («Временникъ М. О. И. и Др. Р., V, ст. »О разныхъ видахъ русскихъ лѣтописей», стр. 9) видитъ слѣды официальныхъ лѣтописей въ описаніи многихъ мятежей и ратей въ Галицкой землѣ съ 6738 (1230) по 6743 (1235) г. Авторъ указанной нами статьи въ «Прав. Собес.» обращаетъ вниманіе на постоянныя перечисленія убитыхъ, именъ пословъ, татарскихъ воеводъ, литовскихъ князей, участвовавшихъ при заключеніи мира, и проч., также видитъ, на основаніи всего этого, въ лѣтописи доказательства веденія въ югозападной Руси официальныхъ временниковъ и высказываетъ предположеніе, что галицко-волинскую лѣтопись «вели княжескіе писцы, подобные Ѳедорцу, составившему завѣщаніе Владиміра Васильковича, или тому писцу, который внесъ, по повелѣнію Мстислава, крамолу Берестянь въ лѣтопись» (стр. 413—414). Это обстоятельство еще болѣе утверждаетъ насъ въ мысли объ официальномъ отчасти характерѣ галицко-волинской лѣтописи Даниилова времени, равно какъ и то, что лѣтописецъ этой части смотритъ на себя, какъ на хронографа, все обязапнаго записывать, и говорить объ этомъ съ важностью. Какъ бы то ни было, лѣтописецъ хвалитъ Данила искренно, а не ex officio только, и глубоко преданъ своему дѣлу.

¹⁾ Лѣтопись желаетъ выставить съ самой лучшей стороны своего героя, но для этого прибѣгаетъ къ одной истинѣ. Иногда только она, можно сказать—неумышленно, впадаетъ въ нѣкоторую утрировку фактовъ. Такъ, по ея словамъ, посоль венгерскаго короля «възопи глаголюмъ великомъ и рече: «слышите словеса великаго короля Угорьскаго, да не уставляетъ васъ Дымлянъ, глаголя: изъ (ъ) емля изыметь ны Богъ, ни да уповасть вашъ Даниль на Господа, глаголя: не имать предати градъ сесь королеви Угорьскому; толико ходилъ на ны страны, то кто можетъ одержати отъ руку мою и отъ силъ полкобъ моихъ?» (Ип., 507). Когда Даниль взялъ однажды Галичь, то Галичане, говоритъ лѣтописецъ, (Ип., 517—518), «пустишася яко дѣти ко отцю, яко пчелы къ матцѣ, яко жажущи воды ко источнику». Не одно только хорошее говоритъ лѣтописецъ о Данилѣ въ одномъ мѣстѣ читаемъ о немъ: «нѣкое слово похвално рекшу, его же Богъ не любить» (Ип., 511). Враги Данила награждаются иногда не совѣмъ лестными эпитетами, но это не мѣшаетъ лѣтописи соблюдать правдивость въ разсказѣхъ объ ихъ дѣяніяхъ. Единство то на первой части лѣтописи, по всей вѣроятности,—дѣло принимаемаго нами редактора.

ній, а носить характер дѣльнаго, группирующагося около невѣстныхъ личностей разсказа, отличающагося живостію, чрезвычайною полнотою и удивительною, въ сравненіи съ другими лѣтописями, пластичностію обрисовки, яркостію и рѣзкостію характеристикъ, въ чемъ ей отдаютъ справедливость и за что ее цѣнятъ всѣ ученые ¹⁾. Но, при этихъ достоинствахъ, она: 1) не даетъ историку прямыхъ хронологическихъ указаній ²⁾; 2) при всей своей обстоятельности, она все-таки не мо-

¹⁾ Сводъ мѣстъ о ней, довольно полный, желающіе могутъ найти въ предисловіи А. С. Петрушевича къ галицко-вол. лѣтописи, помещенномъ въ его изданіи послѣдней («Волинско-Галицкая лѣтопись. Издавъ и объяснилъ А. С. Петрушевичъ. Вып. I. Львовъ, 1871»). Въ одномъ мѣстѣ лѣтописецъ выражаетъ вѣтъ такой взглядъ на свое дѣло: «хронографу же нужа есть писати все и вся бывшая, овогда же писати въ передняя, овогда же во(з)ступати в задняя: чытый мудрый разумѣть» (Ип., 544).

²⁾ Тѣ, которыя находятся въ Ипатскомъ спискѣ (въ др. спискахъ вовсе нѣтъ означенія лѣтъ, нѣтъ также годовъ, когда, по словамъ Ип. сп., ничего не случилось. См. варианты Хлѣбник. и Погод. см. въ послѣднемъ изд. гал.-вол. лѣтоп. на всемъ ея протяженіи; сл. «О составѣ...» К. Н. Бестужева-Рюмина, стр. 70, прим. 2) не заслуживаютъ ни малѣйшаго довѣрія (многіе историки напрасно до сихъ поръ еще продолжаютъ обращать на нихъ вниманіе) и поставлены наугадъ переписчикомъ Ипатскаго списка, который хотѣлъ, чтобы и въ галицко-волинской лѣтописи событія были также расположены по годамъ, какъ это онъ видѣлъ въ Киевской лѣтописи, приписанной имъ къ галицко-волинской (подобнаго мѣнія, высказаннаго прежде всѣхъ Карамзинымъ (т. III, прим. 113), держится и К. Н. Бестужевъ-Рюминъ: «О составѣ...», стр. 153). Составитель лѣтописнаго сборника прямо говоритъ: «число же лѣтомъ здѣ не писахомъ» (Ип., 544). Какъ бессмысленно иногда разставлялъ годы переписчикъ, можно видѣть изъ слѣдующихъ фактовъ. Первую половину одного похода онъ кладетъ въ одномъ году, другую въ другомъ (такъ, на стр. 492 одинъ и тотъ же походъ Мстислава къ Галичу отнесенъ къ 1217 и 1219 гг.; подъ 1218 же г. говорится: тишина бысть»; на стр. 512 (см. прим. †) онъ разрываетъ и ставитъ подъ двумя годами одну битву). Собираясь говорить о бракосочетаніи Романа съ Гертрудою, онъ ставитъ опредѣленно годъ 6762 и не уничтожаетъ при этомъ слѣдующихъ словъ подлинника: «Въ таже лѣта, времени минушу,—хронографу же нужа есть писати...» (известное мѣсто), а переписываетъ ихъ рядомъ съ своею хронологическою датою (Ип., 544). Вопреки показанію текста лѣтописи объ одномъ походѣ на Ятвяговъ, что онъ былъ до войны черниговской, онъ кладетъ его подъ 1248 (Ип., 531). Въ лѣтописномъ текстѣ смерть Владиміра Васильковича показала подъ 1289 г. (Ип., 606), а переписчикъ поставилъ ее подъ 1288 г.

жесть быть названа единственнымъ, затмѣвающимъ другіе источники для историка, стремящагося къ возможно подробному изученію этой эпохи, такъ какъ ею оупущено или не помѣщено немало частностей.

Для возстановленія времени различныхъ событій этого княженія, необходимо прибѣгать къ отысканію хронологическихъ указаній въ разсказѣ самой лѣтописи ¹⁾ и къ сличенію ея съ другими русскими лѣтописями ²⁾ и нѣкоторыми иностранными ³⁾. Для исполненія пробѣловъ въ содержаніи, можетъ служить, кромѣ русскихъ лѣтописныхъ сводовъ ⁴⁾, значительное количество иностранныхъ источниковъ. Обиліе ихъ для разсматриваемой нами эпохи, въ сравненіи съ незначительнымъ ихъ количествомъ для временъ предшествовавшихъ, объясняется усиленіемъ сближенія Даніиловой Руси съ западомъ. Изъ иностранныхъ матеріаловъ упомянемъ прежде всего о сочиненіи Стрыйковского. Его трудъ—сводъ первоначальныхъ извѣстій, составленный въ позднѣйшее время, но тѣмъ не менѣе, при отсутствіи этикъ первоначальныхъ извѣстій ⁵⁾; онъ весьма важенъ для разъясненія отношеній Руси и Литвы. Обратимъ вниманіе при этомъ на добросовѣстность Стрыйковского въ передачѣ содержанія памятниковъ, которыми онъ пользовался, обнаруживающуюся изъ сличенія его хроники съ дошедшими до насъ литовскими лѣтописями; онъ вездѣ увѣдомляетъ о своихъ уклоненіяхъ отъ нихъ. У Длугоса находимъ извѣстія, заимствованныя изъ недошедшихъ до насъ русскихъ ⁶⁾ и отчасти изъ польскихъ лѣтописей ⁷⁾. Къ

1) Само собою разумѣется на основаніи вышесказаннаго, что хронологію Ипатскаго списка должно оставлять въ сторонѣ.

2) Мы разумѣемъ лѣтописи новгородскія и суздальскія и лѣтописные своды.

3) Именно:—польскими, помѣщенными у Пертца и у Сомьерберга, австрійскими, помѣщенными у Пертца и у Пеца, венгерскими, помѣщ. у Швабдтвера.

4) Лѣтописи: Воскресенская и Нызовская, «Исторія» Татищева.

5) Изъ нихъ для Даніилова княженія у насъ имѣется одна только лѣтопись Быховца.

6) Сколько можно видѣть изъ сравненія его разсказа съ галицко-волынскою лѣтописью, для югозап. Руси у него была лѣтопись, отличная отъ дошедшей до насъ. О томъ, что онъ пользовался русскими лѣтописями, свидѣлствуютъ его собственные слова: «*sano jam carite ad perdiscendas literas Rutenas me ipsum appuleram, quatenus Historiae nostrae series certior redderetur*» (Joannis Dlugosi seu Longini canonici quondam Cracoviensis Historiae Polonicae libri XII. Lipsiae. Anno MDCXXI. Auctoris epistola dedicatoria).

7) Изъ послѣднихъ, по всей вѣроятности, взяты: находящиеся

сожалѣнію, онъ далеко не такой безпристрастный человекъ, какъ Стрийковскій. Онъ любитъ изображать Русь и ея дѣятелей въ дурномъ видѣ ¹⁾, относится недружелюбно къ порѣ славы русскихъ при Даниилѣ, которая, очевидно, была ему весьма непріятна, не затрудняется представлять ихъ варварами; къ такой тенденціозности нужно прибавить склонность нерѣдко къ эффектамъ и красивымъ описаніямъ и неумѣніе иногда сладить съ громаднымъ матеріаломъ, бывшимъ въ его рукахъ. Отчего происходятъ повторенія и невольныя искаженія. Менѣе имѣютъ значенія для содержанія другія польскія лѣтописи ²⁾. Къ занимающему насъ времени относится одно иностранное путешествіе ³⁾. Наконецъ, есть не мало иноземныхъ актовъ, преимущественно папскихъ ⁴⁾.

Къ нашему прискорбію, до насъ не дошелъ отъ времени Даниила ни одинъ русскій актъ, хотя несомнѣнно, что было много такихъ документовъ. Авторъ галицко-волинской лѣтописи имѣлъ передъ собою договоръ Даниила съ венгерскимъ королемъ относительно Романа и Гертруды ⁵⁾. Даниилъ письменно сносился съ папою ⁶⁾. Тогда развилась уже и дѣловая письменность ⁷⁾. Эти памятники погибли во время

подъ 1233 г. (lib. VI, columna 649) извѣстіе объ изгнаніи католиковъ изъ Кіева и извѣстіе подъ 1238 г. объ основаніи доминиканскаго монастыря въ Галичѣ (lib. VI, col. 661—662).

¹⁾ См., напр., его рассказъ о сношеніяхъ Даниила съ папой.

²⁾ См. прим. 11-е.

³⁾ Пляно-Карпини. Записокъ о путешествіяхъ къ татарамъ Анопупуса' Anglus'a (1243; см. Nakluy's Collection, I) и товарища Пляно-Карпини—поляка Бенедикта (его рассказъ изданъ въ 1836 г. географическимъ обществомъ въ Парижѣ въ IV-мъ т. »Recueil de voyages et de mémoires«; см. Лелевеля »Polska wiekow srednich«, 1854, t. IV, str. 426) мы, несмотря на все стараніе, не достали и потому не можемъ сказать, есть-ли что-нибудь въ нихъ о Россіи того времени. Не видали мы и сомнительнаго Яцкова описанія разоренія Кіева татарами (Кар. IV, прим. 9), а также сочиненія Рикарда (ок. 1240 г. »Mat. Keppena, II, № 32).

⁴⁾ Въ собраніяхъ: Тургенева, Даниловича, Напьерскаго, Догьеля, Тейнера. Венгерскіе акты помѣщены въ собраніи Фейера.

⁵⁾ Ип., 545.

⁶⁾ Historica Russiae monumenta, deprompta ab A. J. Turgenewio. T. I. Petropoli. 1841. № LXXXVIII.

⁷⁾ »Курилови же сущю печатнику тогда въ Бакотѣ, послану Даниломъ княземъ и Василеомъ исписати грабительства нечестивыхъ бояръ, утиши землю«. Ип., 526. Можетъ быть, и Даниилъ, какъ и Левъ, выдавалъ боярамъ грамоты на владѣніе землею. Въ грамотѣ 1361 г.

войнъ и пожаровъ въ XIV в. и позже, а отчасти были умышленно истреблены ¹⁾. Исчезли, можетъ быть, и лѣтописи, трактовавшія объ югозападной Руси отлично отъ галицко-волынской; слѣды ихъ можно найти у Длугоса ²⁾ и у Татищева ³⁾.

Задача настоящаго труда—указать и объяснить, посредствомъ сравнительно-критическаго изученія источниковъ русскихъ и иностранныхъ въ возможно большемъ ихъ количествѣ, замѣчательнѣйшія явленія княженія Данила Галицкаго, которыми опредѣляется историческое значеніе этого княженія ⁴⁾.

Казиміръ говоритъ: »принедни предъ наше *обличє* слуга палиь вѣрный Ходко Быбелскый и указалъ естъ князя Львовы листы, и *иныхъ старыхъ князий листы*...»

¹⁾ Д. И. Зубрицкаго »Критико-историческая повѣсть временныхъ лѣтъ Червоной или Галицкой Руси« (М. 1845), стр. 80—84. »Наук. сборн., изд. литер. общ. Галицко-русской Матицы«, 1865, вын. III, стр. 182.

²⁾ См. прим. 14-е.

³⁾ Татищевъ пользовался для исторіи Галича и Волыни не галицко-волынской лѣтописью, которой ему было извѣстно только начало (именно характеристика Романа, находящаяся въ Ип. подъ 1201 г. См. М. П. Погодина »Карамзинъ по его сочиненіямъ, письмамъ и отзывамъ современниковъ« (М. 1866), II, 126), а какую-то другую (сл. его »Исторія Россійской«. Кн. I, ч. I (М. 1768), стр. 59, 61—62 и кн. III (М. 1774), прим. 589, 602), писанною не на мѣстѣ. Оттого у него, при подробностяхъ, отсутствующихъ въ галицко-волынской лѣтописи, встрѣчаются нерѣдко неточности въ извѣстіяхъ, понятныя только при отдаленности лѣтописца отъ пунктовъ, въ которыхъ совершались описываемыя событія. Такъ, о Владимірѣ Игоревичѣ онъ говоритъ, что послѣдній самъ изгнанъ Романовичей изъ Владиміра-Вол. (кн. III, 351; сл. Ип., 481); Мстиславъ беретъ у него Галичъ и въ первый разъ съ боя (тоже у Длугоса: lib. VI, col. 605; сл. Ип. подъ 1212, 489); Татищевъ не знаетъ изгнанія Игоревичей Венграми при помощи Галичанъ (о немъ см. Ип., 1205, 483; сл. Тат., III, 364—365 и потомъ 371—372) и т. п.

⁴⁾ Эпоху Данила, ознаменовавшуюся поворотомъ въ жизни югозап. Руси, мы начинаемъ съ перваго выступленія Данила въ качествѣ самостоятельнаго дѣятеля, т. е. со времени перваго прибытія Мстислава въ Галичъ. Оно же случилось въ 1219 г. [Полное собраніе р. лѣтописей, т. III (Сиб. 1841), 37, и I (Спб. 1846), 216, а также VII (Сиб. 1856), 126; Соф. Врем. по изд. Строева (1820), ч. I, 229; въ этихъ лѣтописяхъ неправильно только говорится о плѣненіи Коломана, которое совершилось не въ этотъ разъ; этотъ рассказъ повторенъ подъ

I.

Въ концѣ XII уже столѣтія мы замѣчаемъ въ нѣкоторыхъ передовыхъ русскихъ людяхъ сознаніе необходимости болѣе прочнаго строя, чѣмъ тотъ, который господствовалъ въ тогдашней Руси. Пѣвецъ Игоря Святославича такъ объясняетъ причину невзгодъ русской земли: «...Убудя жирна времена. Усобица княземъ на поганяи погыбе, рекоста бо брать брату: се мое, а то моеже, и начята князи про малое се великое

1218 г. и въ Никоновской лѣтописи («Русская лѣтопись по Никонову списку, изданная подъ смотреніемъ Императорской Академіи наукъ». Ч. II, Спб. 1768, стр. 341); у Татищева (III, 417) первое занятіе Галича Мстиславомъ также отнесено къ 1218 г.; можетъ быть, эти противорѣчія можно примирить, допустивъ, что походъ Мстислава былъ предпринятъ въ концѣ 1218 (мартовскаго) и въ началѣ 1219 (мартовскаго). И. Д. Бѣляевъ («Разказы изъ р. исторіи», кн. 2-я, изд. 2-е, гл. 1-я, М. 1861, стр. 286) и С. М. Соловьевъ («Исторія Россіи», т. II, изд. 3-е, М. 1862, стр. 359) относятъ его ошибочно къ 1215 г.; ихъ соблазнило, вѣроятно, свидѣтельство нѣкоторыхъ лѣтописей, что еще въ 1215 г. Мстиславъ Мстиславичъ удалялся изъ Новгорода въ Кіевъ (П. с. р. л., III, 32; I, 211)—просить Галича, по словамъ нѣкоторыхъ (П. с. р. л., VII, 119; Ник. III, 318; сл. Татищ. III, 382—383, 401—402); въ Ник. (III, 317); о томъ же говорится еще подъ 1214 г., къ которому отнесено это событіе и въ Воскрес.]. А. С. Петрушевичъ кладетъ занятіе Галича подъ 1217 г. («Галицкій историческій сборникъ, изд. общ. Галицко-русской Матицы», вып. II, Львовъ 1856, стр. 20). Съ нами согласны: Н. М. Карамзинъ («Ист. Госуд. Росс.», изд. Эйнерлинга, кн. I, т. III, прим. 189, стр. 86), Зубрицкій («Ист. гал.-р. княж.», III, 67) и И. И. Шараневичъ («Исторія галицко-володимирской Руси», Львовъ 1863, стр. 75)]. Около этого же перваго занятія Галича Мстиславомъ, мать Даниїла, видя его уже взрослымъ, принимаетъ монашество (Ип., 490), хотя послѣ того не отрелася совершенно отъ участія въ политическихъ дѣлахъ, касавшихся ея сыновей (см. Ип., 492 и 548). Умеръ Даниїль не ранѣе осени 1263 г. и не позже осени 1264 г. Мы такъ думаемъ потому, что объ его смерти говорится въ гал.-вол. лѣт. вскорѣ послѣ описанія убійства Миндовга и передъ описаніемъ кометы (Ип., 570), а эта комета была видна въ теченіе 80 дней въ августѣ, сентябрѣ и октябрѣ 1264 г. (см. Annales VVratisl. у Pertz'a, XIX, p. 528; см. ibid., 601; ibid., IX, p. 560. Pertz. «Scriptores rerum Austriacarum T. I. Lipsiae. MDCCXXI», p. 464 и т. д.). Въ Густынской лѣт. смерть Даниїла показана подъ 1262 г. (П. с. р. л., II, Спб. 1843, стр. 343); у Сарницкаго (Annales, sive de origine et rebus gestis Polonorum et Lituavorum libri octo. MDLXXXVII, p. 283: «1264. Russi et Tartari fusi et profligati a Polonis ad Pietam campum.

мѣвѣти, а сами на себѣ крамолу ковати: а поганѣи съ всѣхъ странъ прихождаху съ побѣдами на землю Рускую... О! стонати Руской земли, поманувше прѣвую годину, и прѣвыхъ князей ¹⁾».

Быть можетъ, такое сознание, хотя, конечно, не вполне пришедшее въ ясность, не мало помогло въ началѣ XIII в. одному изъ волинскихъ князей Роману Мстиславичу, отцу Даніила, при созданіи имъ изъ югозап. Руси одного сильнаго княжества, успѣвшаго сдѣлаться страшнымъ для сосѣдей въ самое короткое время.

Для южной Руси готовилась, повидимому, самая счастливая будущность, и недаромъ летопись говорить о Романѣ нѣсколько разъ съ глубокимъ уваженіемъ, а въ народѣ живая память о немъ сохранилась 80 лѣтъ спустя послѣ его смерти ²⁾. Но новый порядокъ, введенный Романомъ, держался силою его личности и еще долго нуждался въ поддержкѣ его самого или лица, подобнаго ему. Романъ же, къ несчастію, скоро умеръ, оставивъ своего малолѣтняго наследника подъ опекою матери, не могшей, конечно, совладать съ громаднымъ количествомъ трудностей, которыя не замедлили явиться передъ нею. И вотъ дѣло Романа рушилось вслѣдъ за его отходомъ въ могилу, и югозападная Русь возвратилась къ прежнему состоянію раздробленія. Этого мало: иноземцы прочно утвердили въ ней свое вліяніе и стремились подчинить себѣ значительную ея часть.

Но въ то время, какъ, казалось, мысль объ ея сплоченіи совершенно исчезла и перестала тревожить возможностью своего осуществленія тѣхъ, кому это было несприятно, чрезъ пятнадцать лѣтъ послѣ смерти Романа, выросшій его сынъ Даніиль, имѣя въ своемъ распо-

*Dux autem Russorum erat Suaruo. Nam Daniel Romanides paulo ante mortuus erat, licet Miechouiensis mortem eius in annum 1266 referat**)—подъ 1264 г.; въ *Ann. Polon. I, IV.* (Pertz, XIX, 636—637) и у Башко (*Sommersb. II, 76*)—подъ 1266 г., послѣ извѣстія о разбитіи русскихъ, упомин. въ *Ип.* подъ 1268; у Длугоша—подъ тѣмъ же годомъ (*lib. VII, col. 779*). Такимъ образомъ, наше повѣствованіе будетъ касаться времени отъ 1219 г. по 1264-й.

¹⁾ У Татищева (*III, 94*) подъ 1155 г. приводится любопытная рѣчь о единовластїи; см. также на стр. 337—338 интересное предложеніе будто-бы Романа Мстиславича—о переустройствѣ Руси.

²⁾ *Ип.* подъ 1288, 605: по Владим. Васильков. «плавахуся лѣпшии мужи Володимерьстїи, рекуче: добро бы ны, господине, с тобою умрети, створшему толикую свободу, якоже и дѣдъ твой Романъ свободилъ багетъ отъ всихъ обидъ».

рженіи—и то по милости Лешка ¹⁾—одинъ Владиміръ ²⁾, вновь поднимаетъ этотъ вопросъ, возобновляетъ попытку отца и болѣе или менѣе успѣваетъ въ своихъ стремленіяхъ этого рода.

Окончательное уничтоженіе двухъвѣковаго почти раздробленія въ югозападной Руси и подчиненіе ей власти только двухъ сыновей Романа—первое по времени изъ обращающихъ на себя вниманіе явленій этого княженія: главнымъ образомъ, оно наполняетъ первую его половину и составляетъ сущность ея событій ³⁾. Это же явленіе было исходнымъ пунктомъ всего дальнѣйшаго.

Исторія утвержденія власти Романовичей въ югозападной Руси весьма интересна, наглядно показывая политическіи возрѣнія и стремленія различныхъ членовъ тогдашняго русскаго общества.

Посмотримъ же, какъ произошло это соединеніе земель. Кромѣ Владиміра Вол., Данилу досталась, помимо его стараній, только часть восточной Волыни ⁴⁾, именно—по завѣщанію весьма полюбившаго его Мстислава Нѣмаго, его родственника ⁵⁾. Но и тамъ Данилу пришлось добывать себѣ силою нѣкоторыя части этого отошедшаго къ нему по завѣщанію удѣла ⁶⁾. Все остальное приобрѣтено постепенно самимъ

1) Ип., 489.

2) Округъ Владиміра Вол. былъ въ то время незначителенъ. Вся западная крайина, Белзь и Червень, Берестье къ нему не принадлежали.

3) Историкъ обыкновенно этого не замѣчаютъ.

4) Луцкъ, Пересоеиница, Черторыйскъ. Ип., 501—502.

5) Прежде Мстиславъ былъ очень расположенъ къ Даниловому отцу: «ужика сый Роману отъ племени Володимера, прирокомъ Маномаха, бѣ бо велику любовь имѣя ко отцю его, ему же поручивши по смерти свою волость, дая князю Данилови» Ип., 497.

6) И. И. Шараневичъ («Исторія», 81) говоритъ, что, послѣ смерти Мстислава († 1228), Познысье, въ которомъ онъ пребывалъ въ послѣдній годъ своей жизни, отошло къ Данилу. Но о Позныши трудно сказать что-нибудь рѣшительное. Съ одной стороны, оно постоянно принадлежало къ галицкой землѣ (Ип., 501 и 525), и едва ли-бы бояре, накодившіеся при Мстиславѣ Удаломъ до самой его кончины (Ип., 502), уступили его безъ боя Данилу, а лѣтопись ничего не говоритъ о такомъ столповеніи, подъ 1229 же годомъ даетъ поводъ думать, что Познысье управляемо было галицкими боярами (Ип., 506: «князю же Данилови будущу въ Угровьсць, прислаша Галичанѣ, рекуще: «яко Судиславъ шель естъ во Познысье, а королевичъ в Галичи осталъ; а поиди борже»); съ другой стороны, странно, зачѣмъ, по словамъ лѣтописи, одинъ изъ галицкихъ бояръ отправился туда однажды съ войскомъ (см. сейчасъ привед. мѣсто изъ Ип.).

Данилоу, такъ что Владиміръ былъ какъ-бы основнымъ ядромъ, въ которому примыкали покорившіяся потомъ земли.

Можно различать два періода въ его дѣятельности въ этомъ отношеніи.

Первоначально онъ стремился къ подчиненію и покорять земли, которыя были его «отчиною», но въ тоже время ему не принадлежали. Такою «отчиною» прежде всего онъ могъ считать Владимірекую землю, обнимавшую большую часть западной Волыни. Остальная часть послѣдней составляла особенный удѣлъ, главными городами котораго были Белзь и Червень. Несомнѣнно, что и въ восточной части Волыни ири Романъ были особенные князья¹⁾; онъ только привелъ ихъ къ подчиненію себѣ²⁾. Затѣмъ Данилъ болѣе всѣхъ остальныхъ русскихъ князей имѣлъ правъ на Галичь, потому что онъ одинъ могъ назвать Галичь своею «отчиною»; кромѣ того, его отецъ былъ въ тѣсномъ родствѣ съ сошедшею со сцены галицкою княжескою линіею³⁾ а Галичь привыкъ переходить отъ отца къ сыну по праву наслѣдства. Въ послѣднее время своей жизни Романъ владѣлъ также Кіевомъ. Но Данилъ или не считалъ за собою особенныхъ правъ на эту часть юго-западной Руси въ сравненіи съ другими князьями⁴⁾, или не хотѣлъ ихъ завлечь, не желая вступать въ утомительную борьбу, которая, быть можетъ—онъ такъ думалъ, и въ случаѣ удачи не принесла-бы ему большихъ выгодъ. Что Данилъ не имѣлъ тогда видовъ на Кіевъ, это лучше всего подтверждается тѣмъ, что Владиміръ Рюриковичъ, бывшій Кіевскимъ княземъ, боившійся было на этотъ счетъ и воевавшій потому противъ Данила, очень скоро успокоился и съ тѣхъ поръ

1) Извѣстіе Стрыковскаго (*Kronika polska, litewska, żmódzka i wszystkiej Rusi*, T. I. Warsz. 1846. Str. 212), что Романъ владѣлъ Луцкомъ, повѣрно.

2) По словамъ Длугоша (*lib. VI, col. 604*), Романъ «*ferre universae Russiae, partim tyranni cе, partim largitione et ingenio usurpauerat dominationem et principatum, Russiaeque Duces in suum coegerat obsequium et tributum*». Въ этомъ, быть можетъ, смыслъ Романъ названъ въ галицко-вол. лѣтоп. «самодержьцемъ всея Руси» (Иш., 479; сл. показаніе Стрыковскаго о томъ, что Романъ называлъ себя «*monarcha wszystkiej Rusi*», I, str. 210).

3) Иш., 444.

4) Мы не встрѣчаемъ, чтобы онъ претендовалъ на него такъ, какъ претендовалъ на др. земли, т. е. чтобы онъ называлъ его своею «отчиною».

находился въ постоянномъ съ нимъ союзѣ ¹⁾. Овладевши даже Кіевомъ, Даниль готовъ былъ возвратить его Михаилу Черниговскому ²⁾.

Такимъ образомъ, въ первую половину своей жизни Даниль стремился въ качествѣ отчича овладѣть Владимірскимъ удѣломъ, во всемъ его составѣ, и галицкою землею.

Такія стремленія онъ проявилъ сразу. Краковскій князь Лешко во время Даниилова малолѣтства отхватилъ нѣкоторыя забужскія земли. Породнившись съ Мстиславомъ, Даниль жаловался ему на это: «отчину мою держить», говоритъ онъ, и, когда тотъ не согласился помогать ему, онъ самъ «ѣха съ братомъ и приа Берестий, и Угровескъ, и Верещинъ, и Столнѣ, Комовъ, и всю Украину ³⁾». Другой походъ, съ цѣлью восстановленія прежнихъ границъ Владимірской земли, относится къ концу 1230-хъ годовъ. Даниль хотѣлъ идти на Ятвяговъ, но помѣшало наводненіе, о которомъ онъ узналъ у Берестья. Тогда онъ вспомнилъ, что у него есть враги поближе. «Данилови рекъшу: не лѣпо ссть держати наше отчины крижевникомъ, Тепличемъ, рекомымъ Соломоничемъ», и *поидоста на нь* в силѣ тяжыцѣ; приаста градъ мѣсяца марта, старѣйшину ихъ Бруна яша и вои изонмаша, и возвратися Володимѣрь ⁴⁾.

1) Ип., 502—503; 511; 513—516.

2) Ип., 521: «Даниль же с(ъ)вѣтъ створи со братомъ си, обеща ему Кіевъ Михайлови... Михаилъ же, за страхъ Татарскій, не смѣити Кіеву».

3) Ип., 490.

4) Большинство историковъ не рѣшало вопроса о томъ, что именно изъ Даниловой отчины было занято крестоносцами. Мы находимъ объ этомъ болѣе или менѣе подробныя соображенія только у Даниловича и у А. С. Петрушевича. Первый изъ нихъ (*Skarbiec diplomatów*. Т. I. Wilno, 1860. Str. 61 и 62 (№№ 76 и 77) полагаетъ, что лѣтопись говоритъ о помощи Данила литовцамъ противъ соединеннаго на нихъ ополченія, и относитъ это къ 1237 г. Но лѣтопись не даетъ ни малѣйшаго права на такое заключеніе. А. С. Петрушевичъ слѣдуетъ прямому ея смыслу, но затрудняется, какихъ разумѣть рыцарей, Добрынскихъ-ли, «поселившихся въ порубежной Польшѣ для обереганія ея отъ нападеній изычниковъ Пруссовъ», или настоящихъ Темпларіевъ, находившихся около этого времени въ г. Луковѣ, близъ русской границы? («Гал. ист. сб.», вып. II, 108, пр. 22). Третій ученый, И. Д. Бѣляевъ («Разск. изъ р. ист.», кн. 4-я, ч. I, М. 1872, стр. 34), думаетъ, что лѣтописецъ имѣлъ въ виду Берестье. Для опроверженія этого достаточно внимательно прочесть слова лѣтописи. Мы полагаемъ, что здѣсь дѣло идетъ о возвращеніи Даниломъ Дорогичина съ его

Изъ этого видно, что западная Волынь была покорена Даниломъ безъ особенныхъ трудовъ.

округомъ, который въ 1237 г. былъ отданъ Конрадомъ Мазовецкимъ магистру Герману (разум. Баяку) и братьямъ рыцарямъ Христа, нѣкогда Добрынскимъ (*quondam Dobrinensis ordinis*). (Извлечение изъ грамоты Конрада находится у Даниловича: »Skarb«, № 79, str. 63; въ подлинникѣ же она помѣщена у Voigt'a II, 277). О томъ же упоминаетъ Ярошевичъ: »Obraz Litwy pod wzgledem jęj cywilizacyi«, cz. I. (Wilno 1844, str. 19). Этотъ городъ былъ, дѣйствительно, городомъ »отцовъ Данила, какъ называетъ его послѣдній (Ип., 524) и »отчиною«, какъ называетъ Даниль городъ, отнятый у крестоносцевъ. Дорогичинъ, занятый рыцарями, какъ видно изъ упомянутой нами грамоты, находился въ Подляхii (»castrum Drohicin et totum territorium, quod ex eadem parte castris continetur a medietate fluminum Bug et Nur, usque ad metas Rutenorum«) (тутъ упоминается также о Пруссахъ). Нарушевичъ (»Historya narodu polskiego«, t. IV, Warsz. 1783, str. 86—87) говоритъ, что было два Дорогичина, одинъ въ Подляхii, другой въ Холмской землѣ, и что русскимъ принадлежалъ послѣдній, бывший первоначальною столицею Ятвяговъ; подляшскій же былъ основанъ ими ниже по Бугу, послѣ того какъ они были вытѣснены изъ земель, лежащихъ по верхнему его теченію; Даниль, по его мнѣнію, былъ коронованъ въ холмскомъ (с. t. V, Warsz. 1803, str. 397). Въ этомъ случаѣ Нарушевичъ шелъ не за фактами, а старался подогнать ихъ подъ заранѣе придуманную гипотезу, которую ему хотѣлось доказать, во что бы то ни стало. Наша достовѣрная лѣтопись не знаетъ двухъ Дорогичиновъ, а тотъ, о которомъ она нѣрѣдко упоминаетъ, по всѣмъ соображеніямъ, находился въ Подляхii. Возвращаясь изъ Мазовii послѣ татарскаго нашествія, Даниль идетъ къ Дорогичину, затѣмъ къ Берестью, затѣмъ въ Холмъ (Ип., 524): очевидно, въ этомъ случаѣ нужно разумѣть Дорогичинъ подляшскій. О Василькѣ говорится, что онъ, отправившись однажды изъ Владиміра, былъ въ Дорогичинѣ на третій день (Ип., 531)—разстояніе, указывающее опять на подляшскій Дорогичинъ. Въ Дорогичинѣ же Даниль снимается на Ятвяговъ (Ип., 538 и 549), а Литва, идя воевать Ляховъ, проходитъ мимо него (Ип., 571) и т. д. Прибавимъ еще возраженіе Даниловича (»Skarb«, str. 45, прим. 2), что трудно отнести къ холмскому Дорогичину слѣд. слова Кадлубка: »Norum (i. e. Pollexianorum) latrunculos quidam Ruthenorum Drohicinensis princeps fovere consueverat«. (»Res gestae principum et regum Poloniae«, p. II, Vars. 1824, p. 86), потому что »trudno, aby tak daleko zabiegalo i szukalo przytalku Pruskie lotrowstwo, czyli kozactwo jakie zowie Strykowski«. Переходимъ къ опроверженію того, что первоначальною столицею Ятвяговъ былъ холмскій Дорогичинъ, а потомъ подляшскій. Если у Длугоша (lib. IV, col. 394: »gens Jacwingorum..., cujus principalis et Metropolis arch Drohiczyn«...) и у Стрыйковскаго (t. I, str. 183) говорится о Дрогичинѣ, какъ о столицѣ Ятвяговъ (Кадлубка Нарушевичъ не понялъ), то нужно думать, что Дорогичинъ былъ главный городъ въ отвоеванной

На Галичѣ, составлявшій цѣлую Данилову «полотчину»¹⁾, Данилъ долго не заявлялъ своихъ притязаній. Только послѣ удаченія

отъ нихъ землѣ; приписывать же имъ самимъ его построеніе невозможно: извѣстно изъ Кадлубка (II, 88), что у нихъ не было городовъ, и это продолжалось до времени Данила (Ип., 553). Стрыйковскій говоритъ еще (I, 185), что папа разрѣшилъ Болеславу Студливому поставить въ Дорогичинѣ епископа для Ятвяговъ и прибавляетъ, что копія папской буллы есть у Длугоша, по тамъ (lib. VII, col. 771) о Дорогичинѣ нѣтъ и помину. Этотъ городъ былъ основанъ русскими поселенцами. Ярошевичъ («Obraz Litwy», I, 17) предполагаетъ, что это случилось послѣ ятвяжскаго похода Ярослава I, записаннаго въ нашей лѣтописи подъ 1038 г. Вмѣстѣ съ Берестьемъ Дорогичинъ былъ причисленъ къ Туровской системѣ (Татищевъ, «Ист. Р.», кн. II (М. 1773), стр. 170 и 179; сл. П. с. р. л., I, 112),—владѣніямъ Изяслава рода. Можетъ быть, они всегда составляли одинъ удѣлъ, что мы видимъ позже. Тогдашнія русскія границы въ тѣхъ краяхъ опредѣляются приблизительно тѣмъ, что Ярославъ Ярополчичъ Берестскій былъ пойманъ во время бѣгства на Нурѣ (П. с. р. л., I, 117) (сл. Татищ. III, 247). По Татищеву (II, 246), Изяславу Мстиславичу отъ Вячеслава осталась одна Дорогичинъ. По Никон. (II, 66), въ 1132 г. Дорогичинъ (въ текстѣ Ник. стоитъ «Дрочевъ», но Карамзинъ (т. II, прим. 260) утверждаетъ, что подъ нимъ нужно разумѣть Дорогичинъ; сл. Арцыбашева «Повѣствованіе о Россіи», т. I, М. 1838, кн. II, № 453) былъ отданъ Ярополкомъ Изяславу Мстиславичу вмѣстѣ съ Туровомъ, Пинскомъ и др. Въ 1142 г. Всеволодъ Кіевскій предлагалъ Берестье, Дорогичинъ, Черторыйскъ, Ключскъ, братьямъ и отдалъ первые два города Давидовичамъ. (Ип., 222—223). Въ 1149 г. въ Берестѣ съ Дорогичинимъ сѣлъ, по словамъ Татищева (III, 2), Владиміръ Андреевичъ (Ипатскій списокъ, дѣйствительно, упоминаетъ подъ 1153 г. о немъ, какъ о Берестскомъ князѣ. Стр. 321). Потомъ онъ утратилъ ихъ (Тат. III, 52; Ип., 365). Въ 1171 г. Берестье и Дорогичинъ, по словамъ Татищева (III, 177), были уступлены Васильку, но въ 1173 г. мы застаемъ въ Берестѣ меньшаго Романова брата (Ип., 383). Если вѣрить Татищеву (III, 2478), то упомянутый Василько Ярополчичъ Дроичій владѣлъ Дорогичинимъ и забужскимъ Подляшiemъ еще въ 1182 г., а Берестье находилось тогда подъ властію Владиміра Минскаго; они вступили въ борьбу, и Василько, не имѣя чѣмъ вознаградить поляковъ за помощь, обѣщалъ передать имъ, при своей смерти, Подляхію; узнавши объ этомъ, Романъ Вол. прогналъ изъ нея Василька и поляковъ и присоединилъ Подляхію къ своимъ владѣніямъ. Карамзинъ (III, прим. 87, стр. 44) находитъ нѣкоторыя несообразности въ этомъ разсказѣ. Но несомнѣнно, что Дорогичинъ имѣлъ въ это время особеннаго князя и былъ центромъ отдѣльной области; это подтверждается Кадлубкомъ (см. выше), по словамъ котораго Дорогичинъ былъ завоеванъ Казиміромъ (II, р. 43 et 86). Извѣстіе Татищева о захватѣ его Романомъ заслу-

Мстислава изъ Галича онъ почувствовалъ свои руки развязанными, и съ этого времени его дѣятельность направлена преимущественно въ приобрѣтенію этой богатѣйшей и лучшей части его отчины.

живаегъ вниманія при томъ характерѣ, которымъ отличался Романъ, и при тѣхъ стремленіяхъ, которыя онъ пытался осуществить. Стрыйковскій также говоритъ (I, 211), что Романъ владѣлъ Черною Русью. Вмѣстѣ съ Берестьемъ и др. украинными городами, былъ захваченъ Лешкомъ, вѣроятно, и Дорогичинъ и возвращенъ одновременно съ ними. Конрадъ взялъ его, вѣроятно, въ періодъ враждебныхъ отношеній къ Даниилу (въ 1235 или въ 1236 г.). Итакъ, Дорогичинъ, о которомъ говоритъ Конрадова грамота 1237 г., былъ отнятъ у югозападной Руси. Зная это и не исгрѣчая другихъ случаевъ захвата русскихъ земель иноземцами въ то время, мы имѣемъ полное право допустить, что рассматриваемый нами походъ Даниила имѣлъ цѣлью возвращеніе Дорогичина, тѣмъ болѣе, что Даниилъ несомнѣнно владѣлъ послѣднимъ передъ самымъ татарскимъ нашествіемъ [въ противномъ случаѣ онъ не шелъ бы къ нему, возвращаясь изъ Польши послѣ этого нашествія; Даниила не выпустили тогда въ городъ, который былъ занятъ имъ потомъ; «и обновивъ... и рече: се градъ мой, преже бо прияхъ и копьемъ» (Ип, 524) слово «преже» указываетъ на время, предшествовавшее занятію Дорогичина неизвѣстнымъ лицомъ, а лѣтопись ничего не сообщаетъ о взятіи его]. Всѣ почти данныя на сторонѣ нашего предположенія. Наша лѣтопись говоритъ о взятіи *одного* города («приста градъ мѣсяца марта...», стр. 517); походъ былъ совершенъ Данииломъ въ непродолжительное время: *весною* онъ пошелъ на Ятвяговъ и, не могши идти на нихъ по случаю разлітія рѣкъ, отправился на крестоносцевъ и побѣдилъ ихъ *въ мартъ*; это согласуется съ тѣмъ, что Дорогичинъ былъ по сосѣдству съ Берестьемъ, изъ котораго Даниилъ пошелъ на Ятвяговъ. (Конрадъ даетъ крестоносцамъ округъ «usque ad metas Ruthenorum», т. е. до границъ Брестской земли); занимавшіе Дорогичинъ рыцари бы и, дѣйствительно, «Тепличы», т. е. Templarii, потому что, по словамъ Нарушевича (t. V, 1803, nota 86 do ks. II, str. 439), прежнихъ «braci Dobrzyńskich na proźbę biskupa Płockiego złączył w jeden zakon z krzyżakami w roku 1235 Grzegorz IX papież» (къ тевт. ордену причисляетъ этихъ Добрыньскихъ рыцарей въ своемъ актѣ и Конрадъ); наконецъ, Конрадъ какъ-бы опасался какихъ-то нападеній и боялся, чтобы Дорогичинимъ не овладѣлъ кто-нибудь другой («Му nawzajem zobowiązaliśmy się bronić rzeczonej ziemi Drohicin od nieprzyjacielskich natarczywości. Prócz tego, rzeczeni bracia uroczyście zobowiązali się nie lokować w ziemi Drohicickiej nikogo z możnych (neminem potentium) ku naszej szkodzie i uciskowi, ani tej ziemi ustępować, przedawać, zamieniać, darować, lub jakkolwiek przelewać na kogo, bez naszej zgody i rady». Весьма правдоподобно толкованіе Даниловича («Skarb.», 63): «Wyraz *potentes* może ściągać się do zakonu niemieckiego, jak mniema Voigt; może też pod nim rozumiani są książęta Ruscy, pragnący podbić Drohiczyn, któ-

Не скоро и не легко пришлось ему окончательно в ней утвердиться. Дѣло въ томъ, что онъ тамъ натолкнулся на весьма сильный отпоръ, тогда какъ на Волыни народъ былъ всегда на его сторонѣ²⁾.

То же мы видимъ и въ Галичѣ. Но народное сочувствіе здѣсь меншого значило. Было важно, какъ отнесутся къ Даниилу галицкіе бояре.

Это потому, что они пользовались въ своей странѣ особенною силою, такъ что община не имѣла права рѣшающаго голоса.

Первоначальный складъ общественной жизни въ Червонной Русѣ³⁾,

его niemożec obronić Konrad, darował zakonowi, aby miał od niego wsparcie rycerzów Rusinom*). Затрудненіе можетъ быть только относительно времени, въ которое совершился Данииловъ походъ. Лѣтописецъ ставитъ это передъ возведеніемъ на Конрада Лютвы (которое случилось въ 1236 г.) и передъ поѣздкой Даниила въ Венгрію въ 1235 г., а Дорогичинъ находился во владѣніи рыцарей еще въ 1238 г., какъ видно изъ палеочатанной у Даниловича найденной тамъ надгробной надписи. Но подъ 1235 г. въ галицко-волынской лѣтописи обито въ вѣчу множество разновременныхъ событій, такъ что она не можетъ стѣснять насъ въ этомъ отношеніи, и ислѣдуемый походъ Даниила мы имѣемъ право отнести въ 1236, или даже къ 1239 г. По лѣтописи можно обозначить время занятія Дорогичина поляками только приблизительно: передъ войною черниговскою онъ находился еще во владѣніи Романовичей (Ип., 531). Должно быть, покушенія крестоносцевъ этимъ не ограничились. Данииль просилъ папу, чтобы тотъ запретилъ крестоносцамъ и другимъ духовнымъ лицамъ поселяться и приобретать каки-нибудь имѣнія въ русскихъ земляхъ безъ княжескаго позволенія [см. Historica Russiae Monumenta, I, довум. LXIX-й (1247 г.)]. Что рыцари бывали во владѣніяхъ Даниила, можетъ быть — съ коммерческою цѣлью, это видно изъ папской буллы 1248 г., въ которой Иннокентій IV просясь послѣдняго, при первомъ извѣстіи о шествіи татаръ на христіанскія земли, сообщать о томъ >dilectis filiis fratribus de domo Theotonica, in Russiae partibus commorantibus*. (Н. Р. М., I, № LXXVII).

¹⁾ Ип., 535: >Приславшу же Могучѣви посоль свой къ Данилови и Василькови, будущю има во Дороговьскы: >дай Галичъ!... и поѣха во Батыеви, река: >не дамъ полуотчины своей!...

²⁾ Волынскіе бояре являлись на помощь Даниилу даже въ то время, когда были на службѣ у другаго князя. Ип., 487: >Приде зороль в Галичъ, и приведе ятровъ свою великую княгиню Романовую, и бояре Володимерьскыи і Интгваръ приде из Лучска, инии князи. Во Владимірь княжилъ тогда Александръ Белзскій.

³⁾ Она образовала изъ себя отдѣльную землю не позже 80-хъ годовъ XI-го стол. Первое указаніе на этотъ фактъ мы находимъ въ нашихъ лѣтописахъ подъ 1086 г. (И. с. р. л., I, 86; въ Ип. см., стр.

насколько мы имѣемъ право судить о немъ при крайней скудости извѣстій, не носилъ на себѣ никакого особеннаго отпечатка. Отношенія между общественными элементами: княземъ, дружиною и общиною, были тѣже, что и въ остальной Руси. Бояре составляли непрѣмѣнную часть дружины, въ которой они занимали только высшее мѣсто¹⁾; дружина же едвали была тѣсно связана съ землею²⁾. Она упоминается довольно часто и ревностно поддерживаетъ князя еще при Владиміръѣ, который *съ помощію ея* подавляетъ возстаніе въ Галичѣ и усаживается въ немъ, несмотря на сильную реакцію горожанъ. Изъ лѣтописнаго разсказа объ этомъ событіи видно, что народъ тогда былъ на одной сторонѣ, а князь и дружина стояли на другой³⁾.

Иное замѣчаемъ въ Галичѣ при преемникѣ Владимірка, Ярославѣ Осмомыслѣ. При князѣ продолжаетъ пребывать постоянно его собствен-

145, подъ 1087). У Татищева (II, 136) Володаръ Ростиславичъ названъ Перемишльскимъ еще въ 1081 г. Надѣлилъ Ростиславичей Червонною Русью Всеволодъ Ярославичъ. Мы такъ думаемъ на основаніи слѣдующихъ словъ княжескаго опредѣленія на Любечскомъ съѣздѣ: «а имъ же роздалъ Всеволодъ города, Давыду Володимерь, Ростиславичема Перемишль Володареви, Теробовъ Василькови». (П. с. р. л., I, 109). Намъ кажется, что такое объясненіе этого мѣста вѣрнѣе, нежели предлагаемое Д. И. Зубрицкимъ (см. II-ю ч. «Ист. др. Гал.-р. княж.», стр. 20): въ лѣтописи говорится: «роздалъ», а не раздѣлилъ. Сл. Тат. II, 189, гдѣ Ростиславичи говорятъ Святополку: «какъ отецъ твой умеръ, то братъ твой Ярополкъ преступи отцово клятвенное обѣщаніе и Стрия своего Всеволода увѣщаніе, насъ Владимира лишилъ, и мы уже довольны были тѣмъ, что намъ тогда дали, и братъ твой клятвоу утвердилъ». Приобрѣтеніе Ростиславичей было окончательно утверждено за ними на Любечскомъ съѣздѣ.

¹⁾ Они составляли старшую дружину. См. слова Василька: «...рену брату своему Володареви и Давыдовы: дайте ми дружину свою молодую, а сама пійта и веселится; и помыслихъ: на землю Лядскую наступлю на зиму...» (П. с. р. л., I, 113).

²⁾ У Татищева въ числѣ Васильковыхъ дружинниковъ упоминается одинъ иностранецъ. Знаменитый Петръ, плѣннвшій Володаря, былъ принятъ весьма радушно Ростиславичами, потому что могъ украсить собою ихъ дружину (см. сочин. Кадлуба, I, 252).

³⁾ Во время возстанія вся дружина поддерживала князя. «Послашася Галичане по Ивана по Ростиславича въ Звенигородъ, и въведоша къ собѣ въ Галичъ. Володимерь же слышавъ съзвупи дружину, и приведе насъ къ Галичу, и ста ободо города.... выступи на нѣ Иванъ с Галичаны...» и т. д. Ип., 226.

ная дружина ¹⁾, которую должно отличать от собиравшегося на время земскаго ополченія—•попка ²⁾•, фигурировавшаго при внѣшнихъ стоіковеніяхъ ³⁾; но верхній слой служилаго сословія, несмотря на то, что однажды названъ «дружиною» попрежнему ⁴⁾ и въ разговорѣ съ княземъ опредѣляетъ свои обязанности такъ, какъ это подобало настоящимъ дружинникамъ ⁵⁾, въ сущности уже отличенъ отъ дружины въ собственномъ смыслѣ этого слова, отъ «княжихъ слугъ ⁶⁾». Онъ не чувствуетъ себя болѣе тѣсно соединеннымъ съ княземъ и представляетъ нѣчто совершенно отдѣльное. Онъ желаетъ и начинаетъ вліять на князя не такъ, какъ вообще вліяли тогда дружинники. Эта сила и авторитетъ высшаго класса галицкаго служилаго сословія по отношенію къ князю видны при Ярославѣ сразу. Известно, что его отецъ захватилъ нѣсколько Изяславовыхъ городовъ. Ярославъ хотѣлъ ихъ возвратить, но бояре не позволили ⁷⁾. Они не терпятъ, чтобы дѣлами управлялъ по милости князя кто-нибудь посторонній, и потому возстаютъ въ 1173 г. противъ Ярослава и такихъ его любимцевъ, названныхъ въ лѣтописи «чарговою чадью», по всей вѣроятности—людей незнат-

1) Въ 1157 г. Ярославъ послалъ за Берладникомъ Святополка и Кевятина «съ многою дружиною». Ип., 385.

2) «Попкъ» разграничивается отъ «дружины» въ слѣдующихъ словахъ Ярослава Осмомысла: «а попкъ его (т. е. Ярославова отца) и дружина его у мене суть». Ип., 320.

3) О Ярославѣ Осм. говорится въ лѣтописи: «Бѣ... славенъ попкъ гдѣ бо башеть ему обида, самъ не ходяшеть попкъ своимъ...» (Ип., 441—442). Въ 1153 г. Ярославъ вышелъ противъ Изяслава «попкъ своимъ» (Ип., 321).

4) «И начашася слати к ней Святополкъ и ина дружина (къ Ярославовой женѣ), вабиче ю опять...» Ип., 384.

5) Такіе дружинники должны бы и «искать себѣ чти, а князю славы» (см. «Слово о п. Иг.»). Въ 1153 г., передъ битвой съ Изяславомъ, «Галицскіи мужи» говорятъ Ярославу: «а хотимъ за отца твоего честь и за твою голову своя сложити» (Ип., 321).

6) Ип., 319: «Петръ же поѣха въ градъ, и поѣха на княж дворъ, и ту снидоша противу ему съ снпѣй слуги княжи вси в червнхъ мятлхъ... и яже взиде на снпѣ, и види Ярослава сѣднца на отни мѣстѣ в черни мятли и въ клобуцѣ, такоже и вси мужи его».

7) Тат. III, 77: «бояре его не восхотѣи, говоря: «мы не хотимъ тѣмъ князю своему порока папести, но, положась на Бога, будемъ его всею нашею возможностью защищать, доколѣ Богъ изволятъ. И съ тѣмъ посла Изяслава отпустили». Сл. Ип., :20.

ных¹⁾. Намъ кажется, что главнымъ поводомъ къ возмущенію было желаніе устранить изъ преобладаніе; но, не рѣшаясь прямо высказаться, бояре привязались къ семейной жизни князя. Во всякомъ случаѣ вмѣшательство въ его семейныя дѣла указываетъ на значительную ихъ силу²⁾. Впрочемъ, они не выказывали восторжествовали надъ Ярославомъ. Несмотря на то, что онъ цѣловалъ крестъ поступать по ихъ волѣ³⁾, его жена принуждена была навсегда покинуть Галичъ⁴⁾, а сынъ былъ однажды имъ изгнанъ⁵⁾. Такую силу по отношенію къ князю проявилъ при Ярославіи высшій классъ галицкаго служилаго сословія. Съ другой стороны, мы видимъ, что онъ присвоилъ себѣ и началъ пользоваться тѣми правами, которыми въ другихъ областяхъ пользовалась община, самъ сталъ распоряжаться за галицкую общину. Передъ своею смертію Ярославъ созываетъ весь народъ. «И ко преставленію своему в болѣзни тяжцѣ познася худъ, и созва мужа своя и всю Галицкую землю, позва же и зборы вся и монастыря, и нищія, и силныя и худыя». Онъ ваетъ во грѣхахъ своихъ передъ всѣми: «и тако глаголаше плачася ко всѣмъ: отци, и братья, и сыновѣ! се уже отхожу свѣта сего суетнаго и иду во Творцю своему, а сгрѣшихъ паче всехъ якоже

1) Г. Хлѣбниковъ («Общество и государство въ до-монгольскій періодъ русской исторіи», Спб. 1872, стр. 105) о времени до 1055 г. говоритъ: «нарочитыми людьми назывались горожане, а сельскіе-чадью»; въ примѣч. къ этому мѣсту читаемъ: въ самомъ словѣ «чадь» слышится явный слѣдъ родового быта, когда всѣ члены рода были чадами, дѣтьми родового старѣйшины. Теперь, хотя на развалинахъ родовъ образовались сотни, или боярскія вмѣнія, но слово чадь не пропало; жители сотенъ назывались въ общемъ смысломъ чадью; такъ назывались и полукрѣпостные бояре: «мирошквина чадь» и т. д. Сл. для опредѣленія значенія этого слова П. с. р. л. I, 74, 97, Ип., 242, 372, 375, 384. Карамзинъ полагалъ, что подъ этимъ словомъ должно разумѣть *людей* (III. пр. 24).

2) Нѣкоторые полагаютъ, что это было возстаніе всего народа. Можетъ быть боярамъ удалось поднять народъ, но несомнѣнно, что главными дѣятелями были они. Такими они являются въ лѣтописи. Свитополкъ и др. члены дружины говорятъ женѣ Ярослава, что они схватятъ его. Когда это совершилось, извѣщаетъ о томъ опять Свитополкъ и притомъ слѣд. образомъ: «поѣдъ стрятеть, отца ти есмь ям...» Ип., 384—385.

3) Ип., 385: «князя водивше ко кресту, яко ему имѣти княгиню въправду. и тако уладившеса».

4) Она прожила остатоковъ дней и умерла на сѣверѣ. Ип., 415, 422.

5) Ип., 428: «выгнанъ башеть отцемъ своимъ изъ Галича».

князъ нѣктоже сгрѣши; а отци и братья! простите и отдайте. Посмотримъ теперь, къ кому онъ обращается, когда зашло дѣло о столѣнствѣднн: «и се молвятъ *мужемъ* своимъ: ...а се приваываю мѣсто свое Олгови, сынови своему меншему, а Володимѣру даю Перемышадъ; и съ *мужами Галицкими*, а не съ кѣмъ другимъ, *закмочаетъ* Ярославъ о томъ *рядъ* ¹⁾. Точно также послѣ обращался къ нимъ Романъ Мстиславичъ, желая занять Галицкнй столъ ²⁾.

Это довольно опасное для князя измѣненіе въ отношеніяхъ въ нему высшаго служиваго класса совершилось постепенно и довольно незамѣтно, и потому-то княжеская власть не приняла противъ него во время мѣръ. При Владимѣрѣ въ галицкой землѣ установилось единовластіе и правлю переданн стола отъ отца къ сыну. Попытка Берладника, при Ярославі получнть удѣль въ галицкой землѣ окончилась неудачей. Другія же княжескія вѣтви не простирали своихъ пртязаній на Галичь до конца XIII-го стол. Такимъ образомъ, съ 1144 г. въ Галичь не было той смѣны князей, какая имѣла мѣсто въ другихъ областяхъ, а правиль одинъ князь—безъ конкурентовъ. Князь былъ одинъ, а земля была общирна ³⁾. Естественно, что болре получали въ ней самую широкую власть. Они сидѣли не только въ незначительныхъ городахъ, но и въ первостепенныхъ ⁴⁾. Они могли оставаться на однихъ мѣстахъ очень долгое время, потому что не было обстоятельствъ, которыя могли-бы ихъ заставить покидать ихъ: послѣ смерти отца они продолжали служить у заступавшаго его мѣсто сына; такъ, у Ярослава были «мужи» его отца ⁵⁾. Мы встрѣчаемъ въ лѣтописи лицъ, служившихъ князю въ теченіе 20-ти лѣтъ ⁶⁾. Управление областями должно

¹⁾ Ип., 442: «и урядивъ я, и приводи Володимѣра ко хресту и мужи Галичкыи на семь, яко ему не искать подѣ братомъ Галича..

²⁾ Ип., 444.

³⁾ Какъ рѣдко было подобное обстоятельство въ то время (подчиненіе *одному* князю такой большой области), видно изъ слѣдующихъ предсмертныхъ словъ Ярослава Осмомысла: «се азъ *одиною* худою своею *головою* ходя, *удержалъ* всю *Галицкую* землю» (Ип., 442).

⁴⁾ Въ 1146 г. въ Звенигородѣ сидѣлъ «воевода Володимиръ мужъ» (Ип., 228).

⁵⁾ См. ниже.

⁶⁾ Тудоръ Елуичъ упоминается въ лѣтописи въ 1160 (Ип., 347) и въ 1180 год. (ib., 417). Кенятинъ Сѣрославичъ въ первый разъ упоминается въ 1157 г. (Ип., 335), а въ послѣдній разъ въ 1173 (ib., 384).

было дать имъ особенную силу. Въдѣствие всего этого «княжки мужи» сдѣлались крѣпкими земля¹⁾ и получили въ ней важное значеніе; ставши же не только «княжскими», но и «Галицкими» мужами, успѣли достигнуть въ своей землѣ могущества, они начали существовать, какъ нѣчто постоянное, помимо воли князя.

Прямая подтвержденіемъ всего сказаннаго о процессѣ образованія «Галицкихъ мужей», «движущимся въ вѣвской лѣтописи съ половины XII в., могутъ служить собственныя ихъ слова Ярославу. Они говорили ему передъ битвой съ Изяславомъ: «ты еси холодъ, а побѣди прочь и насъ поворуй, каво ны будешь отецъ твой кормилъ и любилъ, а хочемъ за отца твоего честь и за твою голову свою сложити»; «и рече князю своему: «ты еси у насъ князь одинъ, оже ся тобѣ што учинить, то што намъ дѣяти? а побѣди, княже, къ городу, ать мы ея бьемъ сами съ Изяславомъ, а кто насъ будетъ живъ, а прибѣгнетъ къ тобѣ, а тогда ся затворимъ в городъ с тобою?»». Изъ этихъ словъ ясно: 1) что «Галицкіе мужи», о которыхъ говорить потомъ постоянно лѣтописецъ, — княжескіе дружинники, а не «лучшіе люди» земли: въ приведенномъ нами мѣстѣ лѣтописи они поставляютъ своею обязанностию сложить свои головы за честь князя; 2) что эти дружинники въ мирное время управляли городами галицкой земли: Владимірко ихъ кормилъ²⁾; 3) послѣ Владимірка они служили Ярославу; 4) это были люди, осѣвшіеся на мѣстѣ, не могшіе послѣ смерти одного князя перейти за извѣстную плату къ другому: «ты у насъ князь одинъ», говорили они Ярославу. Не допуская раздробленія галицкой земли во все послѣдующее время, противодѣйствуя отчужденію малѣйшей ея части, они, напротивъ, стремились увеличивать территорію своего княжества,

1) Съ половины XII в. лѣтописецъ все чаще и чаще называетъ ихъ «Галицкими мужами».

2) Ип., 321.

3) Что мы правильно понимаемъ [это слово и что оно въ то уже время было техническимъ [такъ думаетъ и М. П. Погодинъ: «Исследованія, замѣтки и лекціи о русской исторіи», т. VII (М. 1856), стр. 139, пр. 35], это доказывается употребленіемъ его въ такомъ смыслѣ еще въ одномъ мѣстѣ лѣтописи (Ип., 514: Данилъ «прия землю Галичскую и розда города бояромъ и воеводамъ, «сташе корма у нихъ много»). В. И. Сергѣевичъ («Вѣче и князь», М. 1867, стр. 271) говоритъ о періодѣ удѣльно-вѣчеваго уклада: «Получить хорошую волость и быть сыту—это синонимы».

потому что, вмѣстѣ съ тѣмъ, расширялось пространство, подлежавшее ихъ управленію; вотъ почему они удержали Ярослава отъ возвращенія городовъ, занятыхъ его отцомъ. Позже польскіе паны, въ борьбѣ за Червонную Русь, Подолю и Волынь, руководились тѣми же самыми соображеніями.

Приобрѣтая въ странѣ первенствующее положеніе, дружинники пользовались имъ не какъ лучшіе члены общины, не разрывавшіе съ нею связи, а независимо отъ нея и даже въ ущербъ ей. Несмотря на то, они не встрѣчали отъ нея сильнаго сопротивленія, потому что она была рано подавлена въ Галичѣ. Усмиривши возстаніе, *Владиміръ княжилъ начально въ двухъ важнѣйшихъ городахъ своей земли*, именно— въ Галичѣ и Звенигородѣ¹⁾. Реакція противъ Ярослава, судя по всѣмъ даннымъ, также исходила изъ народной массы; мы видимъ ее не въ Галичѣ только, но и на югѣ княжества, въ Берладѣ, Кучелминѣ и Ушицѣ²⁾. Изъ словъ посольства галичанъ къ Изяславу Давыдовичу можно замѣтить, что недовольные молчали подъ давленіемъ силы, но готовы были возстать при первомъ появленіи сторонней помощи, на которую могли бы опереться. Но они ее не дождались (Ярославъ былъ очень силенъ и страшенъ потому; кромѣ того, имѣлъ среди князей весьма много союзниковъ) и безирекословно сносили непріятную власть. Какъ опасно казалась эта реакція Ярославу по количеству ея сторонниковъ среди его подданныхъ, видно изъ его стараній захватить въ свои руки Берладника³⁾.

1) А вѣдь главные города были вожаками областныхъ общинъ.

2) Замѣчательно, что Ивана Ростиславича, котораго недовольные выставили противъ Ярослава, вездѣ встрѣчали съ сочувствіемъ. Къ нему пристало 6000 берладниковъ; когда онъ подошелъ къ Кучелмину, «ради быша ему»; Ушица не сдалась потому, что вошла Ярославова «засада», которая крѣпко билась; «а смерди скачуть чересь заборолу къ Иванови, и перебѣже ихъ 300» (Ип., 341); обыкновенно этого не бывало при княжескихъ междоусобіяхъ. При осадѣ Ушицы обращаетъ на себя вниманіе немало повредившая ему его заботливость о народѣ: «и хотѣша Половци взяти городъ, Иванъ не да имъ взяти» (Ип., ib.). Можетъ быть, народъ любилъ Ивана именно за это и подобныя ему качества.

3) Какую огромную онъ составилъ однажды для этого коалицію! Наче Ярославъ Галичскій вскати Ивана Ростиславича, стрѣвчича своего: Ярославъ бо быше подымолвилъ князѣ Рускѣи, и короля, и Лядскія князя, да быша ему были помочьници на Ивана, и обща-

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что галицкое боярство становилось постепенно въ особенное положеніе вслѣдствіе чисто мѣстныхъ условій. Принимаемое всѣми почти изслѣдователями вліяніе сосѣднихъ странъ, Польни и Венгріи, отличающихся аристократическимъ строемъ, могло имѣть второстепенное только значеніе. Владимірскій удѣлъ также граничилъ съ Польшею, однако мы не замѣчаемъ тамъ особенностей, свойственныхъ Галичу¹⁾.

Въ послѣдующее время, именно отъ смерти Ярослава Осмомысла до окончательнаго утвержденія Данила въ Галичѣ, тамъ продолжали существовать мѣстные бояре, подобныхъ которымъ находимъ еще въ Новгородѣ. Князья смѣнялись, а бояре оставались одни и тѣже; ни одинъ изъ князей, занимавшихъ галицкій столъ, не могъ отодвинуть ихъ на второй планъ, затереть ихъ своими собственными боярами; если у него были свои дружинники, то они не играли въ странѣ значительной роли²⁾.

Но этотъ періодъ довольно продолжителенъ; старые Ярославскіе бояре должны были вымереть въ началѣ его. Спрашивается, откуда пополнялся этотъ классъ населенія и какъ поддерживался?

Положеніе этихъ бояръ въ странѣ было такое же, въ какомъ находились Ярославскіе бояре. Князья весьма часто терпѣли ихъ но неволь, встрѣчая на каждомъ шагѣ отъ нихъ стѣсненіе, готовность къ неповиновенію, личныя оскорбленія. Взгляните также на ихъ отношенія къ остальному населенію земли. Гдѣ должна была что-нибудь рѣшать сама страна, тамъ всегда выступали на сцену бояре. Искрѣдка только проглядываетъ въ лѣтописи народъ, какъ дѣятельная сила; онъ заявлялъ свой голосъ, когда налицо не было бояръ. Бояре же въ политикѣ почти всегда дѣйствовали вопреки его благосостоянію. Они были виновниками большинства смутъ въ странѣ со времени смерти Яро-

нася ему вси. И послана послы Киеву къ Изяславу Давыдовичю: Ярославъ Галичскій Избигнѣва, Святославъ Олговичъ Жирослава Иванковича, Ростиславъ Мьстиславичъ, Мьстиславъ Изяславичъ Жирослава Васильевича, Ярославъ Изяславичъ Онофрѣя, Володимеръ Андрѣевичъ Гаврила Васильевича, Святославъ Всеволодичъ Бняпина, король мужа своего, и отъ Ляховъ мужъ свой. (Ип., 341).

1) См., напр., мѣста Ип. сп. о Романовой дружинѣ. При Данилѣ Волыцкіе бояре являются съ прежнимъ характеромъ.

2) Когда бояре возмущались противъ Владиміра Ярославича, его дружина бѣжала вмѣстѣ съ нимъ. Ип., 444.

слава Осмомысла, особенно со времени смерти Романа, тогда какъ до кончины Ярослава, во все почти продолжительное его княженіе, галицкая земля наслаждалась завиднымъ покоемъ. Они наводили иноземцевъ, которые—были мгновенія—посягали даже на народную совѣсть. Этого мало: сами бояре не особенно церемонились съ народомъ. Послѣ татарскаго нашествія «Доброславъ вокняжился бѣ и Судычъ, поповъ внукъ, и *грабѣше всю землю, и въшедь во Бакоту все Попизье прия...* Григорья же Васильевичъ собѣ горную страну Перемышльскую мысляше одержати; и *бысть мѣтежь великъ в земль и грабежь отъ нихъ* 1)». Народъ предстасть въ жалкомъ видѣ. Вотъ какую картину рисуетъ въ одномъ мѣстѣ лѣтописецъ: «приехала с великою гордынею, едучю Доброславу во одной сорочыцѣ, гордяцу, ни на землю смотрящу, Галичаномъ же текущимъ у стремени его... 2)». Послѣ всего этого, намъ кажется, невозможно допустить, чтобы всѣ галицкіе бояре взятго нами періода были «новыми», такъ сказать, людьми, постоянно выходившими изъ массы. Неужели шайка подобныхъ людей, во всякомъ случаѣ немногочисленная 3), могла заправлять дѣлами значительной по объему области 4)? Какимъ образомъ масса сносила-бы самоуправство такихъ пичѣмъ, кромѣ буйства, не выдававшихся людей? Съ другой стороны, были ли бы эти личности опасны для князей? Да и какъ они въ такомъ случаѣ достигали боярства? Мы думаемъ, что званіе боярь удерживалось постоянно въ родахъ лицъ, пользовавшихся имъ при Про-

1) Ип., 525.

2) Ibid.

3) Точно опредѣлить количество галицкихъ боярь нѣтъ возможности; но что оно было невелико, явствуетъ изъ всѣхъ мѣстъ лѣтописи. Это утвержденіе не упадетъ и тогда, когда мы отнесемъ съ довѣріемъ къ тому мѣсту Ипатскаго списка, въ которомъ говорится (Ип., 484) что число убитыхъ Игоревичами боярь доходило до 500 [слова: «Щепановичъ (раз. былъ убитъ), инии велиици бояре; убыено же бысть ихъ числомъ 500» находятся въ одномъ Ипатскомъ спискѣ; см. *ibid*, вар. 5) Но, кажется, нужно согласиться съ Н. И. Костомаровымъ, что «это быть можетъ позднѣйшая вставка, потому что въ нѣкоторыхъ спискахъ оно пропущено и вообще это число слишкомъ велико для числа однихъ знатныхъ (величавыхъ) особъ по преимуществу» («Историческія монографіи и изслѣдованія». Т. I. Сиб. 1863, стр. 212).

4) Они имѣли такой вѣсъ въ странѣ, что, на чью сторону склонялись, тотъ могъ рассчитывать на вѣрный успѣхъ. Оттого-то Даниилъ однажды радовался, когда къ нему перешли галицкіе бояре. (Ип., 506).

славѣ,—что эти лица успѣли добиться такой силы въ странѣ, что ихъ вліяніе не могло уже быть подавленнымъ и исчезнуть и перешло къ ихъ дѣтямъ ¹⁾. Прямое указаніе на такую преемственность боярскаго достоинства въ однихъ фамиліяхъ находимъ въ галицко-волинской лѣтописи подъ 1208 г., въ рѣчи боярина Владислава подъ Перемышлемъ. Обращаясь, очевидно, къ боярамъ, а не ко гражданамъ ²⁾, онъ такъ убѣждалъ ихъ сдаться: «братъ! почто смущаетесь? не си ли *избиша отци* ваша и *братю* вашу, а инѣ *мѣтне* ваше разграбиша, и дщери ваша даша за *рѣбы* ваша, а *отчьстоци* вашими владѣша ини пришепци? то за тѣхъ ли хочете душу свою положить ³⁾»? Эти слова показываютъ, что *отци* и *братя* этихъ бояръ были также боярами, что у нихъ были *отчины*, которыми завладѣли бояре, пришедшіе съ Игоревичами ⁴⁾. Въ лѣтописи можно найти и косвенныя подтвержденія высказаннаго нами мнѣнія. Что означаютъ слова бояръ: «не хотимъ клянятися попады ⁵⁾»? Обратимъ потомъ вниманіе на то, что въ качествѣ боярскихъ упоминаются цѣлыя фамиліи: Молибоговичи и Володрисы ⁶⁾, Арбузовичи ⁷⁾. Чѣмъ же удерживали свое вліяніе эти роды?

1) Татищевъ правильно называетъ галицкихъ бояръ постоянно «знатными». Съ избіеніемъ существовавшихъ боярскихъ родовъ нѣкоторые князья расчитывали достигнуть полной власти въ странѣ.

2) Одного объ этомъ мнѣнія съ нами держится и В. В. Пассекъ («Княжеская и докняжеская Русь» въ «Чт. въ Общ. ист.» 1870, № III, стр. 60, прим. 96). Правда, не задолго передъ тѣмъ лѣтописецъ сказалъ о бѣгствѣ бояръ изъ галицкой земли (Ип., 484), но нѣкоторые могли остаться. По крайней мѣрѣ трудно допустить, чтобы Владиміръ говорилъ къ мѣстнымъ жителямъ: Игоревичи преслѣдовали только бояръ и указаніемъ на эти преслѣдованія едва-ли бы онъ могъ ихъ разжалобить. Но и въ томъ случаѣ, еслибы мы согласились съ С. М. Соловьевымъ, что это были Перемышляне, нашъ выводъ не пострадалъ-бы; и тогда оставалось-бы несомнѣннымъ, что въ рѣчи разумѣлись бояре, на которыхъ Игоревичи воздвигли гоненіе.

3) Ип., 485.

4) У Татищева (III, 372) упоминаются ихъ «служители».

5) Ип., 444.

6) Ип., 509. Что это были цѣлыя фамиліи, видно изъ того, что ихъ было схвачено 28 человекъ.

7) Ип., 513: «Травъ же бывши, Даниль же пойде со братомъ и со Олександромъ Пльньску и припедъ *взя и подъ Арбузовичи*, и великъ пльнь прия, обратися во Володимѣръ». Здѣсь Арбузовичи—не мѣстность, потому что лѣтописецъ не могъ считать нужнымъ объяснять для читателей, гдѣ находился Пльньськъ. Большинство бояръ

По всей вѣроятности, оно основывалось на ихъ экономическихъ преимуществахъ¹⁾. Они владѣли землями, которыя передавали въ наследство дѣтямъ²⁾; эти земли были заселены свободными поселенца-

въ лѣтописи названо не только по имени, но и по отчеству; но изслѣдователь ничего не почерпнетъ изъ этого для рѣшенія занимающаго насъ вопроса, потому что по одному отчеству, при отсутствіи указаній на фамиліи *), нельзя дѣлать заключенія о родствѣ одного боярина съ другимъ, считать одного сыномъ, а другаго отцомъ. А легко можетъ родиться слѣд. вопросъ: Михалко Глѣбовичъ (Ип., 490) не сынъ-ли Глѣба Потвовича (Ип., 487)? Держикрай Володиславичъ (Ип., 496) не сынъ-ли Володислава кормиличча (упом. въ Ип., 484—489) или Володислава Витовича (Ип., 491)? Володиславъ Юрьевичъ не сынъ-ли Юрія Витановича (Ип., 484), или Юрія Доманѣвича (Ип., 496), или Юрія—Перемышльскаго тысяцкаго (Ип., 499)? Василій Гавриловичъ (Ип., 510), если только это не волинскій бояринъ (упом. въ Ип., 490 и 497), не сынъ-ли Гаврила Иворовича (Ип., 491)? Григорій Васильевичъ не сынъ ли Василія Молзы (Ип., 490)? Судиславъ Ильичъ (Ип., 516) не сынъ ли Иліи Щенановича (484)? Не поднимаемъ вопроса о Василіи Глѣбовичѣ и о Ѳеодорѣ Дмитровичѣ (Ип., 533 и 539), о которыхъ не знаемъ, были-ли они галицкіе бояре.

¹⁾ Кадлубекъ предполагаетъ, что Романы могъ избивать бояръ для того, *»ut Potentioribus de medio auhlatis securitas imperet.* (II, 128). Отсюда видно, что это не были немущіе люди и что не одною храбростію они первенствовали въ массѣ. Въ одной грамотѣ Бела IV Даринловы бояре названы баронами: *»Deinde cicatrice sui vulneris nondum obducta, cum Daniel Bulhonorum Rex ad campestre praelium contra ipsum nostrum generum prodisset, strenuitas ejusdem Magistri Laurentii desidia obscuritatem abhorrens in lucem prodit probitatis, et singulariter hostili se impiaesse aciei, quendam de Rusciae Baronibus impulsu dejecit lanceali.* (*»Imago novae Hungariae a S. Timon. Viennae Austriae, MDCLIV.*, p. 80).

²⁾ См. приведенное уже нами мѣсто лѣтописи. Мы можемъ указать и на другое мѣсто, говорящее о боярскихъ отчизнахъ: *»...ятъ бшеть величавый Филъ паробкомъ Добрыниномъ, его же лживый Жирославъ укралъ бѣ, и обличену ему бывшю, про него же погуби отчину свою.* (Ип., 493). Изъ него видно, что Жирославъ далъ возможность Филѣ убѣжать и за то былъ лишенъ отчины.

*) Фамиліи существовали несомнѣнно, но лѣтопись называетъ ихъ весьма мало (къ вышесказаннымъ прибавимъ еще двѣ найденныя нами въ лѣтописи; подъ 1213 въ ней упоминаются (Ип., 490) Молва и Скула; это объясняется тѣмъ, что тогда въ ходу были названія лицъ по именамъ; лѣтопись не отстала отъ этого обычая, имѣя въ виду читателей не теперешнихъ, а тогдашнихъ, знавшихъ болѣе или менѣе тѣхъ бояръ, о которыхъ она говорила; предполагая это знаніе, болѣе выдававшихся лицъ она не называла даже по отчествамъ.

ми¹⁾ и рабами²⁾. Въ Галичинѣ землевладѣніе было весьма выгодно³⁾, а потому у бояръ, кромѣ недвижимыхъ, были значительныя движимыя имуществова⁴⁾, которыя накапливались также посредствомъ управленія областями⁵⁾

1) Изрекая на Жирослава проклятис, лѣтописецъ говоритъ между прочимъ: «да будетъ дворъ его пустъ, и в селѣ его не будетъ живущаго» (Ип., 499). Онъ пользовался въ этомъ случаѣ словами одной библейской книги, но употребилъ ихъ потому, что они имѣли приложеніе къ Жирославу.

2) Ип., 485; 493: «ятъ бысть величавый Фила паробкомъ *Добрынямомъ*» (впрочемъ, можетъ быть, «Добрынянъ» — названіе самаго паробка). Въ огромномъ количествѣ рабы должны были добываться во время войны (см. Ип., 488, 504, 505, 516 и т. п. мѣста лѣтописи о захватѣ большого количества плѣнныхъ во время войнъ). Не получали-ли иногда села названій отъ боярскихъ именъ? Въ гал.-вол. лѣтоп. встрѣчаемъ боярина Вышату (Ип., 529), а въ Переворскомъ повѣтъ Червонной Руси есть с. Вышатычи («Русскій истор. сборникъ», изд. Имп. Общ. вет. и др. Р., т. VII (М. 1844), стр. 115).

3) П. И. Костомаровъ утверждаетъ, что въ галицкой Руси было болѣе чѣмъ въ др. мѣстахъ «возможности образоваться классу богатыхъ землевладѣльцевъ: во-первыхъ, почва была очень плодородна и продукты сбывались удобнѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ; во-вторыхъ, край галицкій былъ болѣе удаленъ отъ сосѣдства кочевниковъ, чѣмъ, напр., край кіевскій, хотя не менѣе плодородный и богатый, но безпрестанно подвергавшійся разореніямъ». («Вѣстникъ Европы» 1870, № XI, стр. 40, ст.: «Начало единовѣрствія въ древней Руси»).

4) Въ приведен. уже нами мѣстѣ лѣт. читаемъ: «*много вѣше разграбиха*» (Ип., 485). Захваченный венграми «Судиславъ во злато премеише, рѣкше, *много злата давъ избавися*» (Ип., 487). «*Михалка же Скулу убиша, соголивше на Щирѣцѣ, а главу его сосѣвоша, прои чети свяше золоты...*» (Ип., 490). По словамъ Кадлубка (II, 126), Галицкіе «*Proceres precibus accumulatis, argenti, auri talenta innumera, gemmas, Vasa, et vestes generis exquisitissimi, omne sericorum, omne prestantissimarum genus rerum, offerunt, et protensius illaturos pollicentur, ne Rutheni iugo subesse compellantur*». Разсуждая о причинѣ Романоваго тиранства, Кадлубекъ говоритъ, что, мож. быть, Романъ хотѣлъ, *fortunas intercampromni oipere* (ib., 128). О томъ же князѣ Стрыжковскій сообщаетъ (I, 211), что онъ «*wielkie skarby zebrał, robierając dobra i majątności usiekających i wywołanych pańów Ruskich*».

5) Оттуда, вѣроятно, богатства, видѣнныя Даниломъ на дворѣ у Судислава: «Данилъ же видѣ дворъ Судиславль, якоже вино, и оюнца, и ворна, и копей, стрѣль пристранно видѣти» (Ип. 506). Тѣмъ же способомъ обогащались бояре, пришедшіе съ Игоревичами. Тат. (III, 372) говоритъ: «Романа и Владимира новѣсили предъ градомъ, слушателей же ихъ Галичане всѣхъ побили, а иныхъ ограба отпустили, и взяли отъ имѣнія ихъ болѣе 1000 гривенъ серебра, дажи Венграмъ, и изъ

и торговли¹⁾. Притязанія галицкаго боярства опирались только на это фактическое превосходство: бояре управляли страной потому, что были сильнѣе. Они не провели юридически исключительности своихъ правъ на это, юридически не обособились отъ массы, и послѣдняя не считала себя равставшеюся съ своими вѣчевыми правами; такъ, она призывала нѣсколько разъ Даніила²⁾. Въ этомъ главное отличіе галицкой боярщины отъ западной³⁾. Оттого, хотя галицкое боярство было

королю послали съ благодареніемъ. Города и въ галицкой Руси служили средствомъ содержанія: »Прибѣже изъ Царягорода братанъ царевъ кюръ Андроникъ въ Ярославъ у Галчъ, и прия и Ярославъ с великою любовью, и да ему *Ярославъ тьколько городовъ на утѣшеніе*« (Ип., 359).

1) Н. И. Костомаровъ сходно съ нами принимаетъ бояръ за богатей; но въ то же время онъ думаетъ («Моногр.», I, 208), что это богатство и давало имъ боярство, что бояре выходили изъ класса состоятельныхъ людей, и далеки отъ мысли о наслѣдственности этого званія. Но богатство переходило отъ отцовъ въ дѣтямъ. Что бояре галицкіе не были просто состоятельными людьми, но при этомъ происходили отъ правительственныхъ лицъ, это видно изъ того, что они на управленіе областями смотрѣли, какъ на главную свою профессию, постоянно добивались участія въ немъ и вообще считали за собою какое-то право на это; ввязывая удовлетворяли ихъ желанію: занявши однажды Галицкую землю, Даніиль »рודה города бояромъ и воеводамъ« (Ип., 514). Нѣкоторые бояре получили свои прозванія отъ мѣстностей, которыхъ были правителями (Ип., 515: »Борисъ же *Межибожскій*...« О Клямятѣ утверждение И. И. Шараневича («Исторія», стр. 105) ошибочно: слова »съ Голыхъ горъ« должно отнести къ его бѣгству съ нихъ). Замѣчательно, что Кадлубевъ (II, 127) и Богуфаль (стр. 53 въ изд. Соммерсберга: »*Silesiacarum regum scriptores*«. Т. II. Lipsiae 1730) называютъ бояръ сатрапами (т. е. областными правителями).

2) Ип., 501, 506, 514, 517.

3) Укажемъ, какъ на общую обѣимъ черту, на то, что тѣ и другіе аристократы должны были, въ случаѣ надобности, являться къ своему господину на помощь съ вооруженными отрядами. Подъ 1231 г. читаемъ въ гал.-вол. лѣтоп. о Даніилѣ слѣдующее: »устремися изыти со маломъ ратнивъ, и Мирославу пришедшу къ нему на помощь с маломъ отроувъ, *неотрши же вси на помощь ему идяжу*...« (Ип., 509). Боярскіе »поля« упоминаются еще въ XII в. (Ип., 444: »Мужи же Галичви приише с(ъ)вѣтъ Романовъ, *совокутивше полякы своя*...«). Подъ 1213 г. въ Ип. сп. (стр. 490) упоминаются въ Городеѣ »люды Судислави« (впроч., можетъ быть, лѣтописецъ хотѣлъ сказать, что Городеѣ принадлежалъ Судиславу).

родовымъ, все-таки оно не представляло изъ себя замкнутого сословія, и доступъ въ этому званію не былъ загражденъ и простымъ людемъ. Въ лѣтописи упоминается нѣсколько бояръ происходившихъ изъ низшихъ классовъ, хотя разсказъ ея объ этомъ даетъ знать, что это были довольно рѣдкіе случаи ¹⁾. Такимъ образомъ, даже относительно Галича остается вѣрнымъ то положеніе, что «древняя Россія не знала сословій. Это явленіе царской эпохи нашей исторіи; только первые зародки его относятся къ концу княжескаго періода. Въ княжескую же эпоху все населеніе представляетъ единообразную массу, разные слои которой отличались одинъ отъ другаго—достоинствомъ, а не правами... Каждый имѣетъ право на все, но одному удалось больше, чѣмъ другому, а потому онъ и выдѣляется какъ человекъ «лучшій»; кто остался позади всѣхъ,—характеризуется эпитетомъ «меньшаго» человека ²⁾.

Вотъ какихъ бояръ мы будемъ разумѣть при разсказѣ о событіяхъ въ періодъ отъ смерти Ярослава Осмомысла до окончательнаго утвержденія Даниіла въ Галичѣ. Галицкіе бояре Даниілова времени—лица, пользовавшіяся такимъ же могуществомъ въ странѣ, какимъ обладали бояре Ярославовскіе. Послѣ Ярослава боярство не утратило ничего изъ своихъ преимуществъ.

Понятно, что для Даниіла должно было быть весьма важнымъ то или другое настроеніе бояръ и что народное сочувствіе еще не обезпечивало ему владѣнія Галичемъ.

Со стороны же бояръ Даниілъ встрѣчалъ противодѣйствіе.

Оно носитъ характеръ постоянства. Иногда бояре добровольно

¹⁾ Объ одномъ бояринѣ лѣтописецъ говоритъ, что онъ былъ «поповъ внукъ» (Ип., 525), а о двухъ другихъ, что они были «безаконники отъ племени смерды» (ibid.). Прибавленіе въ обоихъ случаяхъ указанія на незнатность происхожденія, тогда какъ вообще лѣтописецъ не упоминалъ о послѣднемъ, заслуживаетъ вниманія; по нашему мнѣнію, оно свидѣтельствуетъ объ исключительности подобныхъ явленій. Обращаемъ также вниманіе на то, что сказано: «поповъ внукъ», а не «поповъ сынъ»; объ отцѣ лѣтописецъ не говоритъ, а о дѣдѣ; значить, отецъ Судыча былъ уже бояриномъ. Когда Лазоръ Домажиречь и Иворъ Молибожичъ получили отъ Доброслава Коломыю, то княжескій посолъ замѣтилъ: «ся бо еста педостойна ни Вотынина держати», и по связи рѣчи можно замѣтить, что это недостатство, по его мнѣнію, втекало изъ незнатности ихъ происхожденія: значить, въ Галичинѣ смотрѣли на то, изъ какаго званія выходилъ человекъ.

²⁾ «Вѣче и князь», стр. 31.

какъ бы подчинились Даниилу; но, вникнувъ поглубже въ лѣтопись, можно замѣтить, что они никогда не переходили искренно на его сторону, а признавали его власть въ томъ только случаѣ, когда предвидѣлась полная его удача ¹⁾. Подчинившись Даниилу по необходимости, они тотчасъ же начинали искать средствъ отдѣлаться отъ него ²⁾: то составляли заговоры на его жизнь, то вели тайные переговоры съ русскими князьями или съ иностранцами и приглашали ихъ въ галицкую землю. Если и дѣйствовали за одно съ нимъ противъ его враговъ, то въ душѣ все-таки были измѣнниками ³⁾ и отпадали отъ Даниила, когда его дѣло начинаю казаться проиграннымъ, или у его соперниковъ появлялась малѣйшая надежда на успѣхъ.

Полное нерасположеніе боярства къ Даниилу и стремленіе не допустить его до утвержденія въ Галичѣ очевидно. Чѣмъ же оно обусловливалось? можетъ быть—образомъ дѣйствій Даниила относительно ихъ? Но Даниилъ въ отношеніи къ классу бояръ ничѣмъ не разнился отъ

1) Во время перваго похода взрослого Даниила на Галичъ они явились въ его станъ тогда, когда Судиславъ бѣжалъ передъ Даниловымъ тысяцкимъ и былъ осажденъ въ Галичѣ (Ип., 506). Нашего утвержденія не можетъ подорвать слѣд. извѣстіе, находящееся въ Ип. сп. подъ 1234 г.: «Иступи Глѣбъ Земерѣвичъ отъ королевича в Данилови. Даниль же и Василко и одна пойдоста к Галичу, стрѣтоши и болаша половина Галича: Доброславъ и Глѣбъ, инии бояре мнози...» (Ип., 514). Повидимому, здѣсь въ пользу Даниила рѣшилъ дѣю переходъ Глѣба, а Глѣбъ перешелъ на его сторону безъ всякихъ принуждавшихъ извнѣ обстоятельствъ; но обратите вниманіе на непосредственно предшествующій этому рассказъ лѣтописи, помѣщенный подъ 1233 г.: «Оттуда же идоша во Перемилю, Андрѣй королевичъ, Дьянишь и Угре, бишася о мостъ со Володимѣромъ и Даниломъ, и отбившимся имъ, Угре же воротишася къ Галичу и пороки помоташа. Володимѣръ же и Даниль пойдоста по нихъ...» (Ип., 513); перевѣсь, очевидно, началъ склоняться на сторону Даниила. Этимъ опровергается взведенное И. И. Шараневичемъ на галицкое боярство обвиненіе въ легкомысліи.

2) Намъ опять могутъ упрекнуть въ несправедливомъ распротранненіи на всѣ случаи того, что бывало иногда только, и могутъ сослаться, напр., на 1229 г. по Ип. сп. Но и тогда венгры были приведены боярами. Лѣтоп. говоритъ о королѣ: «Ушедшоу же ему за неспрьство бояръ Галичкихъ, Даниль же, Божьєю волею, одержожа градъ свой Галичь». Пригласивъ короля, бояре не оказали ему поддержки, потому что неудачи постигали его съ самаго начала похода.

3) См., напр., Ип. сп. подъ 1231 г. (стр. 509).

остальныхъ тогдашнихъ князей и ни въ чемъ не нарушалъ выработанныхъ до него порядковъ. Мы даже думаемъ, что едвали каковой-либо князь древней Руси обращался такъ мягко съ постоянными своими врагами. Мягкость—черта Данилова характера, рѣзко отличающая его отъ его отца. Притомъ мы видимъ, что волынская боярщина горячо поддерживала Данила.

Въ томъ-то и дѣло, что галицкое боярство не довольствовалось тѣмъ, чѣмъ могли быть удовлетворены бояре остальной Руси. Оппозиція его Данилу находилась въ связи съ особеннымъ его направленіемъ, вытекавшимъ изъ тѣхъ особенныхъ условий, въ которыя оно стало въ странѣ, и была продолженіемъ той борьбы, которая велась уже въ теченіе цѣлаго тридцатилѣтія.

Достигши виднаго положенія въ своей землѣ, галицкіе бояре, естественно, стремились удержать его за собою и выше всего ставили свое личное благо, для котораго не затруднялись жертвовать интересами остального населенія. Вотъ чѣмъ опредѣлялись всѣ ихъ дѣйствія со времени Ярослава Осмомысла.

Пока не угасла династія Ростиславичей, это боярство готово было и даже желало держаться ея по преимуществу: послѣ смерти Ярослава, изгнавъ его сына Олега, бояре провозгласили своимъ княземъ брата послѣдняго; заставивъ бѣжать и этого, когда подговорившіи ихъ въ тому Романъ принужденъ былъ отказаться отъ Галича и уступить его Венграмъ, они обратились вновь къ князю мѣстной линіи—сыну Берладника. Но и при Ростиславичахъ уже бояре не стѣснялись тѣмъ, что этотъ родъ былъ освященъ въ глазахъ народа давнею связью съ Галичемъ, и готовы были стать выше преданій, какъ скоро имъ не нравился посаженный ими князь. Такимъ образомъ, и династію, укрѣпившую свой авторитетъ въ странѣ долгимъ властвованіемъ, они счумѣли заставить входить съ ними въ компромиссъ!

Съ прекращеніемъ этого рода¹⁾, Галичь не могъ остаться безъ князя, который вездѣ считался необходимымъ лицомъ и безъ котораго

¹⁾ Въ концѣ XII в. перестали существовать собственно законные его представители; но дѣти Владимира Ярославича отъ погрома были еще живы и скитались въ Венгріи, какъ о томъ свидѣтельствуетъ одинъ документъ, помѣщенный въ «*Vetera monumenta historica Hungariorum sacram illustrantia*» Тейнера (Roma 1859). Выдержка изъ него есть въ предисловіи А. С. Петрушевича къ галицко-волынской лѣтописи.

всякой отдельной землѣ казалось, что она беззащитна ¹⁾; о введеніи другой формы правленія никто и не помышлялъ; не думали о ней и галицкіе бояре даже тогда, когда помытались удержать верховную власть въ своихъ рукахъ, не приглашая никого извнѣ ²⁾. Но понятно, что, при оставленіи ими княжескаго института, для нихъ всякій разъ было далеко не безразлично, какое лицо садилось на княжескій столъ и какими средствами оно его добывало. Они могли вполнѣ сохранить свои преимущества только при князѣ, посаженномъ по ихъ выбору и инициативѣ; при немъ они могли пользоваться даже еще большимъ значеніемъ, чѣмъ при Ростиславичахъ. Наоборотъ, всякій князь, который бы сѣлъ на столъ помимо воли бояръ, не сталъ-бы съ ними церемониться и поступаться въ ихъ пользу правами, которыми въ остальныхъ земляхъ, въ томъ числѣ и въ его собственной, считались неотъемлемою принадлежностію вѣдая и нарушались болѣе или менѣе только въ Галичѣ. Какой князь до-монгольской Руси безъ особенной необходимости помирился бы съ такимъ порядкомъ, какой однажды бояре водворили— было на мгновеніе при Даниилѣ, когда они его «княземъ собѣ намыслау, а сажѣ всю землю держажу» ³⁾? Такое положеніе дѣлъ составило предметъ постоянныхъ ихъ домогательствъ, и они могли овладѣть на этомъ пути окончательно развѣ съ венгерскими воеводками, въ отечествѣ которыхъ аристократія въ то время уже процвѣтала. На основаніи всего этого, галицкіе бояре допускали спокойно править Галичемъ и поддерживали только тѣхъ князей, которые занимали страну по соглашенію съ ними. Впрочемъ, они руководились въ этомъ случаѣ не однимъ только желаніемъ сохранить *statu quo*; они являлись при этомъ и бойцами за автономію страны, которой, съ превращеніемъ установившейся

1) Очувившись однажды безъ него, галичане высказали именно это опасеніе. Ник. II, 293.

2) «Мьстиславъ, убо, увѣдавъ, королеву рать великую, избѣжа из Галича, Володиславъ(ъ) же воѣха в Галичъ, и вокняжися и сѣде на столъ». Ип., 488. Это вокняженіе лица, происходившаго не изъ владѣтельнаго рода, сильно оскорбило и сосѣднихъ иностранцевъ (Лешка), и своихъ: «Дестько же посла посла Лѣсыгича и Накослава воеводу, рекый: «не есть лѣпо боярину княжити въ Галичи... кароль Андрѣй.. пославъ и я Володислава в Галичи, заточи и, и съ томъ заточеньи умре, нашедъ зю племени своему и дѣтемъ своимъ, княженія дѣля: вси бо князи не призряху дѣтний его тою радю». Ип., 489.

3) Ип., 525.

лній, естественно было возвратиться въ самостоятельному распоряженію собою и поставленію князя по собственному выбору: и то, и другое существовало на пространствѣ всей Руси, хотя нерѣдко случалось, что князья брали перевѣсъ надъ общинами. И бояре провозгласили принципъ избранія на мѣсто прежняго принципа преемственнаго наследованія и стали примѣнять его немедленно послѣ того, какъ остались безъ князя изъ Ростиславичей. Прося помощи у Рюрика для изгнанія Венгровъ изъ Галича, Романъ при этомъ сказалъ: «*ведутъ (в) мя Галичане к собѣ на княжение* 1). Онъ опирался на избраніе съ ихъ стороны, какъ на одинъ изъ вошедшихъ уже тогда въ обычай путей къ занятію столовъ, и въ поступкѣ боярь видѣлъ обыкновенный фактъ самоопредѣленія общины, на которое она имѣла полное право. Только въ Галичѣ это самоуправленіе земли въ сущности простиралось, какъ мы видѣли, на одинъ боярскій классъ, считавшій себя представителемъ ея, чего не было въ другихъ земляхъ. По смѣрти Владиміра Ярославича, бояре опять хотѣли допустить замѣщеніе своего стола лишь выбранными ими княземъ 2), и затѣмъ такъ было постоянно.

Еслибы боярамъ удалось утвердить въ Галичѣ какого-нибудь самостоятельнаго ими самими князя, то въ странѣ, быть можетъ, водворилась бы спокойствіе. Но, къ ихъ несчастію, съ перваго же разу, какъ только Галичъ остался безъ своего давняго княжескаго рода, не переставали являться сильные претенденты, желавшіе добыться этой области во что бы то ни стало, входя или не входя въ соглашеніе съ боярствомъ. Таковы были на первыхъ порахъ сосѣдніе Венгры, задолго до того пришедшіе въ столкновеніе съ этимъ княжествомъ и желавшіе увеличить чрезъ присоединеніе его свою территорію; но они стѣснялись сразу лишити его и тѣни самостоятельности и потому, не нарушая, повидимому, старыхъ порядковъ, оставили въ немъ отдѣльнаго князя. Таковъ былъ и Романъ Мстиславичъ.

Бояре не поддавались, желая поставить на своемъ. Ни одинъ изъ составившихся элементовъ не одолевалъ, и, вслѣдствіе этого, борьба тянулась, не имѣя конца и обнаруживаясь, какъ своимъ результатомъ,

1) Ип., 445.

2) Тат., III, 327—328. Онъ говоритъ о «Галичанахъ», но несомнѣнно, что подъ этигъ словомъ должно разумѣть боярь. Вообще русскія извѣстія о ближайшемъ времени, слѣдовавшемъ за смертію Владиміра Ярославича, сохранились только у Татищева.

постоянно смѣною князей, подобную которой находимъ еще въ Новгородѣ. Обыкновенно эту смѣну приписываютъ почти исключительно боярамъ, какъ будто-бы у нихъ образовалась привычка и страсть постоянно мѣнять князей. Но не одни они были причиною частаго удаленія князей изъ Галича; нѣкоторыхъ они и поддерживали, но тѣ были низвергаемы врагами боярства.

Сказанное нами уясняетъ отношеніе послѣдняго къ сыновьямъ Романа, которые съ самаго малолѣтства были одними изъ претендентовъ на Галичъ.

Бояре изначала должны были ратовать противъ нихъ, потому что ихъ хотѣли посадить въ Галичѣ не по милости боярства, а ссылаясь на то, что это была ихъ отчина. Кромѣ того, отецъ Романовичей былъ хорошо памятенъ боярству, какъ одинъ изъ самыхъ злѣйшихъ и опаснѣйшихъ его враговъ; въ Галичѣ онъ утвердился несомнѣнно вопреки всѣмъ усиліямъ бояръ помѣшать ему въ этомъ и послѣ того въ конецъ хотѣлъ истребить ихъ. Если непосредственно вслѣдъ за смертію Романа они «цѣловаша крестъ къ сыну его Данилу ¹⁾» и защищали его противъ Рюрика, то это объясняется тѣмъ, что «по смерти Романовѣ снимался король со ятровью своею, во Савоцѣ: приялъ бо бѣ Данила како милого сына своего, оставилъ бо бѣ у него засаду, Моктя великаго слѣпоокаго, и Корочюна, Вѣплта и сына сго Витомира, и Благию, инши Угры многи, и за то не смѣша Галичанъ ничтоже створити, бѣ бо шпыхъ много Угоръ ²⁾». Но вскорѣ обстоятельства дали возможность боярамъ освободиться отъ ненавистныхъ имъ Романовичей, которыхъ они потомъ являются постоянными врагами. Двукратное приглашеніе ими Данила въ Галичъ не было съ ихъ стороны измѣною этой политикѣ. Въ первый разъ они звали Данила, надѣясь составить въ силу обаянія его имени грозное ополченіе противъ прибѣгнувшихъ къ образу дѣйствій Романа враговъ своихъ Игоревичей, въ чемъ и не ошиблись ³⁾. Уничтоживъ Игоревичей, бояре готовы были терпѣть Данила и терпѣли только подъ условіемъ, чтобы вся власть

¹⁾ П. с. р. л., I, 179.

²⁾ Ип., 480—481.

³⁾ Тогда только они вспомнили, что Данилъ былъ ихъ отчичъ: «Наидоша Данила во Угорьской землѣ дѣтска суца, и просиша у короля Угорьского: дай намъ отчича Галичу Данила, ать с нимъ приимемъ и отъ Игоревичевъ». Ип., 484.

была предоставлена имъ; мать Данила стѣсняла ихъ, и они ее прогнали, «хотяща бо княжити сама 1)». Во второй разъ 2) они хотѣли Данила противопоставить шедшему на Галичъ Мстиславу: взять перваго было выгоднѣе, потому что онъ былъ-бы обязанъ столомъ имъ, а не оружію, и сидѣлъ-бы уже не какъ отчичъ.

Когда Данилъ выросъ и самъ сталъ поддерживать свои права, то онъ продолжалъ опираться на то же, что прежде выставляли на видъ его сторонники, т. е. — на то, что онъ отчичъ. Княжить въ Галичѣ онъ хотѣлъ такъ; какъ княжили въ своихъ волостяхъ другіе и какъ онъ самъ княжилъ на Волини; въ сознаниіи своего достоинства, онъ желалъ отъ бояръ повиновенія: «князь вашъ азъ есмь, сказалъ онъ имъ однажды, повеленія моего не творите 3)». Распоряженіе по сосѣдству обширными землями обезпечивало ему возможность успѣшно поддерживать такіа притязанія и въ Галичѣ. Наконецъ, Данилъ былъ также энергиченъ, какъ и его отецъ.

Очевидно, опасность съ его стороны была велика, и боярство, не утомившись продолжительностію предшествовавшей борьбы, съ новымъ жаромъ принялось отражать этого противника, относительно котораго оно было — успокоилось, изгнавъ его изъ Галича во время его малолѣтства.

Такъ объясняемъ мы поведеніе боярства въ отношеніи къ Данилу и къ князьямъ вообще.

Читатель, безъ сомнѣнія, замѣтилъ, что, по нашему мнѣнію, бояре постоянно имѣли въ виду интересы цѣлаго общественнаго класса, къ которому принадлежали. Мы не говоримъ, что это было сознательное сословное единодушіе; мы только утверждаемъ, что не было никакого раздѣлявшаго бояръ элемента.

Намъ кажется, что такое объясненіе дѣйствій галицкаго боярства имѣетъ за себя болѣе всего данныхъ.

Большинство современныхъ ученыхъ (Н. И. Костомаровъ, И. Д. Бѣляевъ, М. Смирновъ и др.), напротивъ, важною и коренною отличительною чертою галицкаго боярства считаютъ постоянное раздѣленіе на партіи, изъ которыхъ каждая выставляла и поддерживала своего

1) Ип., 487.

2) См. Ип., 489.

3) Ип., 525.

претендента, при торжествѣ котораго могла разсчитывать на преобладаніе въ странѣ и, выѣстѣ съ тѣмъ, на обогащеніе; каждая изъ нихъ старалась при этомъ изгнать изъ Галича князя другой партіи; такимъ образомъ, по мнѣнію этихъ ученыхъ, въ дѣйствіяхъ галицкихъ бояръ вовсе не видно сословнаго единодушія, а на первомъ планѣ у нихъ были всегда частныя интересы; каждая отдѣльная кучка стремилась подняться выше остальныхъ, и въ Галичѣ происходила только борьба разныхъ боярскихъ партій

Но, изучая внимательно весь періодъ времени отъ смерти Ярослава Осмомысла до окончательнаго утвержденія Данила въ Галичѣ, нельзя не видѣть, что въ большинствѣ случаевъ не было подобнаго раздѣленія, и князья были вводимы въ Галичъ, или изгоняемы изъ него не отдѣльными партіями, но всѣмъ боярствомъ. Отъ всего, напр., боярства исходила смѣна князей въ Галичѣ послѣ Романа. У его дѣтей въ Галичѣ не было сторонниковъ, и потому ихъ бѣгство не было результатомъ борьбы партій ¹⁾. Съ удаленіемъ Романовичей изъ Галича, для бояръ, если только они дѣлились на партіи, открывался полный просторъ: всякій могъ выставить своего кандидата. Но на самомъ дѣлѣ они поступали не такъ: мы не видимъ, чтобы одни изъ нихъ вели одного князя, а другіе другаго. Напротивъ, *сначала*, по инициативѣ венгерскаго короля ²⁾, они пригласили Ярослава Всеволодовича Переяславскаго, а *потомъ*, *послѣ общаго совѣщанія*, послали за Игоревичами ³⁾. Съ водвореніемъ послѣднихъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ

1) Лѣтописи не упоминаютъ о томъ, чтобы съ ними бѣжалъ кто-нибудь изъ Галича; объ этомъ говоритъ крайне неопредѣленно только Татищевъ; да и послѣ не замѣтно и въ партіи среди галицкихъ бояръ.

2) О ней говорятъ всѣ упоминающіе объ этомъ событіи источники.

3) Что послѣдніе были призваны такъ, объ этомъ прямо свидѣтельствуетъ мѣстная лѣтопись: «и приведоша кормилицича, иже бѣ заглавъ великий князь Романъ, невѣры ради: славяху бо Игоревича. *Послушавше же ихъ Галицкыи бояре, и послаша по нихъ и посадиша и...*» (Ип., 481). И. И. Шараневичъ (стр. 68) представляетъ дѣло такъ, что въ Галичѣ были различныя партіи, и одна изъ нихъ отравила посольство къ Ярославу, а другая къ своимъ кандидатамъ Игоревичамъ. Но источники не даютъ права такъ думать. Такъ какъ всѣ они (Лавр. спис., лѣт. Ник. и Воскрес., Тат.) передаютъ дѣло согласно, нисколько не противорѣча умалчивающей о многихъ подробностяхъ событій этого времени мѣстной лѣтописи, то мы приведемъ *рассказъ* одного каковаго-нибудь изъ нихъ. Вотъ что говорится, напр., въ Лавренть-

противъ нихъ не было никого. А вѣдь, еслибы какіе бояре захотѣли посадить другихъ князей, то не встрѣтили-бы къ тому особенныхъ препятствій. Игоревичи ссорились даже между собою, при чемъ одинъ изгвалъ другаго, — знакъ, что они чувствовали себя на твердой почвѣ. Потомъ самъ Романъ былъ изгнанъ Венграми при участіи бояръ¹⁾. Только поверхностный наблюдатель можетъ сказать, что въ Галичѣ существовала партія, думавшая возвыситься съ помощію Мстислава Пересоплицкаго²⁾. Не слѣдя изъ года въ годъ за смѣной галицкихъ князей, мы скажемъ, что въ лѣтописи прямо иногда говорится о совокупномъ дѣйствіи *остъхъ* бояръ³⁾, и затѣмъ рассмотримъ еще въ этомъ

евсеомъ спискѣ (П. с. р. л., I, 180): *«Галичане же видѣвше короля идуща прочь, убояшася полковъ Рускихъ, еда возвратятся на нь отати, а князи у нихъ пѣту, сдумавше, послашася по Володимера Игоревича отай, Володимеръ же вѣсть приимъ отъ Галичанъ, украдѣся изъ полковъ отъ своео брата, гна обь ночь въ Галичъ; бяху бо стояша полци отъ Галича за 2 дни, бяше бо король съ Галичаны сдумише переже, послаахъ въ Перяславъ по Ярослава Всеволодича, и жданиа ео 2 недѣли»*. О раздѣленіи на партіи говорится только у одного Длусоша (col. 604), но онъ весьма бѣгло проходитъ это время, общей своей зачѣтки не подтверждаетъ фактами, которые были-бы намъ неизвѣстны, равно и извѣстныя событія не представляетъ совершившимися иначе и вообще наклоняетъ все къ тому, что утомленные, наконецъ, распрями бояре рѣшились обратиться къ иноземцамъ, между тѣмъ какъ извѣстно, что о послѣднихъ они стали думать гораздо позже.

1) Приглашая потомъ опять Игоревичей, они говорили: *«стрѣпихомъ к вамъ...»* (Ип., 484). Дѣйствительно, еслибы бояре не помогали Венграмъ, то было-бы непонятно, какимъ образомъ послѣдніе захватили Романа совершенно врасплохъ — *«в бани мыющася»* (Ип., 483).

2) И. И. Шараевичъ, вопреки своему обыкновенію тщательно относиться къ изслѣдуемому предмету, и здѣсь позволилъ себѣ поступить иначе. Онъ (стр. 70) говоритъ: *«одна часть бояръ задумала была прогнати Романа за угорскою номочью»*. Но историкъ долженъ быть далекъ отъ категорическаго тона въ тѣхъ случаяхъ, когда высказываетъ собственное предположеніе, не подтверждаемое прямо источниками. Можетъ быть, Романъ вооружилъ противъ себя боярскую массу, какъ и послѣ всѣ Игоревичи, своимъ неуживчивымъ характеромъ, которымъ, кажется, онъ отличался.

3) Ип., 1208; 486: *«Тогда же бояре Володимѣрьстии и Галичкни, и Вячеславъ Володимѣрьскый, и Володиславъ Галицкый, и вси бояре Володихерстии и Галичкни, и воеводы Угорскыя, и посадиша князя Данила на столѣ отца своего великаго князя Романа... Вопреки этому свидѣтельству лѣтописи о томъ, что *остъ* галицкіе бояре были на сторонѣ Данила, Татищевъ (III, 371) упоминаетъ о какихъ-то пріятеляхъ*

отношеніи время, спеціально насъ занимающее, т. е. время борьбы Данила за Галичъ.

Можетъ быть, хоть тогда видны враждующія между собою боярскія партіи?—Нѣкоторые ученые ¹⁾ замѣчаютъ между галицкими боярами и партію Данила. Но изъ лѣтописи этого не видно. Послѣ того какъ въ борьбѣ Данила съ Судиславомъ перевѣсъ видимо сталъ оказываться на сторонѣ перваго (1230), къ нему явились *все бояре* ²⁾; если среди нихъ были искренніе его сторонники, отчего они не присоединились къ нему раньше? Нѣсколько времени спустя, Данилу остаются вѣрными только 18 отроковъ ³⁾, которыхъ лѣтописецъ отличаетъ отъ бояръ. Являются Венгры (1231), и что же? «И примъ король Ярославъ, и поиде къ Галичю. Климата же съ Голыхъ горъ убѣжа отъ князя Данила ко королеви, и по немъ *все бояре Галичскыи предашася* ⁴⁾». Послѣ этого нельзя думать, чтобы говорили въ пользу существованія особенной Даниловой партіи ⁵⁾ слѣдующія слова лѣтописи: «Володимеру же ятому бывшу в Торцькомъ и Мирославу, с(ъ)вѣтомъ безбожнаго Григора Василевича и Молибоговичевъ, инѣмъ боярѣмъ многимъ ятымъ бывшимъ... Узрѣвше же бояре Галичскыи Василка отшедша съ полономъ, воздвигоша вранолу ⁶⁾». Эти «многіе бояре» вовсе не галицкіе сторонники Данила, которыхъ не могло быть много, какъ о томъ ясно свидѣлствуютъ вышеприведенныя мѣста лѣтописи; это *могли быть волынскіе бояре*, каковымъ и былъ Мирославъ. Такимъ же волынскимъ бояриномъ былъ, по всей вѣроятности, и Василій Гавриловичъ, сопротивлявшійся сдачѣ Перемышля Венграмъ ⁷⁾. Изъ галиц-

Игоревичей; впрочемъ, неизвѣстно были-ли это бояре; въ другомъ мѣстѣ они названы «служителями». Ип., 1212, 489: «Галичани же *все* и Судиславъ послашася по Данила».

¹⁾ Напр., И. И. Шараневичъ (стр. 84).

²⁾ Ип., 506: «и приде же Дѣмьянъ *со всеми бояры Галичскими*, со Мирославомъ и со Володиславомъ, и со многими бояры Галичскими».

³⁾ Ип., 509: «Самому же Данилу созвавшу вѣче, *оставишуся* въ 18 отроковъ вѣрныхъ, и съ Дѣмьяномъ тысяцѣмъ своимъ»...

⁴⁾ Ип., 510.

⁵⁾ Какъ думаетъ, повидимому, И. И. Шараневичъ.

⁶⁾ Ип., 515—516.

⁷⁾ Въ лѣтописи два раза прямо обозначенъ волынскимъ бояриномъ этого имени (Ип., 490 и 497). Данилъ могъ посадить въ Перемышлѣ волынскаго боярина, не слишкомъ полагаясь на галицкихъ воеводъ. Въ 1229 по Ип. сп. въ Галичѣ былъ оставленъ Даниломъ Дѣмьянъ

какъ бояръ остается еще Судиславъ Ильичъ, заявившій свою преданность Данилу, но мы думаемъ, что едвали можно придавать особенную цѣну подобной преданности¹⁾. Болѣе вѣтъ въ лѣтописи намековъ на Даниловыхъ сторонниковъ. Но если даже допустимъ, что у Данила было еще нѣсколько ихъ, то, во всякомъ случаѣ, по крайней своей малочисленности, они не составляли партіи. Въ отсутствіи Данила, въ Галичѣ стоялъ съ полкомъ его братъ на случай возмущенія, и послѣднее началось немедленно послѣ его удаленія²⁾.—Но, можетъ быть, галицкіе бояре, стоявъ во враждѣ съ Даниломъ, дѣлились и составляли различныя партіи въ отношеніи къ другимъ претендентамъ? Но мы видимъ, что эти другіе претенденты выступали не одновременно, а послѣдовательно: первыми были Венгры; когда же они потерпѣли рѣшительное пораженіе, ихъ смѣнилъ на короткое время Александръ Всеволодовичъ Беласкій; за нимъ слѣдовали черниговскіе князья. Однѣ и тѣже особы составляли партіи всѣхъ этихъ лицъ, и «новая Михаилова партія», какъ называетъ ее Н. И. Костомаровъ³⁾, или «партія князей Черниговскихъ», какъ говоритъ И. И. Шараневичъ⁴⁾, явившаяся только послѣ окончательнаго оставленія Венграми притязаній на Галичъ, очевидно, заняла мѣсто и превратилась въ эту партію изъ партіи венгерской. Есть-ли основаніе причислять сторонниковъ всѣхъ этихъ лицъ къ враждующимъ между собою партіямъ, можно видѣть изъ того, что всѣ они дружатъ. Очевидно, все боярство преслѣдовало дилемму: или Даниилъ, или одинъ какой-нибудь боярскій кандидатъ изъ перечисленныхъ нами.

Конечно, мы не доказываемъ, что бояре *всегда* дѣйствовали дружно въ отношеніи къ князьямъ; мы только думаемъ, что такъ было *въ большинствѣ случаевъ*, между прочимъ—и въ рассматриваемое нами время.

(Ип., 507), бывшій, подобно Мирославу, въ теченіе долгаго времени правою рукою Данила (см. Ип., 485, 488, 498, 502, 506—507, 511—512).

1) Вотъ слова лѣтописи: «Узрѣвшѣ же бояре Галичстии Василя отшедша с полономъ, воздвигоша вранолу. Судиславу же Ильичю ревшу: «княже! льститъ глаголь имѣю(ть) Галичанѣ; не погубисе, поиди прочь» (Ип., 516). Можетъ быть, онъ хотѣлъ поскорѣе выпроводить Данила изъ Галича.

2) Ип., 515—516.

3) «Моногр.», I, 214.

4) «Исторія», 84.

Но и въ тѣ моменты, когда мы замѣчаемъ отдѣльныя партіи, дѣло шло вовсе не о преобладаніи одной кучки бояръ надъ другими. Возьмемъ, напр., фактъ изгнанія Владиміра Ярославича, изъ разсказа лѣтописи о которомъ¹⁾ ясно видно, что одна часть бояръ держалась стороны этого князя, другая возстала противъ него. Какими соображеніями руководилась послѣдняя? Лѣтопись прямо говоритъ, что возстаніе возникло вслѣдствіе насилій князя; но не видно, чтобы въ этихъ насиліяхъ принимали участіе сторонники князя въ средѣ бояръ; самое насиліе состояло въ томъ, что Владиміръ «улюбивъ жену, или чью дочь, поимашеть насильемъ», и, очевидно, съ подобнымъ характеромъ могло принадлежать только князю; что оно этимъ и ограничивалось, а не распространялось на имѣніе и общественныя преимущества недовольныхъ, явствуетъ изъ того, что послѣдніе сохраняли свое значеніе: у нихъ были полки. Вѣроятно, возстали именно обиженные такимъ образомъ²⁾. Вотъ поводъ возстанія. Взглянемъ теперь на то, чего добивались возставшіе. «Восташа на князь свой», говорится въ одномъ мѣстѣ лѣтописи; не рассчитывая изгнать его открыто, они заявили ему намѣреніе убить его жену—попадью³⁾; «и се рѣкоша, говорить лѣтописецъ, вѣдаючи, ажь ему не пустити попадья, по абы имъ како прогнати его, и симъ ему пригрозиша»: о какихъ-нибудь боярахъ, которыхъ они хотѣли изгнать вмѣстѣ съ нимъ,—ни слова. И въ концѣ концовъ мы видимъ, что съ княземъ, кромѣ жены и сыновей, бѣжала только «дружина», которую нѣтъ основаній считать, что дѣлаетъ И. И. Шараневичъ⁴⁾; тѣми боярами, которые были преданы Владиміру: стали-ли бы они бѣжать, если прежде ихъ боялись грозившіе⁵⁾? По

1) См. Ип., 444.

2) Такъ понимаетъ возстаніе и Татищевъ (III, 285): Романъ «увѣдавъ, что Галичане ненавидѣли Владиміра за его непотребства, что насильно бралъ женъ и дочерей къ себѣ, а притомъ боѣе въ пьянствѣ упражнялся, послалъ вѣрныхъ отъ себя въ Галичь уговаривать, чтобъ Владиміра изгнали, а его самого на княженіе приняли. На сіе многіе оскорбленные Вельможи Галицкіе не трудно согласились»...

3) Относительно убійства попадья были согласны, если вѣрить Татищеву (III, 285), всѣ: фактъ, показывающій, какъ развито было у бояръ чувство гордости.

4) «Исторія», 57.

5) «Восташа на князь свой, и не смѣша его изымати, ни убити, зане не вси бахутъ в думѣ той, болзубося приятелевъ Володимиревыхъ» (Ип., 444).

Татищеву ¹⁾, приятели Владимира продолжали жить в Галичѣ послѣ его отхода.—Когда в Галичѣ утвердились Венгры, мы видимъ опять двѣ партіи: одна держалась ихъ, другая послала за Ростиславомъ ²⁾. Поищемъ причины раздѣленія. Бояре вообще желали русскаго князя ³⁾; только «чѣмъ бяхуть сынове и братья у короля, то ти держажуться крѣпко по королевичн»: такимъ образомъ, на поддержку съ ихъ стороны Венгровъ вліялъ страхъ ⁴⁾. Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что, если мы видимъ иногда раздѣленіе бояръ, то это бывало просто разногласіе, исходившее изъ того, что одни считали лучшимъ одного князя, другіе другого, но это еще не приводило партій къ вооруженной борьбѣ ⁵⁾, и торжество князя одной партіи не влекло за собою преслѣдованія и бѣгства другой. Вообще мы видимъ полное отсутствіе явленій, неразлучныхъ съ борьбою партій и столь часто упоминаемыхъ въ новгородскихъ лѣтописяхъ. Бѣгая изъ страны, галицкіе бояре ожидали преслѣдованія не отъ своей же братіи, а отъ князей, и не думавшихъ опираться на какую-нибудь боярскую партію. Такъ было при первомъ возвращеніи в Галичъ Владимира Ярославича ⁶⁾, при Романѣ ⁷⁾ и при

1) III, 287: «Романъ услыша, что король со Владимиромъ идетъ, и вѣдая, что *въ Галичанехъ еще много Владимиру приятелей*, не смѣлъ онаго ожидать»...

2) Ип., 446—447.

3) «Угре же вѣдающе леств Галичьую, аже Галичане нищють собѣ князя Русскаго, и почаша насилье дѣяти во всемъ»....

4) Нельзя думать, что «бывшіе у короля» служили ему и пользовались какими-нибудь выгодами; они были въ залогъ у него.

5) Лучшимъ подтвержденіемъ этого можетъ служить рассказъ Татищева (III, 327—328) о галицкихъ событіяхъ послѣ смерти Владимира Ярославича.

6) «И слышавъ Романъ, аже король за Горою уже, и бѣжа... и бѣжа из Галича во Володимерь *с Галичаны*... иде к Рюрикови во цю своему в Бѣльгородъ, и *с мужи тѣми, котормъ же его ввели бяхуть в Галичъ*» (Ип., 445). Бояре боялись возмездія не со стороны Владиміровой партіи (которая съ нимъ не возвращалась, потому что и не уходила изъ Галича: съ Владимиромъ шли, по лѣтописи, одни Венгры), а со стороны *одного Владимира*.

7) Н. И. Костомаровъ («Монографія», I, 208—212) утверждаетъ, что и Романъ Мст., и Игоревичи, въ своихъ тиранствахъ, опирались на извѣстное количество бояръ. О Романѣ онъ говоритъ, что иначе его господство было-бы немислимо. У Романа, при первомъ занятіи имъ Галича, дѣйствительно, была партія. Но мы уже знаемъ, что она не думала избивать свою братью. Еслибы онъ, послѣ втораго занятія

Игоревичахъ. Вообще же всё болѣе оставались въ странѣ, хотя бы въ Галичѣ садился и такой князь, которому нѣкоторые изъ нихъ не сочувствовали. Они покорялись необходимости, и мы не видимъ, чтобы одна партія шла на другую. Напримѣръ, въ 1189 г. Ростиславъ явился подъ Галичемъ съ малою дружиною въ надеждѣ на то, что болѣе исполнять свое обѣщаніе: «ему обѣщати, узрѣвше полкъ его отступити отъ королевича. Бяшеть же и во его полку неколю мужъ Галичскихъ прѣхало; и си же *узрѣвше лѣсть братья своя, подѣкоустившии и подѣ полкъ свой и отступивши отъ него* 1). Не замѣчаемъ мы и убійствъ однихъ болѣе другими и грабежей 2). Владиславъ, Судиславъ, нѣтъ сомнѣнія, были первенствующими лицами въ боярствѣ. Если были партіи, то отчето не видно другихъ такихъ же въ параллель имъ выдававшихся личностей, враждовавшихъ съ ними? отчето, если власть всегда

Галича, съ нею разошелся, что легко могло стать, потому что Романъ уже не нуждался въ ней и вообще не любилъ галицкихъ бояръ, то у него была опора во внѣшней силѣ: онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи силы Владимірскія и др. южнорусскихъ удѣловъ, могъ получить помощь отъ Поляковъ, помогшихъ ему утвердиться въ Галичѣ, и отъ Венгровъ, съ королевемъ которыхъ вошелъ въ тѣсную дружбу послѣ удачной съ нимъ борьбы (объ этой дружбѣ см. въ Ип., 480—482; о борьбѣ съ нимъ см. 300-ю стр. «Лѣтописи по Кенигсбергскому списку» (Спб. 1767) и Тат. III, 348); быть можетъ, онъ рассчитывалъ также на поддержку со стороны народа, который стоялъ и за Игоревичей, какъ видно изъ разсказа объ осадѣ Звенигорода (Ип., 486; см. невѣрное соображеніе у В. Ильницкаго: «Стародавныи Галицкіе города. Ч. I. Стародавній Звенигородъ», Львовъ 1861, стр. 17); для народа избіеніе утѣснявшихъ его бояръ было безразлично. Игоревичи также опирались, вѣроятно, на значительную внѣшнюю силу, потому что иначе не прогнали-бы Венгровъ. Бояръ, сидѣвшихъ въ Перемышлѣ, нельзя причислять къ ревностнымъ ихъ сторонникамъ и врагамъ остальнаго боярства. Сталъ ли бы Владиславъ обращаться къ врагамъ съ такою рѣчью, съ какою обратился къ нимъ, и отстали ли бы враги его, а друзья Игоревичей, такъ легко отъ послѣднихъ?

1) Ип., 447.

2) Н. И. Костомаровъ («Моногр.», I, 215) приписываетъ разграбленіе двора Судислава въ 1229 г. по Ип. сп. (истинную дату мы предложимъ читателю ниже, а теперь все ссылаемся на хронологію Ип. сп., чтобы не оставлять читателя безъ хронологическихъ указавій) (см. Ип. сп., 506) озлобленію враждебной ему партіи; но вѣдь въ то время, когда разграбленъ былъ дворъ Судислава, на сторонѣ Даниила не было ни одного еще галицкаго боярина!

захватывала одна другая, ми никогда не встречаемъ оппозиціи имъ въ средѣ боярства въ пору ихъ могущества ¹⁾? Эти предводители идутъ пресмысленно по одиночкѣ: сначала Владиславъ (по Ип. сп., отъ 1202 по 1211), затѣмъ Судиславъ (по Ип.: 1208—1234 ²⁾, Глѣбъ Зерембевичъ (по Ип. 1226—1234 ³⁾, Владиславъ (1231? 1241—49 по Ип.). Единственный случай вражды между боярами изъ-за властвованія разсказанъ въ Ипатьевскомъ спискѣ галицко-волинской лѣтописи подъ 1240 г. ⁴⁾. Въ заключеніе упомянемъ еще о томъ, что лѣтописецъ рѣдко говоритъ о раздѣленіи бояръ, а постоянно выражается: «Галицкими бояре»; еслибы въ послѣднемъ случаѣ онъ разумѣлъ не всѣхъ, или вообще не имѣлъ въ виду большинства, онъ даль-бы о томъ знать.

Мы остановились на вопросѣ о единодушіи галицкаго боярства потому, что намъ хотѣлось обстоятельнѣе выяснить причины нашего несогласія съ мнѣніемъ многихъ почтенныхъ нашихъ ученыхъ.

¹⁾ Владиславъ внязиль два раза въ Галичъ (Ип., 487 и 488) и въ оба раза лишился своего значенія не по боярскимъ просямъ. Н. И. Костомаровъ говоритъ, что въ 1229 г. Данила призвала партія, враждебная Судиславу («Ист. мон. и изсл.», I, 215). Дѣйствительно, сразу можетъ показаться, что бояре пристали къ Данилу изъ-за вражды къ Судиславу. Но чрезъ нѣсколько времени, когда король венг. пришелъ съ Судиславомъ, послѣднее обстоятельство не помѣшало имъ отпасть отъ Данила (Ип., 510). Вообще Н. И. Костомаровъ видитъ борьбу партій въ Галичѣ на каждомъ шагѣ. Насколько справедливы его объясненія, покажутъ слѣдующія его слова («Моногр.», I, 217) о послѣднемъ утвержденіи Данила въ Галичѣ передъ татарскими нашествіемъ: «Данило объявилъ противникамъ своимъ примиреніе и не сталъ никого преслѣдовать. Прежніе князья, да и самъ Данило, едвали могли бы рѣшиться не преслѣдовать здѣсь голоса своей партіи, и всякая партія всегда требовала мести, но цѣль ея была занять мѣсто тѣхъ, которые ей враждовали. Но на этотъ разъ не партія, а большинство народа было на сторонѣ Данила». Какъ будто прежде на сторонѣ Данила не было большинства народа и такая сила, какую приписываетъ Данилу на этотъ разъ Н. И. Костомаровъ, могла отаргаты его партію отъ преслѣдованія ненавистныхъ противниковъ!

²⁾ Первенствовалъ съ 1219 г. (по Ип. съ 1212): «Галичани же вси и Судиславъ послашася по Данила» (Ип., 489).

³⁾ Выступилъ на сцену по Ип. сп. еще въ 1211 г. (правильнѣе: въ 1213 г.) (Ип., 488).

⁴⁾ Ип., 525.—Можетъ быть, и Глѣбъ Зерембевичъ, являющійся въ послѣдствіи постоянно въ числѣ галицкихъ бояръ, въ 1213 г. изъ-за несогласія съ Владиславомъ воевалъ противъ него (Ип., 488), но это только догадка.

Безспорно, боярство было главнымъ врагомъ Данила въ борьбѣ его за Галичъ и виновникомъ того, что онъ не удержался тамъ послѣ перваго его занятія. Оно не могло успокоиться, а постоянно подыскивало ему враговъ извнѣ, которые охотно вступали въ союзъ съ боярами и начинали борьбу за Галичъ, потому что это была одна изъ богатѣйшихъ и населеннѣйшихъ русскихъ областей и владѣніе ею было привлекательно для всякаго. Эти другіе враги Данила по Галичу дѣйствовали всегда по приглашенію боярства, разсчитывая и опираясь на его поддержку, и безъ него едва-ли бы пошли на Данила ¹⁾). Тамъ, послѣ перваго утвержденія Данила въ Галичѣ, Венгры возвратились вслѣдствіе уговариванія со стороны Судислава: «Андрѣви же пришедшу во отцю си и брату, и Судиславу глаголющу непрестанно: «изыдѣте на Галичъ и примете землю Рускую; аще не поидеши, укрѣпятся на ны ²⁾». Въ 1231 г. по Ип. сп. ³⁾ Судиславъ же поймавъ, прииде королеви Андрѣви, и возведе короля Угорьского Андрѣи ⁴⁾». Александръ, замысливъ возстаніе на Данила, условливался съ боярами ⁵⁾. Михаилъ Черниговскій говорилъ Данилу: «...аще коли хотяхъ любовь имѣти съ тобою, невѣрнии Галичанѣ не вдадохуть ми ⁶⁾» и т. п. «

Такіе союзники боярства и претенденты на Галичъ при Данилѣ, какъ и до него, были и между русскими князьями и между сосѣдними съ галицкою землею иностранцами.

Первоначально за Галичъ съ Даниломъ боролись Венгры, притязанія которыхъ, впервые обнаружившіяся въ концѣ XII стол., не прекращались съ 1213 г. ⁷⁾. Съ 1219 г. ⁸⁾ имъ усердно начало помогать

¹⁾ Г. Смирновъ напрасно укладываетъ борьбу Ольговичей съ Даниломъ въ рамки изстари тянувшейся борьбы между ними и Мономаховичами за Кіевъ («Судьбы Червонной или Галицкой Руси», Сиб. 1860, стр. 28). Галичъ въ глазахъ Ольговичей не замѣнялъ Кіева, но отчего, думали они, не попытаться счастья среди смуть? авось, думали они, удастся овладѣть и Галичемъ.

²⁾ Тогда возбуждали Венгровъ, по нашему мнѣнію, кромѣ Судислава, и другіе бояре. См. выше. Ип., 507.

³⁾ Правильнѣе: въ 1232 г.

⁴⁾ Ип., 509.

⁵⁾ Ibid., 508.

⁶⁾ Ibid., 521.

⁷⁾ Мы думаемъ, что поворотъ въ политикѣ Венгровъ относительно Галича обнаружился одновременно съ вокняженіемъ тамъ Владислава. Идя на сидѣвшаго въ Галичѣ Мстислава Пересонницкаго, король осво-

боярство, потому что Венгры оставили свой прежній образ дѣйствій въ отношеніи къ нему и сдѣлали бояръ участниками въ верховномъ управленіи страной. Когда Галичъ достался Андрею, то власть вполнѣ перешла въ руки бояръ и фактическимъ государемъ Галича былъ Судиславъ⁹⁾. Но, встрѣчая постоянный отпоръ, потерпѣвъ много неудачъ и пораженій, со смертію въ Галичѣ королевича Андрея въ 1234 г.¹⁰⁾,

бодилъ боярина Владислава, котораго до тѣхъ поръ держалъ въ заключеніи, какъ главнаго врага Романовичей [до того времени онъ безкорыстно ихъ поддерживалъ] и отправился вмѣстѣ съ нимъ (Ип., 487—488). Это первый, бросающійся въ глаза фактъ, указывающій на перемѣну. Затѣмъ: король венг. не воевалъ съ Володиславомъ, когда тотъ занялъ престолъ. Въ 3-хъ, Даніилъ съ матерью удалился съ того времени отъ королевскаго двора (Ип., 488). Въ 4-хъ, король объявилъ войну Лешку и, сколько можно замѣтить изъ лѣтописи, вслѣдствіе того, что тотъ сталъ очень усердно покровительствовать Даніилу и, помимо короля, добывать ему Галичъ (Лѣтопись говорить: «...король поиде на Лестьва, Данилови же у Лестка сущю»... Ип., 488). Поэтому намъ кажется весьма правдоподобною догадка Карамзина (т. III, стр. 100 по изд. Эйнерлинга), что Владиславъ управлялъ Галичемъ съ согласія и вѣдома Андрея и въ нѣкоторой зависимости отъ него. — Что касается титула венгерскихъ королей, то, сколько намъ извѣстно, «Galicia» и «Lodometia» были вклучены въ него послѣ 1190 г. впервые въ 1209 г. См. грамоту Андрея II, приведенную на стр. 15 «Imago povae Hungariae».

⁹⁾ По Ип. съ 1213. См. Ип., 490—491. Судиславъ успѣлъ войти въ соглашеніе съ Венграми еще прежде: «Бенедиктъ Лысы бѣжа во Угры со Судиславомъ, а Мьстиславъ седе в Галичи» (ib., 489).

⁹⁾ Ип., 503: «Въ бо королевичъ оз Галичъ и Судиславъ с нимъ». — Ип., 506: «...прислаша Галичанѣ, рекуще: «яко Судиславъ шель естъ во Позизье, а королевичъ в Галичи осталъ; а поиди борже» и т. п. По мнѣнію В. В. Пассека (цитир. статья, стр. 54), боярство прибѣгало въ венгерскому владычеству на время и не думало на немъ успокоиться. Мы, напротивъ, думаемъ, что съ 1219 г. оно благоприятствовало этому владычеству болѣе, нежели всякому другому. Худо-ли было боярамъ при Мстиславѣ? и однако они предпочли Венгровъ; это потому, что послѣднимъ они постоянно могли грозить русскими князьями и, такъ обр., могли держать ихъ нѣсколько въ своихъ рукахъ, а русскіе князья не привыкли и не согласились-бы играть при боярахъ второстепенную роль; они воспитаны были въ другихъ понятіяхъ. Уже у Кадлуба (II, 124—125) въ уста бояръ вложены слова такого рода: «non possumus ferre nostrae Terrae Principum fastus, seditiones, invidiam».

¹⁰⁾ На этотъ разъ случайно годъ выставленъ въ Ипатскомъ спискѣ вѣрно. Андрей, дѣйствительно, умеръ въ 1234 г. Доказательства этого см. въ «Geschichte Ungarns» von L. v. Szalay; II-ter B. (Pest, 1869), S. 32—33, Anm. 3 und Anm. des Uebers.

Венгры отстали, наконецъ, отъ своихъ претензій¹⁾. Но и послѣ, несмотря на то, что Данилъ считался другомъ Бела²⁾, котораго былъ сверстникомъ и съ вторымъ вмѣстѣ выросъ, и находилъ у него иногда прѣютъ³⁾, Венгры кѣшпивались въ галицкія дѣла не въ его пользу. Они помогали замѣнчившимъ ихъ Михаилу и Ростиславу Черниговскимъ, какъ прежде Михаилъ благоприятствовалъ имъ, когда они сидѣли въ Галичѣ⁴⁾. Венгры дѣйствовали теперь, очевидно, въ тѣхъ видахъ, ко-

1) У Татищева сохранилось извѣстіе, что король формально даже отрекся отъ Галича. Подъ 1233 г. онъ говоритъ (III, 460): «Данилъ Романовичъ имѣя о Галичѣ съ королемъ Венгерскимъ войну тяжкую; и побѣдя Венгровъ въ горахъ, учинилъ съ нимъ миръ, отрекся король по грамотѣ Метиславлей Галича».

2) Въ качествѣ друга онъ былъ приглашенъ на его коронацію [тамъ именно смотритъ на это наша лѣтоп., которая говоритъ: «Данилъ же въ то время шель блше со братомъ своимъ во Угры ко королеви: *бѣ бо звалъ ея на чѣсть*» Ип., 517] въ 1235 г. (см. Szalay, «Geschichte Ungarns, II, S. 33) и принималъ въ ней участіе. Это участіе, по словамъ Туроча, стояло въ слѣдующемъ: «Rex Bela — — coronatus est — — in cathedrali ecclesia beati Petri, Albae, quam ipse consecrari fecit, Colowano duce, fratre eiusdem, episcopi regalem, ad latus ipsius, honorifice tenente, Daniele vero, duce Ruthenorum, equum eius, ante ipsum, cum pompa cum reuerentia ducente» [-Scriptores rerum Hungaricarum. Cura et studio J. G. Schwandtneri. MDCCXLVI. T. I. c. P. 149]. Венгерскіе историки (между пр. и Szalay*) заключаютъ на основаніи этихъ словъ Туроча (второй, компилируя извѣстія древнѣйшихъ лѣтописей, самъ, вѣроятно, прибавилъ слова «summa cum reuerentia» — изъ патріотической гордости), что Данилъ призналъ себя вассаломъ Бела. Въ такомъ случаѣ, также должно смотрѣть и на Коломаново участіе въ коронаціи брата. Венгерскіе историки и Карамзинъ думаютъ, что Данилъ отправился къ Белѣ просить помощи. Это несогласно съ свидѣтельствомъ нашей лѣтописи и съ Даниловымъ характеромъ: Данилъ никогда бы не унижился до того, чтобы признать себя вассаломъ венг. короля; притомъ мы нигдѣ не замѣчаемъ слѣдовъ подобнаго подчиненія Данила. Въ дополненіе къ этому советуемъ прочесть еще сказанное у Д. И. Зубрицкаго («Ист. др. Гал.-р. княж.», III, 124—125).

3) См., напр., Ип., 516.—Бела IV род. въ 1205. Отсюда видно, какъ неавѣрно извѣстіе галицко-вол. лѣтоп. подъ 1206 (вм. 1209): «Данилови сущю во Угрѣхъ, король же Андрѣй, и боярѣ Угорьстѣи и вся земля, хоташе дати дщерь свою за князя Данила, обвиня дѣтскама бывшима: зане сына у него не бѣ» (Ип., 484).

4) Михаилъ былъ женатъ на Даниловой сестрѣ (Ип., 521), но это его не останавливало. О союзѣ его съ королемъ Андреемъ въ Ип. см. говорится подъ 1228 (Ип., 503).

*) Съ ними согласенъ и Карамзинъ (III, стр. 348).

торые имѣли еще въ прошломъ вѣкѣ, до восьмидесятыхъ его годовъ ¹⁾. Покровительство Ростиславу со стороны Бѣлы было тѣмъ усерднѣе, что первый былъ помолвленъ съ его дочерью Анною ²⁾. Что Бѣла не безкорыстно помогала Ростиславу, это доказывается тѣмъ, что, когда незадолго до татарскаго нашествія Ростислава постигла въ Галичѣ рѣшительная неудача ³⁾, то онъ не хотѣлъ выдать за него дочь: онъ желалъ видѣть своего зятя на галицкомъ престолѣ ⁴⁾. Онъ согласился породниться съ бездомнымъ Ростиславомъ только послѣ Батыева похода, когда значительно присмирѣлъ ⁵⁾. Съ этого времени Ростиславъ дѣй-

¹⁾ Они не желали образованія сильнаго государства въ ихъ со-сѣдствѣ. По словамъ Татищева (III, 64—65), въ 1152 г. венгерскіе вельможи и архіепископъ говорили королю слѣдующее: »лучше намъ, что Русскихъ князей больше, а не одинъ, и они въ несогласіи другъ друга воюя намъ не вредятъ, и намъ ихъ бояться не будетъ причины, а ежели Владимирка отдать въ руки Изяславу, стыдъ тебѣ предъ всѣми Государя«.

²⁾ Первое упоминаніе объ этой помолвкѣ С. Н. Палаузовъ (въ моногр.: »Ростиславъ Михайловичъ, русскій удѣльный князь на Дунаѣ«, Спб. 1851, стр. 11) относитъ къ 1234 г., предпочитая мнѣніямъ венгерскихъ историковъ хронологію нашей лѣтописи. Онъ говоритъ, что послѣ помолвки Ростиславъ находился въ войскѣ Бѣлы IV подъ Ярославлемъ, а въ Ипат. лѣтописи »Ярославль, а за нимъ Владимиръ Волынскій были взяты Белой въ 1234«. 1234-й годъ не поставленъ ли имъ ошибочно вм. 1231, подъ которымъ именно стоятъ въ нашей лѣтописи упомянутыя С. Н. Палаузовымъ событія (см. Ип., 510). Въ нашей лѣтописи не говорится прямо объ этомъ сватовствѣ. Но и въ ней можно найти подтвержденіе венгерскихъ извѣстій. Подъ 1243 г. въ ней говорится о Ростиславѣ: »и вѣсть за нь *пакы* король Угорьскый дочѣрь свою«... (Ип., 528).

³⁾ Ип., 518 и 521.

⁴⁾ Онъ отказалъ и Данилу, желавшему отбить невѣсту у соперника для своего сына и нарочно для этого пріѣзжавшему въ Венгрію передъ самымъ татарскимъ нашествіемъ (Ип., 523: »...ѣхалъ бѣ Данило князь ко королеви во Угры, хотя имѣти с нимъ любовь сватьства; и не бы любви межи има«; сл. стр. 537).

⁵⁾ Онъ считалъ это униженіемъ для себя, равно какъ и то, что послѣ выдалъ дочь за Льва Даниловича. При болѣе благоприятныхъ обстоятельствахъ онъ искалъ бы лучшей партіи для дочерей. Вотъ что онъ писалъ къ папѣ Иннокентію IV: »Nos... propter bonum christianitatis, *majestatem regiam humiliando*, duas filias nostras duobus ducibus Ruthenorum et tertiam duci Poloniae dedimus in uxorem... *Amplius...* filio nostro primogenito Cumanam *quandam* conjunximus, ut per hoc vitam deterius«. Szalay, II, S. 71, Anmerk. 2.

ствоваль противъ Даниіла уже не заодно съ отцомъ, съ которымъ поссорился ¹⁾, а совершенно независимо отъ него. Этотъ Ростиславъ отличался чрезвычайно безпокойнымъ характеромъ, свойственнымъ всей черниговской линіи князей, и, по справедливому замѣчанію писавшаго о немъ С. Н. Палаузова ²⁾, былъ «рѣзкимъ выраженіемъ удѣльнаго періода ³⁾».

Венгры и Ольговичи были главными соперниками Даниіла по Галичу. Но въ промежуткѣ между попытками тѣхъ и другихъ, равно какъ и до полного еще отреченія Венгровъ отъ видовъ на Галичь, когда бояре не надѣялись найти поддержку у послѣднихъ, они обращались къ двоюродному брату Даниіла—Александру Всеволодовичу Белзскому, человеку довольно не нравственному ⁴⁾. Впрочемъ, онъ всегда готовъ былъ приставать и приставать къ Даниіловымъ врагамъ и помимо расчета на галицкій столъ. Онъ былъ издавна недоброжелателемъ Романовичей, потому что съ самаго ихъ малолѣтства имѣлъ замыслы на принадлежавшій имъ по праву наслѣдства владимірскій удѣлъ ⁵⁾. Онъ былъ склоненъ поддерживать Романовичей въ ихъ стремленіи подчинить себѣ Галичь ⁶⁾, но съ вѣрой неохоту уступалъ имъ что-нибудь на Волыни. Со времени утраты Владиміра Вол., онъ присоединялся къ непріятелямъ ихъ при всякомъ удобномъ случаѣ, но это ни разу не доставило ему особенной выгоды.

Также не имѣли притязаній на Галичь, но всегда поддерживали Даниіловыхъ враговъ еще какіе-то Болоховскіе князья, мѣсто житель-

¹⁾ Ип., 528.

²⁾ «Ростиславъ Михайловичъ», 26.

³⁾ Другой отзывъ о немъ С. Н. Палаузова (ib., 6), что «лице это едва ли не изъ замѣчательнѣйшихъ характеровъ XIII вѣка», вылился подъ вліяніемъ увлеченія героемъ изслѣдованія, иногда довольно замѣтнымъ (см., напр., натяжку въ объясненіи неудовольствія Михаила на сына).

⁴⁾ Ип., 508 и 514. О немъ есть особенная статья, принадлежащая В. Ильницкому—подъ заглавіемъ: «Александръ князь Белзскій», помѣщенная въ «Зорѣ Галицкой на годъ 1860». Впрочемъ, въ ней нѣтъ ничего замѣчательнаго.

⁵⁾ Онъ сталъ помышлять о Владимірѣ съ тѣхъ поръ, какъ изъ него былъ изгнанъ Святославъ Игоревичъ.

⁶⁾ Это обнаруживается изъ того, что въ 1208 г. по Ип. сп. онъ присоединялся къ ополченію, шедшему добывать Галичь для Даниіла (Ип., 485).

ства и происхожденіе которыхъ до сихъ поръ еще удовлетворительно не выяснены ¹⁾. Не подлежитъ сомнѣнію только то, что они болѣе

¹⁾ Большинство современныхъ ученыхъ (И. И. Шараневичъ: «Исторія», 83 и 104; А. С. Петрушевичъ: «Гал. ист. сб.», II, 110; Д. И. Зубрицкій: «Исторія», III, пр. 112-е; С. М. Соловьевъ: «Исторія», III, пр. 261-е; Н. П. Барсовъ: «Материалы для историко-географическаго слова Россіи», В. 1865, стр. 11) полагаютъ, что города Болоховскихъ князей находились въ Подоліи. Но этотъ вопросъ едва ли можетъ считаться рѣшеннымъ. Ученые прежде всего основываются на показаніяхъ извѣстнаго изслѣдователя русской географіи З. Д. Ходаковского, писавшаго въ двадцатыхъ годахъ. Онъ категорически заявилъ, что города Болоховскихъ князей находились въ Подоліи (Карамзинъ IV, пр. 20, стр. 10). Странно однако, что, имѣя обыкновеніе обстоятельно указывать положеніе различныхъ мѣстностей, онъ отступилъ на этотъ разъ отъ своей привычки и упомянулъ только о томъ, что на мѣстѣ древняго Кудина находится Кудинка, которую мы, дѣйствительно, нашли въ Подольской губерніи, невдалекѣ отъ Нововоюстантинова (см. 17-й л. спец. карты европ. Россіи, изд. Воен. Топ. отд. Главн. Штаба, 1868). Это подрываетъ довѣріе къ основательности его свидѣтельства: не на основаніи ли одной Кудинки оно построено? Какъ нужно относиться въ настоящемъ вопросѣ къ Ходаковскому, показываетъ также то, что Бѣлобережье онъ причислилъ къ землѣ Болоховскихъ князей и, вмѣстѣ съ послѣднею, помѣстилъ въ Подоліи (о Бѣлобережьи см. ниже). Съ своей стороны, мы обращаемъ вниманіе на то, что въ средней полосѣ Волини явнется рядъ селъ, названія которыхъ или одинаковы, или похожи на названія городовъ Болоховскихъ князей, занесенныя въ лѣтописи (см. Ип. подъ 1241, 526); къ первымъ мы относимъ: с. Деревичи (въ Новоградвол. у; сл. мѣстное преданіе у Барсова на стр. 61. Въ томъ же уѣздѣ, вблизи слоб. «Деревичъ» и м. Черторіи мы встрѣтили «Деревичку»), «Губино» [въ Новоградвол. у; въ Луцкомъ у. есть «Губинъ»; др. селеніе подобнаго же названія находится во Владимірскомъ у.; Н. П. Барсовъ указываетъ на с. Губинъ, Под. губ., лежащее на южномъ Бугѣ (стр. 61); но это излишне, если есть «Губино»], Городецъ (въ Луцкомъ у., невдалекѣ отъ Болоховичъ), Дядьковичи (въ Ров. у. 2 сек. этого имени; въ лѣт. находимъ «Дядьковъ») и Кудяновичи (въ Новоградвол. у., по р. Цѣрему, вблизи м. Яруня *); села съ похожими названіями: Кобга (въ Луцк. у.; въ лѣтописи есть «Кобудъ»), Божьевичи (въ Дубенскомъ у.) и Божевъ (въ Владимірскомъ уѣздѣ; тамъ же есть «Божанка»; въ лѣтописи читаемъ: «Божьскый»). Мы нашли даже селеніе, весьма напоминающее по своему названію древній Болоховъ; это — Болоховичи, въ Луцкомъ уѣздѣ, въ приходѣ Полицъ, невдалекѣ отъ р. Стыри и м. Черторійска. Можетъ быть, у

*) «Кудина» мы не нашли. Карамзинъ указывалъ на Кодень, лежащій къ югу отъ Берестя (IV, пр. 20, стр. 10). Мы укажемъ на Кодню, м. Житомирскаго уѣзда.

утвержденія Данила въ Галичѣ изъ опасенія подпасть его вліянію при чрезвычайномъ его усиленіи.

нижнѣйшихъ Болоховичъ проходила сѣверная граница древней Болоховской земли. Въ связи съ этимъ считаемъ нелишнимъ указать на то, что въ Хлѣбнивовскомъ и Погодинскомъ спискахъ Кіевской лѣтописи упоминается Болоховъ, лежавшій на дорогѣ изъ Кіева во Владиміръ [»И поиде Мъстиславъ отъ Кіева второе недѣли по велики дни в понедѣльникъ. И бысть вѣсть Давыдови, оже Мъстиславъ пошелъ, и посла Вододислава Ляха съ Половци по нѣмъ, и постигоша я у *Болохова*, и ту стрѣлявшеся с ними възвратишася«. Ип., 376, вар. 1. Въ Ип. сп. см. »Болохова« поставлено »Борохова«; если чтеніе Ипатскаго списка предпочтительнѣе, то подъ »Бороховымъ« должно разумѣть теперешній »Боруховъ«, находящійся въ Луцкомъ уѣздѣ]; находимъ также весьма интересный вариантъ у Татищева; подъ 1158 г. въ кіевской лѣтоп. говорится: »Сий бо Яропольъ вда всю жизнь свою (Кіевопечерскому монастырю), Небльскую волость и Дервскую и Лучьскую, и около Кіева« (Ип., 338); у Татищева читаемъ: »отдалъ всѣ волости свои, *Болоховскую*, Деревскую и Луцкую« (III, 106).—Кромѣ повзанія Ходаковскаго, ученые обращаютъ вниманіе на мѣстности, вблизи которыхъ являются Болоховскіе князья. Мы позволяемъ себѣ замѣтить, что эти мѣстности также не дають права исключительно Подоліи присвоивать Болоховскихъ князей. Вѣстѣ съ Болоховскими князьями Галичане приходили однажды на принадлежавшій Данилу Каменецъ (Ип., 516); ученые полагають, что подъ этимъ Каменцемъ нужно разумѣть Каменецъ-Подольскій (Д. И. Зубрицкій, »Исторія« III, 137; Н. П. Барсовъ, »Матеріалы«, 87); но несомнѣнно, что лѣтописный Каменецъ находился на мѣстѣ нынѣшней »Каменки«, села Новоградвол. у., стоящаго у самой Случи, невдалекѣ отъ Колодежна; въ томъ же уѣздѣ къ сѣверу (вблизи м. Корца) встрѣчаемъ другую »Каменку«, а къ востоку отъ Колодежна—»Камень«. Въ лѣтописи читаемъ: »Придоша Галичане на Каменецъ и вси Болоховьскии князи с ними, и *повоеваша по Хомору, и поидоша ко Каменцю*«, а Хоморъ—теперешняя Хомора (Хомура), лѣвый притокъ южной Случи, и течеть въ Волинской губ.; на то, что Каменецъ, о которомъ говорить лѣтопись, находился въ Новоградвол. у., указываетъ еще слѣд. мѣсто лѣтописи о Батѣхъ: »поиде самъ Володимерю (Вол.) и приде къ городу Колодяжну (о послѣднемъ см. въ II-й главѣ нашего труда)... И *приде Каменцю, Изяславу, взятъ я*; видивъ же Кремянѣць и градъ Даниловъ... и т. д. (Ип., 523): Каменецъ здѣсь поставленъ рядомъ съ Изяславемъ, теперешнимъ Заславемъ, уѣзднымъ город. Вол. губ. Живя вблизи этого Каменца, Болоховскіе князья могли безъ особеннаго труда пробираться въ Бакотѣ (Бакота—селеніе на Днѣстрѣ между Ушицею и Каменцомъ Под. Барсовъ, »Мат.«, 3), что мы видимъ однажды (Ип., 526). Далѣе, мѣсто лѣтописи, находящееся въ Ип. сп. подъ 1257 г., даетъ основаніе думать, что Болоховскихъ князей нужно искать именно въ средней полосѣ Волни. Изъ него видно, что Межибожье

Всѣ перечисленные нами враги Данила въ борьбѣ его за Галичъ постоянно дѣйствовали дружно.

не принадлежало къ Болоховской землѣ, равно какъ и *Побожье* [*воевають* люде Данилови же и Василкови *Болоховъ*, а Лвови *Побожье* и люди Татарскыя. Ип., 555),—что Болоховская земля находилась въ сѣверу отъ Побожья [противъ нея были отпращены силы Данила и Василька, княжившихъ на Волини, а противъ Побожья воевали люди Льва, княжившаго въ Галицкой области] и была смежна съ областью Бѣлобережцевъ и Чарнятинцевъ (*Шварно* же приде поймавъ города вся, и по немъ *придоша Бѣлобережци и Чарнятинци и вси Болоховци* къ Данилу.) (о Бѣлобережцахъ и Чарнятинцахъ см. въ наст. главѣ ниже). По словамъ лѣтописи (Ип., 527), Болоховскіе князья вторглись однажды въ Мазовецкую землю съ цѣлью грабежа (они воевали ее: *не суть вои твои*», говорилъ Болеславъ Данилу) и князь Мазовецкій *хотяше разграбити ея*: на основаніи слова *разграбить* мы заключаемъ, что онъ хотѣлъ, въ отместку, опустошить ихъ землю [трудно допустить, чтобы оно было употреблено въ томъ значеніи, что онъ хотѣлъ забрать все находившееся при нихъ въ Польшѣ имущество]; а это показываетъ, что она находилась не на особенно далекомъ разстояніи отъ его владѣній; этого же нельзя сказать о верховьяхъ Бога (ю. Буга); вѣроятнѣе относить землю Болох. князей въ среднюю Волинь, откуда имъ легче было проникнуть въ Мазовію (обратите вниманіе на послѣднее обстоят.: Болоховскіе князья грабили не Краковскую область, на которую имъ естественнѣе было напасть, еслибы они шли съ юга, а Мазовецкую). Наконецъ, городъ Болоховскихъ князей *«Божьскый»*, по всей вѣроятности, былъ тождественнымъ съ *«Божьскимъ»*, о которомъ лѣтописи упоминаютъ еще въ XII ст. Послѣдній же въ одномъ мѣстѣ лѣтописи поставленъ рядомъ съ Острогомъ, Дубномъ и Черторыйскомъ (П. с. р. л., I, 116—117, г. 1100), а въ двухъ другихъ мѣстахъ рядомъ съ Межибожьемъ и Котельницею (Ип., 243 и 257; Котельница—Котельня Жит. у. на р. Гуйвѣ); С. М. Соловьевъ (*«Исторія»*, II, пр. 242) говоритъ, что этотъ городъ долженъ былъ находиться на берегахъ Божка или Бужка, впадающаго въ восточный Бугъ у Межибожья; но его названіе могло происходить и не отъ корня *«Богъ»* въ смыслѣ рѣки Бога (ю. Буга). Въ Кременецкомъ у. Вол. губ. есть гора Бужья или *Божья*. См. *«Вол. Губ. Вѣд.»* 1868, № 121. Одно только насъ нѣсколько смущаетъ: Владимірко *Галицкій, идя къ Киеву*, шелъ на Болохово (изъ лѣтописи можно заключать, что такъ называлась цѣлая мѣстность), которое, по нашему предположенію, высказанному выше, лежало на одной широтѣ съ Киевомъ, а потомъ мимо Мунарева прошелъ къ Володареву (Ип., 278); послѣднія же мѣстности находились въ южной части теперешней Киевской губ. [о Володаревѣ см. у Барсова стр. 38; о Мунаревѣ можно судить только приблизительно; напр., онъ въ одномъ мѣстѣ лѣтописи упоминается невдалекѣ отъ Ярополча (Ип., 346), а Ярополчъ—Яроповцы, сел. въ Сквирскомъ у. Киевской

Вѣрнымъ союзникомъ Данила является кievскій князь Владиміръ Рюриковичъ, которому онъ помогаль противъ Черниговскихъ князей¹⁾;

губ. Барсовъ, 219; на картѣ Главн. Шт.—Яроповичи; еще упоминается онъ въ Ип. сп. на стр. 343]; тав. обр., если принять наше мнѣніе о Болоховѣ, то придется думать, что Владимірко шель къ Киеву не прямымъ путемъ, а круто повернулъ съ сѣвера на югъ, для чего, повидимому, онъ не имѣлъ основаній. Впрочемъ, Яроповцы не особенно южище Киева. Еще менѣе покажется извилистымъ путь Владимірка, если допустить, что Мунаревъ—теперешній Мухаровъ, Новоградв. у., который, по широтѣ, немного выше Яроповецъ и не слишкомъ отдаленъ отъ нихъ.—Переходимъ къ вопросу о происхожденіи Болоховскихъ князей. Оно также загадочно, какъ и мѣсто ихъ жительства. Н. И. Костомаровъ («Моногр.», I, 218) считаетъ ихъ обособившимися отъ князей боярами; С. М. Соловьевъ склоняется къ тому, чтобы признать ихъ Ольговичами, поселившимися въ Подоліи [«Исторія», III, прим. 261—на основаніи слѣд мѣста лѣтописи: «...нача посылати Михайлъ и Изяславъ, грозяча: «дай пану братью (рѣчь идетъ о Болох. кн.), или пріѣдемъ на тя войною». Ип., 516],—вмѣстѣ съ Карамзинимъ (III, прим. 346, стр. 127) и Арцыбашевымъ; Д. И. Зубрицкій полагаетъ («Исторія» III, 138), что это—крестившіеся и породнившіеся съ Черниговскими князьями Половцы, И. И. Шараневичъ («Исторія», 83 и 104) высказываетъ подобное же мнѣніе. Мы замѣтимъ отъ себя, что, если это были чисто русскіе князья, существовавшіе съ древѣйшихъ временъ, то не могло быть, чтобы они не принадлежали къ роду Рюриковичей. Рюриковичи, владѣвшіе русскою землею и признававшіе только за собою право на это, не допустили бы, чтобы какая-нибудь частица русскихъ земель подчинилась иному роду. Болохово въ 1150 г., повидимому, принадлежало къ землямъ, признававшимъ власть Рюриковичей (Ип., 278); «Божскій» въ XII стол. также подчинялся послѣднимъ; если его считать тождественнымъ съ Бозкомъ вм. съ авторомъ указателя къ «Лѣтоп. по Ип. сп.», то это можно сказать и о началѣ XIII в. (см. Ип., 487); но, кажется, что Бозкъ лежалъ западнѣе гдѣ-то, въ галицкой области. Болоховскіе князья могли быть и не Рюриковичи, но въ такомъ случаѣ они явились въ періодъ смутъ въ югозападной Руси въ первой четверти XIII стол. Не бросаетъ ли нѣкотораго проблеска на ихъ происхожденіе слѣд. обстоятельство: въ Ип. сп. подъ 1231 г. говорится: «бѣ бо с королевичемъ Александръ и Глѣбъ Зеремевичъ, внии князи Болоховьскіи и Угорь множество» (Ип., 511); для чего употреблено слово «внии» рядомъ съ словами «Глѣбъ Зеремевичъ»? Обратимъ вниманіе на то, что въ началѣ XIII стол. Глѣбъ Зеремевичъ приходился въ какой-то связи съ княземъ восточной Волыни, Мстиславомъ Пересопницкимъ (см. Ип., 488).—Что касается названій городовъ Болоховскихъ князей, то они—славянскаго корня, и подобныя имъ нигдѣ встрѣчаются и въ другихъ мѣстностяхъ русской земли («Белехово поле» Ип., 407; «Кобудъ» есть въ Черниг. губ.; «Кудиново». Ип., 264 и т. п.).

¹⁾ Ип., 511, 513, 514, 516.

весьма часто содѣйствовали Даниилу также Половцы ¹⁾, часть которыхъ со времени татарскаго нашествія находилась у него на постоянной службѣ и была, вѣроятно, поселена въ его земляхъ ²⁾. Въ случаѣ необходимости Данииль просилъ и получаеъ помощь отъ Литовцевъ ³⁾.

1) Въ 1230 г. (по Ип. въ 1229) у Даниила были Котьяновы Половцы, у короля—Бѣговарсовы (Ип., 507); въ 1233 г. по Ип. сн. опять помогали Даниилу Котьяновы половцы (Ип., 513—514); въ 1236 г. (въ 1235 по Ип. сн., 516) они не захотѣли воевать противъ Даниила; это объясняется тѣмъ, что послѣдній былъ женатъ на внучкѣ Котьяна (см. Ип., 498 и 489).

2) См. Ип. 528, 533, 538, 542, 543. Данииль породнился даже съ однимъ изъ хановъ, именно съ Тѣгакомъ (Ип., 543), который называется его сватомъ. У Длугоша подъ 1259 г. говорится: «Boleslaus Cahssensis... cum Boleslao Pudico Cracoviensi et Sandomiriensi Duce patruele, *Ruthenorum et Cumanorum* habente auxilia...» (col. 756). Можетъ быть, эти Половцы были поселены на сѣверной окраинѣ Данииловыхъ земель. Ярошевичъ говоритъ объ южной части Ятвяжской земли: «sa ślady że z najdawniejszymi Ruskimi kolonistami, musieli w te strony przybyć i Połowcy, których nazwisko dochowało się do dziś dnia w kilku wsiach pogranicznych Brzeskiego powiatu» (Образъ Литвы, I, стр. 31). Въ примѣчаніи къ этому читаемъ: «Oprócz wsi i dworu Połowców, mieszkańcy wiosek Suchory, Stawiszce, Piszczeta, Hoła czyli Hoła, Suchodoł i Wólka połowiecka, od okolicznych wieśniaków pospolicie nazywani są Połowcami, którzy jednak w niczem się już dzisiaj od sąsiednich nie różnią Rusinów. Powtarzane dotąd między okolicznymi Rusinami przysłowie: «*Połowców siem siół, a odin tolko woł*» nie nader korzystnie świadczy o ich przemyśle rolniczym lub zamożności wiejskiej» (ibid., стр. 206). На югѣ принадлежавшихъ нѣкогда Даниилу земель мы также встрѣчаемъ села, напоминающія Половцовъ; сюда относятся: «Половце» (въ австрійской Галиціи, недалеко отъ Чорткова), «Куманово» (въ Проскуровскомъ у.), «Кумановцы» (въ Летичѣвскомъ у.) и «Кумановеа» (въ Бердичевскомъ у., недалеко отъ Махновки). Название Куманъ встрѣчается и въ нашихъ лѣтописяхъ (см., напр., П. с. р. л., III, 39). Половцы сразу должны были измѣнить свой разбойническій характеръ: «Даниль же вооружився, поемъ воє свое, поиде рѣцѣ Сяну. Броду же глубоку суцу, и приѣхаша Половци напередъ, и приехавше видиша стада ихъ, не бѣ бо стражь ихъ у рѣки. *Половцемъ же не смлющимъ разграбити ихъ, бес повеления княжа*» (Ип., 523). И. Д. Бѣляевъ («Зап. Од. общ. ист. и древн., т. III, Од. 1853, ст.: «О сѣверномъ берегу Чернаго моря и прилежащихъ къ нему степяхъ, до двдворенія въ этомъ краѣ монголовъ», стр. 45) думаетъ иначе объ отношеніяхъ ихъ къ Даниилу; по его словамъ, послѣ перваго татарскаго погрома «Половцы еще нѣсколько времени держались за Днѣстромъ на западъ до Дуная; они еще помогали въ разныхъ войнахъ Даниилу Романовичу до 1253 года».

3) Подробнѣе о томъ см. въ III-й гл.

Вышательство Поляковъ въ русскія дѣла ограничивалось теперь тѣмъ, что они давали воевавшимъ вспомогательные отряды, когда о томъ ихъ просили. Въ политикѣ ихъ относительно Руси не видно единодушія ¹⁾ и строго выдержаннаго направленія ²⁾.

Борьба Даниила за Галичъ началась весною 1230 г. ³⁾. На первыхъ порахъ ему было довольно трудно состязаться съ конкуррентами. Вотъ какъ описанъ въ галицко-волинской лѣтописи походъ Венгровъ вслѣдъ за первымъ занятіемъ Галича Данииломъ. «Ивыде же Бѣла ривсь, рекъмый король Угорьскій, *в силъ тяжьшъ*... Данилови же молящуся Богу, *избави и Богъ отъ руки силныхъ* ⁴⁾». Романъ утвердился въ Галичѣ вслѣдствіе того, что одни изъ его сосѣдей боялись его, а другіе были съ нимъ въ союзѣ. Подобныя же обстоятельства доставили торжество и Даниилу. Сила галицкихъ бояръ была ему страшна въ то время, когда они получали поддержку извнѣ; равнымъ образомъ внѣшніе враги Даниила по Галичу не были для него опасны безъ боярской поддержки. Послѣ татарскаго нашествія бояре ни откуда не встрѣчали энергическаго вспомошествованія. Черниговскія волости Ростислава были опустошены; Венгрія — также; притомъ послѣдняя втянулась въ войну за австрійское герцогство ⁵⁾. Уменьшилось число самихъ крамольниковъ ⁶⁾.

1) Сынъ Лешка Бѣлаго, вмѣстѣ съ своею матерью, находился въ непріязненныхъ отношеніяхъ къ Даниилу, потому что послѣдній пребывалъ въ дружбѣ съ врагомъ его Конрадомъ Мазовецкимъ (Ип., 531 и 532).

2) Конрадъ вообще держалъ сторону Даниила [Ип. 507 и 532—534; неизвѣстно, какіе Ляхи помогали Васильку въ 1234 г. по Ип. сп.: стр. 516], но помогалъ и Михаилу, которому приходился дядею, будучи женатымъ на русской княжнѣ Агафіи; на это родство указываетъ и наша лѣтопись (Ип., 521); Михаилъ и Ростиславъ нѣсколько разъ находили у него пристанище (Ип., 521).

3) По Ипатскому списку она началась въ 1229 г., послѣ помощи Даниила Конраду, *»времени минушу*», когда Василько отправился въ Суздаль на свадьбу своего шурина (Ип., 505); Всеволодъ же Юрьевичъ, по свидѣтельству мѣстной лѣтописи (П. с. р. л., I, 193), женился 14-го апрѣля 1230 г.

4) Ип., 507.

5) И изъ выраженій лѣтописи можно замѣтить, что Венгры охладѣли къ мысли подчинить себѣ Галичъ. Они помогали Ростиславу только по его просьбамъ. Ростиславъ же *умоливъ* Угорь много, *просися* у тѣстя, да выидеть на Перемышль» (Ип., 529). *»Ростиславъ молися* тѣстеви своему королеви, да пошлетъ ему вои на Данила...» (Ип., 531).

6) *»Ростиславъ собра князѣ Болеховьскыи и останокъ Галичанъ, приде ко Бакотѣ*». Ип., 526.

И вотъ Даниль начинаетъ поступать рѣшительнѣе съ боярами: «Доброславу же и Григорю обоемъ ловящимъ на ся, слышавъ же Даниль рѣчи ихъ, яко полны суть лести, и не хотятъ по воли его ходити, и власть его иному предати, сомыслив(ъ) же со братомъ, понужи же видя безаконие ихъ, и повелѣ его (въ Хлѣбн. и Погод.: я) изоимати¹⁾». Ярославская битва (въ 1245 г.)²⁾ окончательнѣе утвердила Данила на Галицкомъ столѣ. Замѣчательно, что въ галицко-волынской лѣтописи, на сторонѣ Ростислава въ эту послѣднюю его попытку, указывается одинъ Володиславъ, и изъ русскихъ бояръ его одного лѣтопись называетъ убитымъ по приказанію Данила³⁾. Была еще одна попытка отнять у Данила Галичъ—около 1254 года, но она была предпринята не по вою бояръ, а по старой памяти—въ надеждѣ найти въ Галичѣ пособниковъ противъ Данила, и подавленіе ея не стоило послѣднему большаго труда⁴⁾.

Побѣда Данила надъ галицкимъ боярствомъ была весьма важна: для Галича—въ томъ отношеніи, что онъ не подпалъ чужеземной власти

¹⁾ Ип., 525—526.

²⁾ Ипатскій списокъ, по своему обыкновенію, относитъ ее невѣрно къ 1249 г.; невѣрность эту замѣтилъ еще С. М. Соловьевъ (III, пр. 322); въ сожалѣнію, писавшіе послѣ него изслѣдователи не обратили на это вниманія. По разсказу лѣтописи, эта битва случилась незадолго до путешествія Данила въ орду; путешествіе же это совершилось въ концѣ 1245 и началѣ 1246 г. (см. ниже, въ III-й гл.). Въ 1246 г. Даниль, повидимому, помогалъ уже Венгерскому королю; примирившись съ нимъ. Въ *Chronicon Salisburgense* подъ этимъ годомъ говорится слѣд.: «Rex Ungariae collecta magna multitudine pugnatorum, simulque Bruscie et Ruscie regibus, confinia Austrie invasit» (Pertz, *Monumenta Germaniae historica*, IX, p. 789); что замѣчательно, подобное же извѣстіе находимъ подъ тѣмъ же годомъ въ Густынской лѣтописи: «Белъ, король Угорскій, имѣя рать со Фридрихомъ Ракусскимъ княземъ, призва себѣ Данила въ помощь; Данило же прійде со Рускими и Татарскими полки, крѣпко бѣяшеса со Нѣмци, донелѣ же побѣди ихъ и Фридриха уби (П. с. р. л., II, 341). Не разумѣется ли здѣсь подъ русскимъ царемъ Ростиславъ Михайловичъ, получившій удѣлъ въ Венгріи послѣ Ярославской битвы?

³⁾ Ип., 534. Лѣтопись говоритъ еще о взятіи многихъ «отъ всѣхъ», т. е. сельчанъ. Густынская лѣтопись, напротивъ, говоритъ: (Даниль) «потре его (Ростислава) воя, идѣже многихъ бояръ Галицкихъ непріязненныхъ Данилу тамо побиа, а другихъ живыхъ яща, но едяваче тыхъ всѣхъ повелѣ Даниль побити» (П. с. р. л., II, 340).

⁴⁾ Ип., 550.

и не сдѣлался добычею Венгровъ, короли которыхъ и послѣ Ярославской битвы титуловались »reges Galliciae Lodomeriacque¹⁾»; для южной Руси вообще это событіе было весьма благодѣтельно потому, что, съ выходомъ изъ ея системы Галича, она сдѣлалась бы весьма слабою.

Помимо этого, нельзя не сочувствовать Даниилу въ его борьбѣ съ боярствомъ. Оно крайне несимпатично. Выше всего ставило оно свой произволъ и самовластіе. Неуваженіе въ личности оно распространяло и на особу князя, которому не стѣснялось заливать лицо чашкою. Народъ, по мнѣнію бояръ, долженъ былъ быть покорнымъ, орудіемъ ихъ власти и источникомъ, изъ котораго они могли бы почерпнуть богатства. Н. И. Костомаровъ такъ говоритъ о преобладаніи боярства въ галицкой землѣ: »Здѣсь уже прорывались начала того панства, которое подъ польскимъ владычествомъ охватило страну и, противопоставивъ себя массѣ народа, вызвало наконецъ ее въ лицѣ козаковъ²⁾«. Въмѣстѣ съ галицкимъ боярствомъ пала и единственная въ древнѣйшей нашей исторіи попытка образовать аристократію въ западномъ смыслѣ слова,—аристократію, какъ полную владычицу массы вслѣдствіе правъ, передаваемыхъ по наследству. Эта попытка была близка къ осуществленію и не удалась потому, что въ Галичѣ дѣною крайне энергическаго напряженія успѣлъ восторжествовать и вновь утвердиться строй остальной Руси; г. Смирновъ приписываетъ эту неудачу отсутствію единодушія въ дѣйствіяхъ галицкаго боярства³⁾, но мы показали уже, какъ неосновательно это мнѣніе: боярство ни въ чемъ не повредило своему дѣлу.

1) См. стр. 26 ст. Сума: »Историческое разсужденіе о Галиціи и Лодоміріи«, помѣщ. въ »Чт. въ И. Общ. ист. и др. р.« 1847, № 5. Впрочемъ, Бела IV не отказывалъ Даниилу въ титулѣ короля. См. выше цит. письмо перваго: »Imago novae Hungariae a S. Timon, Viennae Austriae MDCCCLIV«, р. 80. Впервые Венгерскіе короли употребили этотъ титулъ въ извѣстныхъ намъ актахъ въ 1124 г. (Fejer, Codex diplom. Hungariae, II, стр. 67). Г. Бѣльевскій относитъ это къ Галичу Словацкой Руси (у Мадьяръ-Гачу), находящемуся надъ р. Тугрою (въ особ. ст. »królestwo Galicyi« и въ »Monumenta Pol. Hist.« Lwów. T. I, str. 514—515, прим. 57—58). Опроверженіе этого см. въ ст. А. С. Петрушевича: »Было ли два Галичи, княжескіе города, одинъ въ Угорско-словацкой области, а другій по сю сторону карпатъ надъ Днѣстромъ, или нѣтъ?« помѣщ. въ »Науков. Сборн., изд. литер. общ. Галицко-Русской Матицы« 1865, вып. I.

2) »Ист. мон. изсл.«, т. I, 242.

3) »Судьбы Черв. или Гал. Руси«, 32.

Рядомъ съ борьбою за Галичъ происходило присоединеніе къ Даниловымъ владѣніямъ и нѣкоторыхъ не отчинныхъ его земель. Въ первую половину своего княженія Даниилъ былъ далекъ отъ стремленія къ полному преобладанію въ югозападной Руси и отвратію удѣловъ у родственниковъ и вообще не имѣлъ сильнаго желанія сдѣлать возможно большею свою территорію. Получивши однажды въ Русской (т. е. кievской) землѣ г. Торцькій, Даниилъ отдалъ его дѣтямъ Мстислава Удалаго ¹⁾. Въ другой разъ, кромѣ Кіева, онъ готовъ былъ разстаться съ Луцкомъ ²⁾. Если нѣкоторые князья лишились своихъ владѣній, то были виноваты въ томъ сами. Такииъ былъ постоянно крaмольничавшій противъ Даниила Александръ Белзскій. Даниилъ нѣсколько разъ прощаль ему и отдавалъ ему его Белзъ и Червень ³⁾, но, наконецъ, вышелъ вѣроятно, изъ терпѣнія. Съ 1234 г., когда Александръ былъ пойманъ Данииломъ во время бѣгства въ Кіевъ, лѣтопись болѣе не упоминаетъ о немъ, а Белзъ и Червень мы видимъ послѣ того во власти Даниила ⁴⁾.

Утвердившись послѣ многолѣтней борьбы въ наследственномъ галицко-волынскомъ удѣлѣ, Даниилъ не остановился. Подъ вліяніемъ обстоятельствъ, главнымъ образомъ вѣроятно, подъ вліяніемъ татаръ, въ его головѣ созрѣла новая идея. Онъ началъ понимать, что старый порядокъ вещей былъ вреденъ для югозападной Руси и могъ привести ее къ потерѣ самобытности; ей нужно было быть посильнѣе, а это могло статься только при сосредоточеніи ее въ рукахъ возможно меньшаго количества лицъ и при подчиненіи одному роду всѣхъ другихъ. И Даниилъ началъ стремиться къ поборенію себѣ и своему брату всей югозападной Руси. Потому-то онъ былъ такъ недоволенъ на Волоховскихъ князей за то, что они подчинялись татарамъ: «Даниилъ же на нѣ большую вражду (держа), яко отъ татаръ болшую надежду имѣаху ⁵⁾»; по его мысли, они должны были применить къ тому большому политическому союзу, который онъ готовился создать изъ всей югозападной Руси. О подобныхъ его замыслахъ извѣщаетъ также одна папская булла,

¹⁾ Ип., 511. Торцькій былъ уступленъ Даниилу Владиміромъ Рюраковичемъ.

²⁾ Ип., 521.

³⁾ Ibid., 494; 498, 510, 513.

⁴⁾ Ibid., 557 и 516.

⁵⁾ Ип., 526—527.

въ которой Данилу и Васильу разрѣшалось, *согласно ихъ просьбѣ*, подчинять себѣ владѣнія и земли другихъ князей, не признававшихъ церковнымъ главою Римскаго первосвященника ¹⁾.

Даниль желалъ распространить свою власть на сѣверѣ до собственно-литовскихъ границъ, а на востокѣ—до Днѣпра ²⁾.

Неудачный исходъ его попытокъ овладѣть западною частію русскихъ земель, прилегавшихъ къ сѣвернымъ окраинамъ его княжества, мы увидимъ, когда будемъ говорить о борьбѣ его съ Литвою. Нѣсколько иной конецъ имѣли его притязанія на находившіяся къ востоку отъ Черной Руси Пинскія княжества. Передъ тѣмъ Пинскіе князья покушались отхватить часть лежавшихъ по сосѣдству съ ихъ территорією земель югозападной Руси. Оттуда ихъ борьба съ Луцкими и Пересопницкими князьями ³⁾, а потомъ съ Даниломъ, противъ котораго они возбудили однажды цѣлую коалицію, не имѣвшую, впрочемъ, успѣха ⁴⁾. Окончилось тѣмъ, что они подпали вліянію Данила ⁵⁾, отъ котораго старались освободиться, но напрасно ⁶⁾. Они сохраняли однакожъ значительную долю самостоятельности.

¹⁾ Н. R. M., I, № LXVII: *»vestris justis precibus inclinati, recuperandi possessiones, terras, et alia bona ad vos hereditario, vel alio jure spectantia, quę alii Reges, qui in Ecclesie devotione non permanent, contra justitiam detinent, et injurias seculari potentia propulsandi liberam vobis concedimus auctoritate predicta facultatem«. Сл. № LXXIV: *»...familia, possessiones, et alia omnia bona vestra tam mobilia quam immobilia quę in presentiarum rationabiliter possidetis, aut in futurum justis modis prestante Domino poteritis adipisci sub B. Petri et nostra protectione suscipimus«....**

²⁾ Доказательствомъ послѣдняго могутъ служить слова Миндовскаго: *»пришлю къ тебѣ Романа и Новгородца, абы пошелъ къ Возвыгю, оттуда и къ Киеву«* (Ип., 555).

³⁾ Ип., 482: *»тогда же яша Володимера Пиньскаго, бѣ бо Индгаръ с Ляхы и Мьстиславъ«.*

⁴⁾ Ип., 502—503.

⁵⁾ Уже около 1229 г. одного изъ нихъ мы видимъ какъ-бы на службѣ у Данила: *»...остависта же в Берестии Володимера Пиньскаго, и Угровчаны и Берестьяны, стеречи землѣ отъ Ятьвязъ«* (Ип., 503). Даниль и Васильо ѣздили въ Пинскъ, какъ въ свой собственный городъ (Ип., 530).

⁶⁾ Ип., 530 (подъ 1247): *»во Пиньски Мпханль даль бѣ Лутвѣ вѣсть«, что идетъ Даниль. Ип., 543: *»Данило же поиде с братомъ Василкомъ и со сывомъ Лвомъ, и с Полювца, со святомъ своимъ Тьгакомъ, и приде къ Пиньску; князи же Пиньсции имѣяху леть, и поидѣ со собою неволею на войну«.**

Точно также и на востокъ, рядомъ съ удачею, Даниїла постигла неудача. Тутъ мы замѣчаемъ такое же стремленіе къ самостоятельности, какое видѣли въ Пинскихъ князьяхъ, но оно заслуживаетъ гораздо большаго вниманія. Жители земель, прилегавшихъ къ восточнымъ окраинамъ Даниїловыхъ владѣній и простиравшихся до Дѣбпра, не имѣютъ и не желаютъ имѣть князей—Рюризовичей, а предпочитаютъ подчиняться прямо татарамъ, подъ владычествомъ которыхъ они могли вести чисто общинную жизнь, и вступаютъ для охраны себя въ союзы. Таковы были жители Бѣлоберѣжья ¹⁾, Возвягла ²⁾, Чарнятинцы ³⁾, жи-

1) Мнѣнія о мѣстѣ Бѣлоберѣжья см. на стр. 20-й книги Н. П. Барсова. Мы согласны съ предположеніемъ М. П. Погодина, что подъ древнимъ Бѣлоберѣжьемъ нужно разумѣть теперешнее м. Бѣлоберѣжье Дубенскаго у. Вол. губ. Мы не видимъ, чтобы это какъ-нибудь противорѣчило лѣтописи, что утверждаетъ г. Барсовъ. Лѣтопись того не говоритъ, что Бѣлоберѣжье находилось возлѣ самой Случи. Вотъ ея слова: Даниїловъ воевода »стрѣте рать во Бѣлоберѣжьи, и бившимся имъ о рѣку Случь, и гониша до рѣки Деревное, изъ лѣса Чертова«. Кого гонили, спрашивается?—отрядъ Даниїла; это видно изъ словъ его самого: »идуть наю« и изъ того, что, когда Даниїлъ пошелъ на Венгровъ, они »увѣдавше *возвратившася* къ Галичу« (Ип., 511); это ясно и изъ направленія, въ которомъ удалялись преслѣдуемые: они отступали на востокъ, потому что Чертовъ лѣсъ находился къ востоку отъ Случи (Ип., 285). Понятно послѣ этого, что Бѣлоберѣжье *могло находиться* къ западу отъ Случи; противники встрѣтились въ немъ, Даниїловъ Владиславъ отступилъ тотчасъ къ Случи, тутъ завязалась битва, Владиславъ перешелъ Случь обратно и уходилъ на востокъ.—Въ лѣтописяхъ встрѣчается еще Дѣбпровское Бѣлоберѣжье (П. с. р. л., I, 22 и 31). Бѣлоберѣжьемъ же называются берега Луги въ предмѣстїи Владиміра Вол.

2) Простонародье и теперь называетъ Новоградволинскъ Звяглемъ.

3) Чарнятинцовъ есть нѣсколько. Изъ извѣстныхъ намъ одинъ находится въ Заславскомъ у. Вол. губ., на р. Икопоти, въ 10 в. отъ Староконстантинова; другой (»Б. Чернятинъ«) и третій (просто »Чернятинъ«)—въблизи Самгородки въ Бердичевскомъ у. Кіевской губ.; затѣмъ: невдалекѣ отъ Староконстантинова есть »Чернятинокъ« и »Б. Чернятина«; невдалекѣ отъ Уланова въ Под. губ.—»Чернятинцы«; на р. Ровѣ въ той-же губ.—»Чернятинъ«. Мы не можемъ сказать, которое изъ этихъ поселеній древнѣе; намъ извѣстно только о Чернятинѣ Заславскаго у., что онъ существовалъ уже въ XVI в. (см. 6-й № »Вол. Губ. Вѣд.« 1868). Значительное количество сель съ этимъ именемъ не свидѣтельствуютъ ли объ обширности территории лѣтописныхъ »Чернятинцовъ«?

тели Сѣмоча ¹⁾, городовъ по Тетереву, Городка ²⁾, Межибожья и вообще всего Побожья и Приднѣпровья ³⁾. Понятно, что Даниилъ, обнаруживъ желаніе подчинить ихъ своей власти, долженъ былъ встрѣтить отъ нихъ сопротивленіе, какъ и отъ извѣстныхъ уже намъ Болоховскихъ князей. Конечно, оно бы ихъ не спасло, при значительности силъ Даниила въ сравненіи съ ихъ силами. Возвзгляне сначала смѣялись, когда увидѣли, что у Шварна только 500 человекъ. «Наутрѣ же приде Даниилъ со многомъ множествомъ полкомъ, со братомъ си и со сыномъ Львомъ; видивыше же гражданъ, и ужась бысть в нихъ, и не стерѣвша я вдашася ⁴⁾». Оттого-то поддались Даниилу между 1254 и 1258 гг. и остальные противившіеся ему: Бѣлобережцы, Чарнятинцы, жители притетеревскихъ городовъ, Побожья и даже столько разъ крамольничавшіе Болоховцы ⁵⁾. Но, къ несчастію, онъ долженъ былъ остановиться на этомъ, потому что татары не позволили двинуться далѣе. Послѣ Батыева нашествія Даниилъ не владѣлъ уже Кіевомъ, который, съ удаленіемъ изъ него Михаила, былъ отданъ татарами суздальскимъ князьямъ ⁶⁾.

¹⁾ Сѣмочъ, по словамъ Н. П. Барсова (стр. 194, 184, 164),—сел. Симаки, находящееся въ Заславскомъ у., къ сѣверовостоку отъ м. Полоняго Новоградвол. у.; на картѣ «Семаки» лежатъ къ сѣверозападу отъ этого мѣстечка. Тоже названіе носятъ еще два селенія: «Симаки» въ Подольской губ., недалеко отъ Хмѣльника, и «Семаки» въ Жит. уѣздѣ, къ сѣверу отъ Бердичева.

²⁾ По мнѣнію Н. П. Барсова, едвали, впрочемъ, вѣрному, это—Райгородовъ, мѣст. Вол. губ., Жит. у., на дорогѣ изъ Бердичева въ Хмѣльникъ.

³⁾ О послѣднихъ находимъ извѣстіе у Плато-Карпини. По его словамъ («Собраніе путешествій къ Татарамъ», Сиб. 1825, стр. 10), Каневъ (villa Canova) зависѣлъ непосредственно отъ татаръ, равно какъ и другое какое-то селеніе (Плато-Карпини его не называетъ); они были управляемы начальниками, которые у Плато-Карпини названы praefecti.

⁴⁾ Ип., 556.

⁵⁾ Ibid., 555.

⁶⁾ По словамъ Никоновской лѣтописи (III, 8), Батый, послѣ взятія Кіева, оставилъ въ немъ своего воеводу; это извѣстіе, вѣроятно, также несправедливо, какъ и то (ibid., 9), что онъ посадилъ своихъ воеводъ по другимъ городамъ югозападной Руси. По крайней мѣрѣ, послѣ татарскаго нашествія Михаилъ Черниговскій возвратился къ Кіеву и, повидимому, владѣлъ имъ, потому что, по словамъ галицко-вол. лѣт. (Ип., 524), онъ жилъ подъ нимъ на островѣ. Ближе къ истинѣ сказаніе Воскресенской лѣтоп. (II. с. р. л., VII, 153): въ моментъ на-

Такимъ образомъ, дѣло Романа не было вполне восстановлено Даниломъ, хотя послѣдній и называлъ себя, по словамъ Стрыйковскаго ¹⁾, государемъ всей Руси; господство ливъ Романовичей во всей юго-западной Руси и единеніе послѣдней дѣлились одинъ только, такъ сказать, моментъ (передъ татарскимъ нашествіемъ). Къ тому именно времени относится сказанное въ Ипатскомъ спискѣ о Данилѣ подь 1250

паденія татаръ «нии затворишася во градѣхъ: то тѣ со слезами и покааніемъ Богу моляшуся, ти тако отъ поганыхъ немилостиво избіены быша, а иже кряхуся въ пещерахъ, и въ горахъ и въ лѣсахъ, мало тѣхъ остася тѣхъ же не по колицѣхъ временехъ оставиша во градѣ, сочташа а въ число, и нача на нихъ дань имати... Жизнь въ разоренномъ Кіевѣ не могла показаться пріятною Михаилу, и онъ много плакавъ и слезы испустивъ, иде въ Черниговъ на великое княженіе» (Ник. III, 20). Это случилось, вѣроятно, вскорѣ послѣ его прибытія въ Кіевъ. Въ 1246 г. (доказательство этой даты см. ниже, въ III гл.) въ Кіевѣ сидѣлъ подь татарскимъ надзоромъ намѣстникъ Ярослава Всеволодовича (Всеволодовичемъ называется Ярослава и Густынская лѣтопись: П. с. р. л., II, 341) Дмитро Еиковичъ (Ип., 535), и его-то, вѣроятно, исказивши его имя, Плато-Карпиня называетъ Монгротомъ (стр. 214 «Собр. пут. къ тат.», гдѣ говорится, что Монгротъ «avec tous les siens au pais de Corrensa»); Кіевъ достался Ярославу, думаемъ, въ 1243 г., когда онъ былъ утвержденъ Батыемъ въ старѣйшинствѣ [Ник. III, 18; Густ. лѣт., описывая путешествіе въ орду Михаила Черниговскаго, называетъ его также «Кіевскимъ» П. с. р. л., II, 342]. И. И. Шараневичъ предполагаетъ, что упоминаемый галицко-вол. лѣт. Ярославовъ намѣстникъ былъ посаженъ не Ярославомъ Суздальскимъ, а Ярославомъ Ингваревичемъ («Исторія», 92—93, 104, 120); но, еслибы Кіевъ принадлежалъ Ярославу Ингваревичу, то онъ самъ бы въ немъ сидѣлъ: Ярославъ Ингвар. принадлежалъ къ числу второстепенныхъ князей и не имѣлъ хорошаго удѣла; притомъ въ нашу пользу говорить слѣдующее извѣстіе. Въ 1249 г. Батый отдалъ Кіевъ и всю русскую землю Александру Невскому, а Владиміръ на Клязьмѣ его брату [Ник. III, 31. Татищ. (IV, 22) прибавляетъ: «по завѣту отца ихъ». Соображенія о послѣдней фразѣ см. въ «Исторіи» С. М. Соловьева III, 191—192 (по изд. 1862)]. Александръ хотѣлъ было отправиться въ свое новое княжество, но новгородцы отсовѣтовали ему (Тат., IV, 22). Затѣмъ до конца XIII стол. извѣстія о Кіевѣ крайне скудны. Говоря подь 1263 г. о смерти Александра Невскаго, Густынская лѣтопись называетъ его, между прочимъ, кіевскимъ княземъ (П. с. р. л., II, 343), а подь 1271 г. она такъ называетъ Ярослава Ярославича (ibid., 344). Потомъ Кіевъ нѣсколько разъ упоминается только какъ резиденція митрополитовъ (см., напр., Ник., III, 58).

¹⁾ I, 286.

т., что онъ «былъ великъ, обладалъ Рускою землею, Быевомъ и Володимеромъ и Галичемъ, со братомъ си няѣми странами ¹⁾». Романовичи принуждены были довольствоваться Галичемъ и Воынью, какъ главными своими владѣніями. Къ этому основному ядру притягивались и вокругъ него группировались по сѣвернымъ и восточнымъ окраинамъ и другія земли, но вообще внѣ этихъ двухъ составныхъ частей границы нерѣдко мѣнялись.

Оставались неизмѣнными только югозападные и западные рубежи.

Здѣсь при Даниилѣ Русь соприкасалась съ Венгрією и Польшею, какъ и прежде, въ слѣдующихъ пунктахъ.

Съ Венгрією она граничила на всемъ протяженіи по Карпатскимъ горамъ ²⁾, которыя назывались или просто *Гором* ³⁾, или горами *Угорскими* ⁴⁾, или горами *Кавкасийскими* ⁵⁾; въкоторыя ихъ части носили отдѣльныя названія; такъ, для одной изъ нихъ находимъ прозвище *Борсуковъ дѣль* ⁶⁾. Русскія поселенія находились въ самыхъ горахъ ⁷⁾.

¹⁾ Ип., 536. И. И. Шараневичъ думаетъ, что Даниилъ владѣлъ всѣми этими землями и во время путешествія въ орду; но въ лѣтописи говорится о прошедшемъ времени: «Данилови Романовичю князю *бышу* велику, *обладавшу* (а не «обладающе») Рускою землею... странами: *ныи* сѣдять на колѣну и холопомъ называется... Ип., 536.

²⁾ Слова Богуфала (Соммерсбергъ, II, 27): «*Cui [i. e. Boleslao] Salomon, Rex Hungarorum, cum suo exercitu in montanis Russie et Hungarie ad suum Regnum volens prohibere ingressum, occurrit*»; Болеславъ шель изъ Россіи.

³⁾ Ип., 282, 300, 373, 495, 518.

⁴⁾ П. с. р. л., I, 2, 10—вар. V, 60. Ип., 499, 507.

⁵⁾ П. с. р. л. I, 2; Ип., 499. Интересныя соображенія объ этомъ названіи см. въ «*Kritische Blicke in die Geschichte der Karpaten Völker in Alterthum und im Mittelalter von Dr. Isidor Szaraniewicz*» (Lemberg, 1871).

⁶⁾ Ип., 518; теперь — *Borszek*: М. П. Погодина «Исслѣд.», IV, 206. Дѣль — раздѣль; см. 13-ю стр. книги Н. П. Барсова.

⁷⁾ Позднѣйшее извѣстіе называетъ слѣдующіе города въ Карпатскихъ горахъ: Корочюновъ камень, Сочаву, Сереть, Баню, Нечюнь (П. с. р. л. VII, 240).—Влизъ источниковъ Прута, недалеко отъ Черной горы, читаемъ урочище, называемое Городкомъ и т. п. «Исслѣдованіе на поли Отечественной географіи и исторіи Д-ра Исидора Шараневича». Львовъ, 1869. Стр. 80 --Здѣсь едвали слѣдуетъ пользоваться выраженіемъ «Сл. о п. Иг.» объ Ярославѣ Осмомыслѣ: «подперъ горы Угорскыи своими желѣзными плъки»; по смыслу этой фразы, русскіе не проникали въ горы.

Въ горныхъ ущельяхъ нерѣдко основывались монастыри; туда по преимуществу стремились благочестивые люди, потому что могли тамъ наслаждаться уединеніемъ болѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ. Намъ извѣстно три такихъ монастыря: Лелесовъ ¹⁾, Синеводскій ²⁾ и Половинскій ³⁾. Горы были покрыты большими лѣсами ⁴⁾. Было немало проходовъ ⁵⁾.

У истоковъ Роля въ Карпатскихъ горахъ начиналась граница Руси съ Польшею. Здѣсь она была съ древнѣйшихъ временъ ⁶⁾; тутъ же, по не подлежащему никакому сомнѣнію историческому свидѣтельству, она находилась и нѣсколько позже Данила ⁷⁾; не можемъ не думать, что

1) Ип., 487. Лелуховъ? см. «Изслѣд.» Шараневича, стр. 72.

2) Ип., 523. Синоводскъ—при впаденіи р. Опора въ Стрый. «Изслѣд.» Шараневича, 72. Сл. «Гал. ист. сборникъ», вып. I (Львовъ, 1854), стр. 82—83, прим. 24.

3) Половиннами и теперь наз. часть горнаго Карпатскаго хребта въ Галичинѣ. О монастыряхъ въ горахъ и вообще о слѣдахъ поселеній см. въ «Изслѣд.» Шараневича, 72—73.

4) Швандтнера «Scriptores rerum Hungaricarum», I. M. Rogerius de destruct. Hung. per Tartaros, cap. XX: «Rex Cajan - - per silvas iter trium dierum habens, pervenit ad divitem Rodanum... Анонимъ нотарій Бельи (ibid), писавшій въ XIII стол. о проходѣ Венгровъ въ Паннонію чрезъ Владимірскую и Галицкую землю на основаніи современнаго ему положенія послѣднихъ странъ (такъ смотрять на его сказаніе всѣ почти ученые) упоминаеть о *silva Novos*, находившемся въ горахъ съ русской стороны; для того, чтобы Венгры могли пройти чрезъ этотъ лѣсъ, Галицкій князь «*duo millia sagittariorum et tria millia rusticorum anteire prescripit, qui eis - - viam praepararent.*»

5) О нихъ см. «Изслѣд.» Шараневича, 72—73, гдѣ указано ихъ до шести. Важнѣйшіе проходы были укрѣплены какъ съ русской стороны, такъ и съ венгерской (ibid., 75—77, 49).

6) Съ начала XI стол. См. Anonymi gesta Hungarorum. Сл. поддержку изъ Vita S. Stephani въ «Geschichte Polens von Dr. Richard Roepell», I-ter Th. (Hamburg, 1840), V-te Beilage, S. 653; сл. также стр. XXII—XXIII прим. въ I-му т. соч. Казимира Стадницкаго «Synowie Gedymina» (Lwów, 1849). Тутъ-то, вѣроятно, сошдѣилъ Владиміръ Св. съ Чехами. О немъ говорится: «и бѣ жива съ князи околними миромъ, съ Болеславомъ Лядьскимъ, и съ Стефаномъ Угрьскимъ, и съ Андрихомъ Чешьскимъ, и бѣ миръ межю ими и любы» (П. с. р. л., I, 54). Границы Чехіи въ самое цвѣтущее ея время доходили до Татаръ. Molim. Pol. hist., I, str. 856.

7) При его сынѣ Львѣ. Длугошь говоритъ (lib. I, col. 35): «*Bieszczad, mons prope castrum Sobiense terras Polonicales u Pannonicis disterminans. In illius enim vertice situatus est lapis Ruthenicis inscriptus*

она имѣла тамъ мѣсто и въ самое цвѣтущее время югозападной Руси, т. е. при Даниилѣ. Нѣкоторыя названія тамошнихъ мѣстностей также наводятъ на то, что тамъ была постоянно граница ¹⁾. При Даниилѣ упоминается въ тѣхъ краяхъ г. Теличъ ²⁾, но безъ прямого обозначенія, кому онъ принадлежалъ ³⁾; по нашему мнѣнiю, болѣе основанiй предполагать, что онъ составлялъ достоянiе русскихъ. Тамъ же былъ, кажется, только нѣсколько южняѣ, Лелесовъ монастырь ⁴⁾. И въ настоящее время въ тѣхъ мѣстностяхъ живетъ русское племя ⁵⁾, искони населявшее тѣ страны ⁶⁾. Передовыя поселенiя его на западѣ доходятъ даже до р. Дунайца ⁷⁾ и отстоятъ въ 10 всего миляхъ отъ Кракова ⁸⁾;

litteris, et à Leone quondam duce *Russiae* locatus limites *Regnorum Poloniae et Hungariae* demonstrans. Названiе Бескидъ прилагается въ Карпатскихъ горахъ ко многимъ мѣстностямъ. См. »Изслѣд.« Шараневича, 7, прим. 4. Здѣсь же Длугошъ разумѣлъ Бескидъ указаннаго нами выше мѣста. Мы находимъ »Sobniow« ниже »Jaslo« (см карту, прилож. къ »Изсл.« Шараневича). Подобныя названiя въ др. мѣстностяхъ см. у И. И. Шараневича на стр. 91 (онъ, впрочемъ, ищетъ »castrum Sobienae« Длугоша на основанiи словъ послѣдняго, слѣдующихъ непосредственно за приведеннымъ мѣстомъ, у источниковъ Сяна и Днѣстра; см. стр. 82; у Длугоша говорятъ вотъ что: »Ex hoc monte (i. e. Bieszczad, et ad ejus verticem hi fluvii insignes et memorabiles, orti consurgunt, videlicet *Dniestr, San, Styr, et Cizza*, et in subiectas regiones, videlicet *Poloniam, Russiam et Pannoniam*, diverso itinere ex ipsa montis summitate decurrentes franguntur.«). На западъ отъ Ретну находимъ Przyskup (Шараневича »Изслѣд.«, 90).

¹⁾ »Изслѣд.« Шараневича, 90.

²⁾ Теперь—Тыличъ, село въ Сандецкихъ горахъ. »Исторiя« Шараневича, 102, прим. 59.

³⁾ Ип., 566.

⁴⁾ См. »Изслѣд.« Шараневича, 72. Если такъ, то возлѣ Телича пролегаль одинъ изъ самыхъ употребительныхъ въ то время путей изъ Руси въ Венгрю: въ 1213 г. возлѣ Лелесова монастыря проходитъ венгерскiй король (Ип., 487); въ 1240 г. тою дорогою шель въ Польшу Даниилъ (Ип., 523), а въ 1260-хъ годахъ мы видимъ его на томъ пути отправляющимся въ Венгрю (Ип., 566). По словамъ Анон. Нотарiя, тою дорогою шли Венгры.

⁵⁾ »Gränzen zwischen der russinischen und polnischen Nation in Galizien. Von D. Zubrzycki. Lemberg, 1849«, S. 23—24.

⁶⁾ Ibid., 26—39.

⁷⁾ Ibid., 23. См. также ст. »Русины-Лемки« въ »Зорѣ Галицкой« 1860.

⁸⁾ Ibid., 25. Герберштейнъ (»Записки о Московiи«, перев. Анонимова, Сиб. 1866, стр. 8) говоритъ: »Руссiя граничитъ съ сармат-

но отодвигать туда границы югозападной Руси при Даниилах мы не имѣемъ оснований и думаемъ вмѣстѣ съ Д. И. Зубрицкимъ¹⁾, что жители этихъ странъ спокойно признавали власть краковскихъ князей²⁾. Съ окончаніемъ р. Ропы, русская граница шла по лѣвую сторону Вислова³⁾, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ—по р. Вислобѣ⁴⁾. Отъ нижняго те-

скими горами недалеко отъ Кракова. Тамъ было и въ XVII в.; см. показаніе Красинскаго («Gränzen» 18, Anm. c). И при Мечиславѣ I (970—990) простиралась «Innes Russiae usq. in Cracoa»; ib., 21. Приведемъ еще слова Длугоша о Тынцѣ, весьма сюда подходящія: «Pulchrum patriae senodium et foris contra hostias insidias munimen, locus vetustus, et in qua etiam in prioribus aetatibus, propter eminentiam collis, nusquam arx deerat».

1) Ibid., 28. Безпристрастный польскій историкъ г. Стадницкій («Syn. Ged.», I, przyp 97, str. XXIII) говоритъ: «Po dziś dzień zaś osady rusko-polskie rozciągają się wzdłuż Karpat aż po nad rzekę Poprad, której przeciwne brzegi zajęte są przez ich pobratymców węgierskich Rusinów. Dopóki więc dowiedzionem nie będzie współczesnym dokumentami, że te osady rusko-polskie (sic) jeszcze przed zaborem Kazimierza wielkiego do Polski należały, przyjąć wypada, iż stanowiły część ziemi saporockiej, a przez to samo Rusi czerwonej, przez tegoż króla zawojowanej».

2) Не мѣшаетъ вспомнить при опредѣленіи русскихъ границъ въ тѣхъ мѣстахъ, что Володаръ былъ захваченъ въ плѣнъ, по словамъ Длугоша (lib. IV, col. 418) подѣ *Wissokie*, а Владиміро простиралъ свои набѣги «usque versus *Biecz*» (ibid., col. 423).

3) Дер. Роги, находящаяся въ разстояніи одной мили отъ Вислова, по лѣвую его сторону, и лежащая неподалеку отъ Кросно, въ грамотѣ Казимира В., выданной въ 1348 г., называется состоящею «in terra *Russiae*». «Gränzen», S. 6—7. См. тамъ же (S. 15) еще документъ 1434 г.—Длугошъ (ad a. 1126, col. 425) говоритъ о Владиміркѣ и Ростиславѣ Володаревичахъ: «...collecto autem qualicumque exercitu, illum (Duces soli ire parum ausi) ad vastandum Poloniam transmittunt. Qui et ipse ravoге percussus, *vix fines Poloniae attingens, aliquot villis circa *Wisłoka** (обращаемъ вниманіе на то, что упоминается не Вислобѣ, а Вислова) crematis, redit».

4) «Исслѣд.» Шараневича, 90, прим. 88: «Осады: *Slupiec* на полночь отъ *Pilzna* надѣ *Wosłowo*, *Slupice Wielki* i *Mały* коло *Dąbrowy*, *Slupia* коло *Lilapanowa*, *Slup* *Maziarna* коло *Nista* i *Jeżowa*, Столпы за разѣмъ за границею, все то въ тѣхъ сторонахъ Надвислянскихъ, где два словянскіи народы стикалися.—Польскіи историки, за исключеніемъ г. Стадницкаго, напротивъ, отодвигаютъ границы на востокъ. Не то мы видимъ въ польскихъ сочиненіяхъ прежнихъ вѣковъ, когда писали безъ задней мысли. Д. И. Зубрицкій приводитъ изъ нихъ нѣсколько такихъ мѣстъ. Прибавимъ отъ себя пропущенныя имъ слова Бѣльскаго, жившаго еще въ XVI в. (Зубрицкій выбралъ слова писателей XVII в.),

ченія послѣдней ¹⁾ граница тянулась, по всей вѣроятности, поперечною (отъ запада къ востоку) линією до р. Вислока ²⁾, можетъ быть,—до того мѣста, гдѣ при немъ находится *Ruska wieś* ³⁾, затѣмъ поднималась по Вислоку до впаденія его въ Сянь ⁴⁾. Русскія земли этихъ мѣстностей, расположенныя по плоской возвышенности, прилегавшей къ Карпатскимъ горамъ, носили названіе Горной страны и Подгорья ⁵⁾; также

который говорить о своихъ предкахъ: »na on czas będą w poszrodku nieprzyciocioł, w ciasnym mieyscu, jako w ogrodku zamkniemi, oganiali się w małym poczcie wielom nieprzyciocioł możnym, i zdobywali pod nimi wiele krajn żyznych, zwłaszcza Ruskich, Pruskich, y innych: bo na ten czas tylko samey Polski było od rzeki Odry aż do Wisłoka: od wschodu słońca Rusacy szeroko panowali, od zachodu Niemcy, na północy Mazowsze z Prusy...» *Zbiór pisarzow polskich, cz. IV. T. XI. Kronika Polska M. Bielskiego.* Warsz. 1829. Посвященіе Сигизмунду III, str. XIII. Здѣсь граница указывается все-таки ближе къ истинѣ, чѣмъ въ теперешнихъ сочиненіяхъ. Какъ вообще мала была польская территорія въ рассматриваемое нами время, видно изъ слѣдующихъ выраженій письма Краковскаго еп. Матея къ Бернарду Клервосскому (1143 или 1144 г.): »Gens illa Ruthenica multitudine innumerabili seu sideribus adaequata... Nec modo in Ruthenia, quae quasi est alter orbis...»

¹⁾ См. слѣдующія слова Д. И. Зубрицкаго: »...der Fluss Wisłoka, von seinen Quellen angefangen, wenn nicht bis zur Mündung in die Weichsel, so doch wenigstens bis zur Gegend der Stadt Brzostek die natürliche Gränze zwischen dem halizisch—russinischen Königreiche einerseits, und dem Herzogthume Krakau und Sandomir, oder dem später so genannten klein-Polen andererseits bildete. (Gränzen, S. 22).

²⁾ Въ грамотѣ 1354 г. Казиміръ В. даетъ Іоанну Пакославу *opidum Rzeschouiense cum suo toto districtu, in terra Russiae situm, secundum quod antiquitus per Serenissimos duces Russiae extitit limitatum* (изъ послѣдующихъ словъ видно, что эта земля была завоевана только Казиміромъ; именно) *quibus divina clemencia legitimus successor extitimus et eiusdem terre Russiae dominus principalis, cum omni jure et pleno dominio prout soli jus nacti sumus*.... См. также обозначеніе границъ даннаго участка въ той грамотѣ: *villa Dambrowa* (Г. Стадницкій въ »*Syn. Ged.*, I, przyр 97, str. XXII говорить: »według tych słów była to Dąbrowa dziś przyległość dóbr Wrzawa, nad ujściem Sany do Wisły w rzeszowskim obwodzie») называется принадлежащею къ Сандомирской землѣ; Лежайскъ былъ пограничнымъ русскимъ городомъ. Русскіе живутъ тамъ и теперь («Gränzen», S. 10—12).

³⁾ См. карту, приложенную къ »Исслѣдованію« Шараневича.

⁴⁾ Переворскъ, лежащій къ востоку отъ Вислока, подъ 1281 г. упоминается въ Ип. сп. (стр. 522), какъ принадлежащій Льву.—Также въ актахъ XV-го стол. онъ является городомъ русскаго воеводства.

⁵⁾ Ип., 525 и 516.

назывались смежныя польскія земли ¹⁾. Отъ впаденія Вислока въ Сянъ ²⁾ граница тянулась полями къ Вепрю мимо какихъ-то «Воротъ ³⁾», Щекарева, Сутѣйска ⁴⁾ и Тернава ⁵⁾ и на пѣвторомъ разстояніи пла по теченію этой рѣки ⁶⁾. Извѣстны изъ лѣтописи слѣдующія пограничныя мѣстности Руси съ этой стороны: Грабовецъ ⁷⁾, Орельскъ ⁸⁾, Грубешовъ ⁹⁾, Верещинъ ¹⁰⁾, Ухани ¹¹⁾, Комовъ ¹²⁾, Холмъ, Столпы, Угровескъ ¹³⁾,

1) Ип. подъ 1244 (стр. 529): «самъ Данило воєва... дворяскій же Ондрыѣ по Сяну, а Вышата воєва *Подгорье*».

2) Нижнее теченіе Сяна принадлежало Полякамъ: въ 1244 г. по Ипатскому списку (стр. 529) Даниловичи войска опустошали его побережья (см. пред. прим.).

3) Ип., 572.—Соображенія о мѣстѣ ихъ нахождения см. въ «Изм.» Шараневича (стр. 77); по всей вѣроятности, лѣтописныя «Ворота» нужно исвать на мѣстѣ нынѣшняго поселенія «Worotny».

4) Ип., 492 и 585.—По словамъ соч. «Starożytna polska» (przez M. Balińskiego i T. Lipińskiego, t. II, Warsz. 1845, str. 783), повѣреннымы у Д. И. Зубрицкаго («Исторія», III, стр. 78), Щекарева былъ вблизи нынѣшняго г. Красностава, надъ Вепремъ. Можетъ быть, онъ находился за Вепремъ. См. «Гал. ист. сборн.», II, 131.—О Сутѣйскѣ см. П. с. р. л., I, 103 и 115.

5) Ип., 567 и 571.—Тернавъ не теперешнее-ли мѣстечко Терно въ окрестностяхъ Белва? см. «Русскій ист. сб.», VII, 310. Сл. 196-ю стр. книги Барсова.

6) По словамъ Д. И. Зубрицкаго («Исторія», III, пр. 76), упоминаемая въ Ип. сп. подъ 1225 г. Лысая гора (стр. 498)—теперешній г. Тарногора надъ р. Вепремъ. Цѣлый рядъ Лысыхъ Горъ приведенъ Ходаковскимъ въ «Русск. ист. сборн.» VII, 237—238. У Длугоша читаемъ: «Łysa góra, mons altus civitati Leopoli imminens in terra Russiae, in quo arch est magna et regia, quae alta consuevit appellari, sita est.»—Вепрь названъ пограничною русскою рѣкою и въ сочиненіяхъ Старовольскаго и Целларія («Gränzen», S. 17 und 21). Опроверженіе мнѣнія о томъ, что во время Болеслава Храбраго границею между Польшею и Русью служила р. Бугъ, см. въ «Gesch. Pol.» Репелля (5-te Beilage, S. 651—652).

7) Ип., 572.

8) Ibid., 482.—Опредѣленіе положенія его см. въ «Изм.» М. П. Погодина (IV, 197).

9) Ип., 550.

10) Ibid., 483 и 490.

11) Ibid., 483.

12) Ibid., 483 и 490.

13) Ibid.—Бѣлый не принадлежалъ русскимъ (Ип., 529 и 571); не знаемъ, на какомъ основаніи Н. П. Барсовъ (стр. 21) считаетъ его русскимъ городомъ.

Владава 1). Полоса между Бугомъ и Вепремъ называлась Украинною 2). Впрочемъ, и за Вепремъ жило родственное намъ населеніе, исповѣдывавшее по мѣстамъ православіе, которое уцѣлѣло тамъ съ древнѣйшихъ временъ 3). Нѣкоторые, основываясь на польскихъ историкахъ, полагаютъ, что при Даниилѣ русскія владѣнія перешагнули за Вепрь, именно былъ взятъ Люблинъ, но это—басня 4). Въ одномъ мѣстѣ Русь граничила съ Краковскою областію возлѣ Лузова 5). Сѣвернѣе перечисленныхъ

1) Ип., 528.

2) Ibid., 490 и 586.

3) См. «Критико-истор. пов.» Д. И. Зубрицкаго, стр. 55—61 (прим. 35), и его же «Gränzen», S. 18—20, Anm. с. См. также «Наук. сборн., изд. лит. общ. Галицко-русской Матицы» 1865, вып. IV, стр. 269, тотъ же сборникъ за 1866 г., вып. III и IV [ст. А. С. Петрушевича: «Краткое извѣстіе о Холмской епархіи и святителяхъ ея»] и Холмскій мѣсяцесловъ 1866 [ст. архим. Амвросія: «Начало и распространеніе Христовой вѣры въ предѣлахъ нынѣшняго царства польскаго»]. Уважемъ тутъ читателю на то, что, когда Поляки вскорѣ послѣ смерти Даниила отправились воевать Холмскую землю, «не взяша ничто же, избѣгли бо ся бахуть в городъ, зане отъсть бяхуть подали имъ Ляхове украиняты» (Ип., 571).

4) Обстоятельный разборъ этого извѣстія желающіе могутъ найти въ сочиненіи г. Стадницкаго «Syn. Ged.», t. II (Dodatki, nota 13, str. 219—224). Съ своей стороны прибавимъ, что не только наша лѣтопись, но и польскіе анналы, упоминающіе подъ 1244 г. (въ нѣкоторыхъ это извѣстіе помѣщено подъ 1243) объ опустошеніи русскими Люблинской земли, не говорятъ о взятіи Люблина [Pertz, XIX, pp. 598, 634—635 (гдѣ вм. «Rutheni» поставлено «Prutheni»), 666]. Какъ же можно объяснить рассказъ Длугоша? Не передалъ ли онъ по своему слѣд. слова одной лѣтописи (Pertz, XIX, Annales s. Crucis Polonici, p. 681): «1243. Rutini per diversos insultus Lublin et totum territorium devastant et succendunt et castrum pro se edificare ceperunt (значитъ, не выстроили вполне, только ceperunt?) et turrim muratam fecerunt». Въ той же лѣтописи подъ 1253 г. читаемъ: «....Boleslaus dux Cracoviensis filius Leskonis condam (вѣр., quondam) ducis Cracoviensis post mortem Henrici patris sui ducatum ex integro obtinuit et Lublin a Rutinis rehabuit.... Люблинскій кастелянъ упоминается въ актахъ подъ 1252 г. Roepell's «Gesch. Polens», 527, Anm. 79. Стрыйковскій упоминаетъ о занятіи русскими Люблина подъ 1255 г. (I, 292). О времени дѣйствительнаго занятія Люблина, кромѣ г. Стадницкаго, говоритъ И. И. Шараневичъ («Исторія», 119 и 122; «Исслѣд.», 69). Въ XIV стол. Люблинъ въ теченіе долгаго времени былъ польскимъ пограничнымъ городомъ со стороны Литвы. Еще въ 1602 г. въ немъ была таможня для русскихъ.

5) См. папскія буллы о Лузовѣ въ «Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae, deprompta ab A. Theiner», t. I (Romae 1860), №№ СКІХ и

нами упоминаемыхъ въ лѣтописи пунктовъ Руси принадлежало с. Воипъ, находящееся недалеко отъ устья Тисменицы въ Вепрь ¹⁾, потомъ Андръевъ ²⁾. Изъ области Вепря граница поворачивала на востокъ и въблизи Берестья приходила къ Бугу ³⁾, по которому поднималась вверхъ. Берестье и Дорогичинъ упоминаются перѣдко, какъ пограничные города. Последний мы можемъ разсматривать, какъ самый крайній сѣверо-западный пунктъ Даниловыхъ владѣній ⁴⁾.

Округъ Дорогичина простирался до Нура ⁵⁾. За Нуромъ жили Ятвяги, отъ которыхъ Русь отдѣлялась болотами ⁶⁾. Во времена Романа

СХLIII. Луковъ—мѣст. въ 7 миляхъ отъ Люблина. Ср. »Staroż. pol ska-t. II, str. 1159—1161.

¹⁾ Ип., 586.—»Исторія» Шараневича, стр. 102.

²⁾ По словамъ Н. П. Барсова (стр. 2), это—Андреево, м. Плоцкой губ. близь границы съ Августовскою.

³⁾ Ип., 586: »Ляховъ воеваша у Берестья по Кросвѣ, и взяша селъ десять и поидоша назадъ».

⁴⁾ Возвращаясь изъ Польши, Даниль пришелъ прежде всего къ Дорогичину. (Ип., 524). Изъ Дорогичина, какъ изъ пограничнаго города, предпринималъ онъ походы на Ятвяговъ (ibid., 538 и 549). Идя изъ земли Ятвяговъ, татары проходили мимо Дорогичина (Ип., 561). Литва ходила воевать Польшу мимо того-же города (ibid., 571).—Пока Дорогичинъ не былъ отнятъ Даниломъ у Нѣмцевъ, такимъ пограничнымъ городомъ было Берестье: »остависта же в Берестии Володимера Пиньского, и Угровчяны и Берестьяны, стеречи земль отъ Ятьвязь» (ib., 508); »веснѣ же бывши, поидоста на Ятвезѣ и придоста Берестью; рѣкамъ наводнившимися, и не возмогоста ити на Ятьвязь».—По мѣтню нѣкоторыхъ (см. »Учебный атласъ по русской исторіи» Е. Е. Замысловскаго (2-е изд. Сиб. 1869), Руси принадлежала и Визна, находившаяся при слияніи Бобра съ Наревомъ (»Матеріалы» Барсова, стр. 30) и уступленная Руси Поляками въ 1145 г. (Ип., 227). Но это несправедливо: Русскіе владѣли ею недолго. Въ лѣтописи читаемъ: »приде (Даниль) ко Визнѣ и преиде рѣку Наровъ, и мнози крестьяны отъ пленения избависта... и придоста со славою на землю свою...» (Ип., 540); изъ этого мѣста видимъ, что в. Визнѣ Даниль находился не на своей еще землѣ. М. П. Погодинъ гакже признаеть Нуръ пограничнымъ пунктомъ (»Исслѣд.», IV, 214).

⁵⁾ См. цитиров. нами выше грамоту Конрада 1237 г.

⁶⁾ Ип., 538: »и придоша болота и наидоша на страну ихъ».—Здѣсь мы укажемъ на требующій разъясненія рассказъ Дюсбурга объ осадѣ до прихода Нѣмецкаго ордена въ Пруссію русскимъ въ теченіе девяти лѣтъ одного замка Скаловитовъ (Dusburg. Jena MCXXXIX). Въ связи съ этимъ обратимъ вниманіе на извѣстіе западныхъ лѣтописей (см. »Skarlic», str. 36) о томъ, что Брунонь, отправившійся пропо-

русскія поселенія находились далеко сѣвернѣе ¹⁾ и доходили до Райгорода ²⁾, но потомъ эти земли опустѣли.

Гдѣ граничила югозападная Русь съ собственною Лигвою, мы увидимъ ниже.—За Литвою къ территоріи югозападной Руси примыкала область Пинскихъ князей.

Какъ далеко простирались владѣнія Даниіла, въ послѣднее время его жизни, на востокъ и югъ?

Неизвѣстно, удержалъ-ли онъ за собою земли, завоеванныя на восточной окраинѣ между 1254 и 1258 годами ³⁾. Во всякомъ случаѣ, границы Даниілова княжества съ этой стороны не доходили до Овруча, не переходили за Тетеревъ, не спускались ниже верховьевъ Бога. Самымъ крайнимъ пунктомъ съ этой стороны въ лѣтописи является Межибожье ⁴⁾.

По Диѣстру Даниілова область доходила до Калиуса ⁵⁾. Западнѣе

вѣдывать къ Пруссамъ въ началѣ XI в., былъ убитъ на границахъ Руси и Литвы. Мы не знаемъ, гдѣ тогда Русь граничила съ Пруссіею. Дюсбургъ подъ 1326 г. (стр. 68) также говорятъ что Пруссія граничила, между прочимъ, съ Россіею.—Приведемъ здѣсь еще найденныя нами въ одной Богемской хроникѣ (*Chronicon Bohemiae Austrore Neplachone Abb te Oratoviense* во II-мъ т. Пеца, col. 1031) слѣдующія слова: »Anno Domini MCCXX. Poloni a Prutenis et a *Rutenis* occisi, et a fossoribus aut inactati miserabiliter interierunt»; дѣло идетъ, вѣроятно, о русскихъ, жившихъ на южной границѣ Польши.

¹⁾ Вадимиръ Васильковичъ »нача собѣ думати, абы еде за Берестьемъ оставити городъ... нача искати мѣста подобна, абы едѣ поставити городъ. Си же земля опустѣла по 80 лѣтѣхъ по Романѣ... и посла Володимеръ съ товѣмци в челянохъ, возверхъ рѣкы Лосны, абы кдѣ изнай и таково мѣсто городъ поставити... (Ип., 577—578).

²⁾ »...Данило король повелѣ воевати землю Ятвяжскую, и домъ Стѣкнатовъ весь погубленъ бысть, еже и домынѣ пусто стоять. Данилу же королези идущу ему по сзеру, и видѣ при берегѣ гору красну и градъ бывлі на ней преже, именовъ Рай; отгуда же приде въ домъ свой (Ип., 549). По словамъ Н. П. Барсова (стр. 172), это—Райгородъ м. въ окрестности Бѣлостока, надъ озеромъ того же имени, иначе называемомъ Лыкъ (Лук).

³⁾ Очень можетъ быть, что онѣ остались за нимъ. Подъ 1229 г. въ галицко-вол. лѣт. читаемъ: »Мъстиславъ вборзѣ посла гонцѣ по Юрьѣ князи Пороскомъ, веля воротити и назадъ, послалъ бо бѣшеть возводить Гатаръ на сыновця своего; тогда бо Юрьи Пороский служаше Мъстиславу, а первое служилъ Володимиру (Ип., 612).

⁴⁾ Ип., 555.

⁵⁾ Калиусъ — м. Калиусь Подольской губ., Ушицкаго уѣзда (Зубриц-

южная граница шла, по всей вѣроятности, по верхнему теченію Прута и по Черемошу. Коломыя ¹⁾, Онуть ²⁾ и Бакота ³⁾ — самые южные изъ городовъ, упоминаемыхъ въ лѣтописи.

Въ прежнее время земли, лежавшія къ югу отъ проведенной нами черты ⁴⁾, — вплоть до Дуная, находились въ большей или меньшей зависимости отъ галицкихъ князей ⁵⁾. Теперь онѣ были заняты татарами,

кій, »Исторія др. Гал. р. кн.», III, 139. Барсовъ, 86). Въ лѣтописи говорится: »Даниль же хотя уставити землю, и вѣха до Бакоты и Калюса« (Ип., 527).

¹⁾ Ип., 525.

²⁾ Ип., 491. Онуть находился на Днѣстрѣ у самой теперешней нашей границы. »Исслѣд.« М. П. Погодина, IV, 201.

³⁾ См. Ип., 525 и 527; Ростиславъ и татары входили въ Даниловы владѣнія у Бакоты (Ип., 526 и 549).

⁴⁾ Собственно Галицкое княжество на югѣ простиралось (до татарскаго нашествія), быть можетъ, до истоковъ Молдавы. Рогерій (см. выше прим. 4 на стр. 65) полагаетъ границу около этого мѣста Руси: »*rex Cazan inter Russiam et Comaniam per silvas iter trium dierum habens, pervenit ad divitem Rodanum*«... Вѣроятно, этимъ путемъ ходили и Галичане: »Ростиславъ бѣжа во Угры путемъ. *имъ же идяше* на Борьсуковъ дѣль, и приде к бани рекомѣй Родна«... (Ип., 518). *Покутье* не переходило за Черемошъ; это также указываетъ на то, что тутъ ованчивалась галицкая земля (см. Рѣчь Шараневича: »*Zaczatki slowiańskie i stoków Karpat*«. We Lwowie 1870. Str. 5—8). Приведемъ, наконецъ, слова И. И. Шараневича: »Подобно и онны названія осадъ русская Поляна, межи источниками Солиньки а Чероки—и Рускій путь межи источниками Ляторчи и Любогорки—рускій дѣль межи Черемошемъ а Визомъ, *Roys re bouł* межи Молдавою а Сочавою свѣдчать, що Галицкая Русь стыкалася тамъ съ землями не рускими, або по крайней мѣрѣ съ землями, которые до много панства и народа принадлежали«.... Можно-бы допустить, говорить онъ въ др. мѣстѣ, что названіе Угорскихъ горъ *Holisa* и *Galacz* на Унгѣ и на источникахъ Быстрицы, Визо и Черемоша произошло отъ того, что возлѣ нихъ пролегали пути, ведшіе къ Галичу и Галицкому княжеству (»Исслѣдованіе«, 78 и 79).—По лѣтописямъ (Ип., 341; П. с. р. л., IX, 167; I, 135; сл. Ип., 226), на южной окраинѣ Галицкаго княж. находились Умица, Кучельминъ и Микулинъ. Греческіе писатели на границѣ его упоминаютъ какую-то гору Тенуормъ (см. ихъ извѣстія въ собраніи Стриттера: »*Memorie populorum olim ad Danubium, Pontum Euxinum, Paludem Maeotidem, Caucasum, mare Caspium et inde magis ad septentriones inco-lentium*. T. I—IV. 1771—1779).

⁵⁾ Есть немало отрывочныхъ указаній на эту зависимость. Уже въ извѣстной рѣчи Василька (П. с. р. л., I, 113) Дунайскіе Болгаре являются въ числѣ пограничныхъ народовъ. Въ одно время нынѣшняя

ходившими чрезъ эти земли на Константинополь и Болгарію ¹⁾, и прямое сообщеніе съ югомъ прекратилось ²⁾, хотя происходили иногда сношенія съ Болгарією ³⁾.

Румынія составляла даже одинъ изъ удѣловъ Галицкой земли, тянувшій въ Галичу [см. грамоту Ивана Ростиславича 1134 г., помѣщ. въ 1-мъ вып. »Наук. сб.« 1865; отвергать ея подлинность нѣтъ основаній: счисленіе лѣтъ отъ Рождества Христова, а не отъ сотворенія міра употреблялось, кажется, тогда въ юго-славянскихъ земляхъ. Содержаніе этого документа подтверждается и тѣмъ прозвищемъ »Берладнива«, которое было дано Ивану Ростиславичу]. Но мы не думаемъ, чтобы эта зависимость была постоянною и полною. Во 1-хъ, въ лѣтописяхъ эти земли ни разу почти не являются театромъ какихъ-нибудь событій галицкаго князя, а вѣдь съ начала XIII в. у насъ есть очень подробная лѣтопись галицкой земли. Во 2-хъ, мы видимъ частые проходы чрезъ эти земли Половцевъ, отправлявшихся воевать съ Венгрією (Schwandtner, I, p. 116, 130, 131, 132, 133, 141: извѣстія Туроча; см. также p. 141), Болгарами и Греками (см. у Стриттера и въ нашихъ лѣтописяхъ); едвали-бы они могли такъ легко пробираться чрезъ эту область, еслибы она составляла полное достояніе галицкихъ князей: послѣдніе старались-бы не пропускать Половцевъ. Какъ страдали придунайскія земли отъ Половцевъ, видно изъ словъ, сказанныхъ въ 1190 г. Черными Клобуками: »се Половць сеѣ зими воюють ны часто, а не вѣдаемъ Подунайци ли есмъ что ли« (Ип., 451). Несомнѣнно однако, что преобладающимъ населеніемъ въ этой странѣ было русское, родственное жителямъ галицкаго княжества и оттуда прибывавшее, быть можетъ: въ XII в. въ придунайскихъ земляхъ извѣстенъ Малый Галичъ (теперь Галачъ), о которомъ упоминаетъ арабскій географъ Эдриси (См. ст. А. С. Петрушевича въ 1-мъ вып. »Наук. сборн.« 1865 г., стр. 37 и 40). Древнѣйшее славянское населеніе этого края, извѣстное составителю первыхъ страницъ нашей начальной лѣтописи (П. с. р. л., I, 3 и 5; прибавимъ упоминаніе Нив. и Тв. лѣт. о какихъ-то »Дунаяхъ«), было вытѣснено напоромъ разныхъ кочевыхъ народовъ, изъ которыхъ Печенѣги проникали даже въ нынѣшнюю Галицію («Наук. сборн.» 1865, I, 39; »Исслѣд.« Шараневича, стр. 91). Киевская Русь, группирувавшая вокругъ себя окрестныя племена, вслѣдствіе отдаленности этихъ земель, должна была мало заботиться о нихъ; гораздо важнѣе были онѣ для основавшагося галицкаго княжества. Чрезъ эти мѣстности издавна двигались разные народы, и потому, кромѣ русскихъ, здѣсь были, остатки и другихъ племенъ. Оттого-то, вѣроятно, эти страны названы Куманією у Платона Карпини [стр. 24: »Hanc terra Comania... a meridie habet Alanos, Circassos, Gazaros, Graeciam et Constantinopolin, ac terram Iberorum, Cathos, Brutachios, qui dicuntur esse Judaei... Ab occidente autem Hungariam habet atque Russiam«], Рюбрюквиса [»Voyage en Tartarie«, p. 9. c. 14. p. 50. c. 15 p. 51 въ la Relation des Voyage en Tartar, par Bergeron; онъ говоритъ о команіи сходно съ Платономъ Карпини] и Рого-

Жизнь югозападной Руси билась теперь, главнымъ образомъ, въ политическомъ организмѣ, заключенномъ въ очерченные нами предѣлахи. Приднѣпровье надолго сошло со сцены исторіи.

Исторія сосредоточенія югозападной Руси при Даниилѣ наглядно показываетъ, какъ далеко еще былъ русскій народъ отъ идеи единой жизни. Съ половины XI в. наше отечество, послѣ братковременнаго сключенія, распалось вновь на отдѣльныя *области*, иногда находившіяся, а иногда и не находившіяся въ предѣлахъ прежнихъ племенъ; въ каж-

рѣ (см. выше). Греческіе писатели упоминаютъ нерѣдко о кочевыхъ народахъ, жившихъ къ сѣверу отъ Дуная (см. у Стриттера). Одно изъ преданій упоминаетъ о Румунахъ, жившихъ здѣсь во время Батыева нашествія («Записки одесскаго общества исторіи и древностей», т. II, отд. 2-е и 3-е, Одесса 1850, стр. 811), а Киннамъ и Веніаминъ Тудельскій говорятъ о Влахахъ, обитавшихъ въ XII в. въ земляхъ, прилегавшихъ къ Черному морю (см. также Mug., lib. III, col. 265). Народонаселеніе здѣсь носило на себѣ печать удалства (Берладники); можетъ быть, въ составѣ его было немало бѣглецовъ: Андрей Богодюбскій говорилъ одному князю: «а ты пойдѣ въ Берладъ, а въ Русьской земли не велю ти быти» (Ип., 390).—Есть основанія думать, что эти мѣстности были не особенно заселены. Въ 1144 г. Иванъ Ростиславичъ отъ Звенигорода «пробѣже съвоѣ полкъ къ Дунаю и оттуда долемъ пробѣже ко Всеволоду Кіеву». (Ип., 226). Даниилъ и его спутники однажды «придоша в Онуть и идоша в поле» (Ип., 491; подъ «полемъ» лѣтопись разумѣетъ обыкновенно степь); «Льстивому Жырославу речею къ бояромъ Галичьскимъ: «яво идетъ Мьстиславу в поле, и хочеть въ предати тестеву своему Котяню на избити» (Ип., 498); «шедшу же Ростиславу во поле...» (Ип., 517).—Замѣтимъ, что почтенный А. С. Петрушевичъ не оставилъ безъ изслѣдованія и вопроса о наддунайской Руси (см. его ст. «Радовецко-Черновецкая епархія и святители ея. Съ краткимъ очеркомъ Заирутской и Наддунайской Русей, помѣщ. въ «Зорѣ Буковинской» 1870), но мы, къ сожалѣнію, не могли воспользоваться его трудомъ. Въ нашей литературѣ этого предмета касались И. Д. Бѣляевъ (см. ст. его, цитир. выше—во 2 прим. на стр. 55) и отчасти Д. И. Иловайскій («О мнѣніи призваніи Варяговъ». «Русскій Вѣстникъ» 1871, № 12). Трудъ перваго написанъ по русскимъ лишь извѣстіямъ, впрочемъ—далеко не по всѣмъ, при чемъ иногда допущены неправильныя толкованія лѣтописей.

1) Шараневичъ, «Ист. гал.-вол. Руси», стр. 140, прим. 75.

2) Отправляясь въ Грецію, митр. Кириллъ шелъ на Венгрію. Ип., 537.—Войшелъ «просися ити во Святую Гору; и найде ему король путь у короля Угорьского, и не може дойти Святое Горы и воротися в Болгарѣхъ» ib., 551.

3) Карамзинъ, IV, пр. 144.

дой области были *города и пригороды*; раздѣленіе вытекало изъ стремленія областныхъ общинъ къ самобытности. Князья своимъ семейнымъ взглядомъ на русскую землю довершили ея раздробленіе, подѣливши каждую область на множество мелкихъ княжествъ; стремленіе къ самостоятельности развилось даже въ незначительныхъ городахъ. Даниилу сопротивлялся даже какой-нибудь Черторийскъ желая имѣть собственнаго князя. Мы встрѣтились потомъ съ цѣлымъ рядомъ городовъ, пытавшихся удержать самобытность. Вездѣ Даниила ожидало противодѣйствіе; только родовой его городъ Владиміръ Вол. всегда обнаруживалъ горячую преданность ему и ни разу не позволилъ себѣ сдѣлать что-нибудь неугодное своему князю. Нельзя не замѣтить также того, что тогда разшаталась нѣсколько связь съ Рюриковымъ домомъ: на галицкомъ престолѣ, при содѣйствіи бояръ, нѣсколько разъ сидѣли иностранцы; нѣкоторыя другія земли готовы были признать непосредственно—не черезъ князей—татарскую власть. Такимъ образомъ, сплоченіе югозападной Руси въ половинѣ XIII в. было дѣломъ одного князя, а не плодомъ народнаго къ тому расположенія, и осуществилось, благодаря необычайной энергіи, постепенности въ дѣйствіяхъ и умной осторожности его: онъ умѣлъ такъ устроить и группировать окружавшія его силы, что сопротивленіе никогда не могло довести до разрушенія его дѣла.

Въ указанныхъ нами предѣлахъ Романовичи пользовались исключительнымъ господствомъ. Несомнѣнно, что въ ихъ земляхъ продолжали существовать и другія княжескія линіи. Въ лѣтописи упоминаются: Владиміръ ¹⁾ и Ярославъ ²⁾ Ингваревичи и Всеволодъ Александровичъ ³⁾. Но представители этихъ линій стали служебными князьями ⁴⁾; другаго значенія и особенной силы не имѣли.

Полнаго политическаго объединенія разсмотрѣнное нами сосредото-

¹⁾ Ип., 506.

²⁾ Ibid., 501 и 521.

³⁾ Ibid., 529 и 533.

⁴⁾ Это названіе встрѣчаемъ въ лѣтописи подъ 1258 (Ип., 556). И. И. Шарановичъ къ такимъ князьямъ причисляетъ упоминаемыхъ въ лѣтописи Василька и Мстислава Глѣбовичей, которыхъ считаетъ бѣжавшими Черниговскими князьями; причисляетъ къ нимъ также какого то упоминаемаго въ Кременцѣ Андрея (Ип., 550), но послѣднее едвали основательно.—Мы видимъ служебныхъ князей еще въ 1229 г. (Владиміръ Пинскій. Ип., 503).

точение не принесло. Даниль работалъ не въ пользу единой державы, а въ пользу *владычества одной семьи*. Князья, по прежнему, дѣлились землями. Даниль съ перваго же раза уступалъ брату часть приобретений¹⁾. Они съ дѣтства привыкли въ мысли, что Галичь долженъ быть принадлежать Данилу, а Владиміръ Васильку²⁾. Потомъ раздѣлъ земель Данила происходитъ еще при его жизни³⁾. Вообще до половины XIII столѣтія не было въ русскомъ мірѣ идеи о политическомъ единствѣ Руси⁴⁾.

Несмотря на то, а) князья были ближайшими родственниками; для югозападной Руси въ этомъ отношеніи возвратилось начало удѣльно-вѣчеваго періода, когда князья всѣхъ почти земель были въ ближайшемъ родствѣ между собою; б) Русь Романовичей обособилась отъ остальныхъ областей. Отдѣленіе ея было замѣтно уже со времени паденія Кіева. Теперь оно дошло до конца вслѣдствіе географическаго уединенія югозападной Руси и чуждой остальному русскому міру политики двухъ ея князей, которая навсегда столкнула ее съ дороги остальной Руси. Связь югозападной Руси съ послѣднею проявлялась теперь только въ брачныхъ союзахъ князей⁵⁾. Всѣ части области Ро-

1) Ип., 501: «братъ же да Василкови Луческъ и Пересонницю, Берестий же ему бѣ преже даль».

2) Когда для Романовичей добывали Галичь и Волынь, то въ первомъ сядили Данила, а на Волыни—Васильва. См. Ип., 486—487.

3) Въ послѣдніе годы Данилова княженія Левъ является самостоятельнымъ правителемъ галицкой области. Можетъ быть, она была дана ему около 1247 г., со времени его женитьбы; одна изъ папскихъ буллъ этого года обращена не только къ Данилу и Васильку, но и ко Льву (Н. Р. М., I, LXVII).

4) Такое мнѣніе высказываютъ Н. И. Костомаровъ (въ ст. о единой державѣ) и В. В. Пассекъ.

5) Одну изъ своихъ дочерей Даниль выдалъ за Андрея Ярославича (въ 1250 г. П. с. р. л. I, 202), другую, по словамъ одного довольно стараго отрывка (онъ напечатанъ при лѣтописи Быховца, изд. Нарбуттомъ), онъ выдалъ за Витебскаго князя Андрея Ярославича, умершаго въ 1265 г., но такого князя, кажется, не было тамъ въ то время; вообще весь этотъ отрывокъ невѣренъ. О родствѣ Романовичей съ Черниговскими князьями см. Ип., 562 и 569. Василько Романовичъ былъ женатъ на дочери Юрія Всеволодовича («Лѣтописецъ Руской», ч. I, 400—подъ 1226 г. Сл. Ип., 505). Она называлась Еленою (Ип., 579); въ одной изъ папскихъ буллъ (Н. Р. М., I, LXXVI) она названа Дубравкой.

минувшей, по единству положенія, имѣли общую участь. Эти два обстоятельства: ближайшая родственность князей и единство положенія тѣсно связывали отдѣльныя части.

Такимъ образомъ, со времени Даниїла, хотя югозападная Русь, но всеяго, дѣлилась на нѣсколько княжествъ, но послѣднія находились въ рукахъ одного рода и постоянно представляли съ тѣхъ поръ одинъ цѣльный организмъ, который И. И. Шараневичъ совершенно справедливо называетъ Галицко-Владимирскою Русью,—организмъ, отдѣльный отъ прочей Руси.

Такое было преобразование, внесенное княженіемъ Даниїла Галицкаго въ политическую жизнь югозападной Руси.

II.

Не одинъ политическія меремѣны внесло въ жизнь югозападной Руси княженіе Даниїла Галицкаго.

Югозападная Русь издавна была одною изъ самыхъ цвѣтущихъ странъ нашего отечества. Природныя ея условія весьма благопріятствовали прекрасной обстановкѣ населенія, которое въ изобиліи находило средства для пропитанія и могло снабжать хлѣбомъ сосѣднія земли¹⁾. Подобный случай занесенъ въ галицко-волинскую лѣтопись подъ 1279 г.: во время голода Ятвяги просили Владиміра Васильевича прислать имъ хлѣба, и онъ исполнилъ ихъ желаніе²⁾. Развитію большей или меньшей образованности въ этой странѣ способствовало также постоянное торговое движеніе, при которомъ она являлась промежуточною, проходною областью. Слѣды его замѣчаютъ уже въ глу-

¹⁾ Г. Трубецкой (*La Russie rouge*. Par. 1860, p. 20) говоритъ о равнинѣ Червоной Руси, что она «a de tout temps été le grenier de pays envirognants, qui tous cherchent à s'en rendre maîtres». Симеонъ Старовольскій, польскій географъ XVII в., говоритъ: «*Russia rubra—Nobilissima haec provincia, lacte et melle abundans...*» («*Gränzen*» Д. И. Зубрицкаго, S. 17). По словамъ Длугоша (*lib. I, col. 48*), «*Ruthenorum regio arva oram, quae haecenus Podolia nuncupatur, adeo agro perhibetur farax, ut cum semel satae fruges fuerint, recidentibus subinde seminibus, segietem novantibus alterae messes sine satione provenientes*». Мы могли-бы привести немало подобныхъ отзывовъ.

²⁾ Ип., 580.

бокой древности ¹⁾; въ средніе вѣка оно продолжалось. По розысканіямъ Даниловича, въ XII в. Регенсбургскіе купцы отправлялись въ Кіевъ чрезъ Емсъ и Вѣну за покупкою мѣховыхъ товаровъ, которыхъ Кіевъ считался тогда складочнымъ мѣстомъ. Раньше немного, у Мартина Гама, находимъ извѣстіе, что Польша дѣлалась извѣстною преимущественно только потому, что чрезъ нее проѣзжали въ Русь иностранцые купцы. Наши лѣтописи также говорятъ объ этихъ иностранныхъ купцахъ, называя ихъ Латиною. Въ половинѣ XIII столѣтія многіе Бреставльскіе, польскіе и австрійскіе торговцы, узнавъ отъ парснѣхъ пословъ, что они ѣхали въ Татарію, отправлялись съ ними ²⁾. Южнѣе мы замѣчаемъ оживленное торговое движеніе по судоходному еще тогда Днѣстру: ниже Кучелемина ³⁾ ходили лоды въ Олешню, выходящему на нижнемъ теченіи Днѣпра; на возвратномъ пути въ Галичь онѣ возили рыбу и вино ⁴⁾. Отъ устья Днѣстра, вѣроятно, русскія ку-

¹⁾ См. «Kritische Mücke» Шараневича, S. 23, 29—30. Не послѣднюю роль при этомъ играло обиліе водныхъ путей. По исчисленію Чацкого, на Волыни и Полѣсѣ болѣе 4800 рѣкъ. См. «Вол. Губ. Вѣд.». 1862, ст. «О судоходныхъ и сплавныхъ рѣкахъ Вол. губ.»—О сообщеніи съ Польшею по рѣкамъ, протекавшимъ по сѣверной окраинѣ Даниловыхъ земель, см. въ ст. Ходаковского: «Пути сообщенія въ древней Россіи» («Русскій истор. сборн.», т. I, М. 1837, стр. 11). Въ г. Владимірѣ въ XII в. упоминается *уоозъ* (мѣсто приставанія и выгрузки судовъ), какъ и въ Кіевѣ (Ип., 206 и 207).

²⁾ М. П. Погодина «Исслѣдованія», VII, 306—308. «Собр. путеш. въ татар.», стр. 217.—Прибавимъ, что, по словамъ Татищева (II, 241), въ 1129 г. Поляки ограбили ѣхавшихъ изъ Моравіи купцовъ. О нѣмецкихъ и моравскихъ купцахъ въ Кіевѣ упоминается въ «Словѣ о полку Игоревѣ».

³⁾ И. И. Шараневичъ указываетъ Бучеринь, лежащій недалеко отъ Днѣстра на одномъ изъ притоковъ Прута. Находится еще, говорить онъ, «осада подобнаго названія Бучурмаре на ростекахъ межи Прутомъ и Серетомъ и Сочавою» («Исслѣд.», 83).

⁴⁾ Ип., 491.—Олешье—тепер. гор. Алешки, расположенный на лѣвомъ берегу Днѣпра, въ 103 верстахъ отъ впаденія его въ море. «Зап. Од. общ. ист. и др.», III, 217—220. Въ спискѣ русскихъ городовъ, помѣщенномъ при Воскресенской лѣтописи, при устьѣ Днѣстра упоминается Бѣлгородъ. (П. с. р. л., VII, 240). Онъ существовалъ уже въ XII стол. Если Аклиба Эдриси—Бѣлгородъ, то владѣнія Половцевъ въ полов. XII в. простирались до этого мѣста. «Зап. Од. общ.», т. III, стр. 45. Есть попытка приурочить въ послѣднемъ и *аспро-кастроу* Ковст. Порфиророднаго. Ibid., 452 и 453.

печескія лодыи направлялись къ Дунаю, гдѣ мы встрѣчаемъ ихъ во второй половинѣ XII в. ¹⁾ и гдѣ первымъ городомъ отъ моря на лѣвой сторонѣ этой рѣки былъ Малый Галичь (Галачъ). Тутъ они запасались греческими и болгарскими товарами. Туда-же прибывали и венгерскіе товары. Какъ извѣстно, Святославъ сильно плѣнился такою центральною придунайскихъ земель по отношенію въ торговлѣ: «то есть середѣ въ земли моей, говорилъ онъ, яко ту вся благая сходятся». Какъ значительно была развита морская торговля Галичанъ, можно видѣть изъ того, что, при сборѣ на Днѣпрѣ противъ татаръ въ 1224 г., отъ Галичанъ явилось 1000 людей съ выгонцами ²⁾. Въ этой торговлѣ галицкая Русь поставляла немало собственныхъ продуктовъ. Въ лѣтописи упоминаются хлѣбъ ³⁾ и соль, добываніе которой, сколько можно замѣтить, производилось въ обширныхъ размѣрахъ. Соляные промыслы около Коломыи князья держали для раздачи оруженникамъ ⁴⁾. Въ началѣ XII столѣтія вся Русь получала соль изъ галицкой земли ⁵⁾. Бромѣ

¹⁾ Ип., 341.

²⁾ Ib., 504. Слово «выгонцы» у Татищева (III, 435 и 437) замѣнено «пѣхотою». Въ Никон. (II, 351): «ихъ вѣще двою тысящъ людей». Галицкая земля была извѣстна даже Скандинавамъ подъ именемъ Галсея или Галатіи (Orvar Odds Saga, с. 36, цит. у Сума въ его ст. о Галиціи и Лодомиріи, стр. 19) и христіанскому Нубійскому географу, писавшему въ половинѣ XII стол. (цит. *ibid.*, стр. 2).

³⁾ Ип., 491: «Бывъшу же гладу велику, поидоша возы къ Плаву на канунъ святаго Димитрія вземше возы накормишася изобиліемъ».

⁴⁾ Ип., 525. По мнѣнію Ѳ. И. Буслаева («Историч. христ.», М. 1861, столб. 580), «оружникъ» — вѣроятно, тѣ, которые были на возахъ или колахъ (слич. *оружіе* — колесница). Впрочемъ, въ одномъ мѣстѣ лѣтописи (Ип.: 510) оруженники изображаются стоящими на городскихъ стѣнахъ. А. С. Петрушевичъ сближаетъ это слово съ терминами: *armatus, hastatus, dorifero*; и какъ-бы полагаетъ, что имъ обозначалась гвардія. «Наук. сборн.» 1865, III, 177. Еще упоминаются въ лѣтописи «Соли» (Ип., 550) и соляные промыслы въ Удечѣ (*ib.*, 358); гдѣ находился послѣдній, намъ неизвѣстно (см. «Ист. др. Гал.-р. княж.» Д. И. Зубрицкаго, II, стр. 106).

⁵⁾ Въ Печерскомъ Патерикѣ, въ житіи св. Прохора, поставленнаго игуменомъ Печерской обители въ 1112 г., читаемъ: «не пустиша гостей изъ Галича и Перемышля, и не бысть соли во всей русской земли». М. П. Погодина «Исслѣд.», VII, 308. «Гал. Наук. Сб.» 1865, I, стр. 42.

того, могло отпущаться значительное количество мѣховъ ¹⁾ и меду ²⁾. Процвѣтало и скотоводство ³⁾. И вотъ мы видимъ, что эта часть Руси была обильно населена ⁴⁾ и покрыта множествомъ городовъ ⁵⁾. Обитатели

¹⁾ Анонимъ нотарій Бѣлы передаетъ, что Альмъ былъ надѣленъ отъ Владимірскаго князя »pellibus et pallas non numeratis« (Schwandtner, I, 9). Звѣря водилось много въ то время. Мы нерѣдко встрѣчаемъ извѣстія объ охотѣ князей. Володаръ былъ схваченъ на охотѣ (Pertz, Mon. G. h., XX. Herbordus). См. также Ип., 226, 550, 558, 596. Нивита Хоніатъ говоритъ объ Авдроникѣ (см. ниже), что, во время пребыванія у галицкаго князя, онъ занимался, главнымъ образомъ, охотою, бѣганіемъ въ запуски и убіеніемъ зубровъ. *Zéμπος διελανόμενος δόρατι, ζῶον δὲ οἷον; ἢ μέγετος ὑπὲρ ἄρκιον μυθικήν, καὶ πάρδαλιν σιχτήν, κατὰ τοὺς Ταυροσκύτα; φουόμενον μάλιστα καὶ τρεφόμενον.* Зубровъ было немало въ Подолии еще въ Кромерово время (въ XVI в.), и въ »Polska Kronika« описывается даже особенная охота на нихъ.

²⁾ »Исторія русской торговли медомъ идетъ отъ глубокой старины. Скиѣскіе купцы, по свидѣтельству Геродота, еще до Р. Х. высылали за границу медъ и воскъ. На памяти исторіи Русь сбывала медъ въ дунайскій Передславль, въ Грецію, въ Хозарамъ и на дальній Западъ«. (Прышовъ, Исторія кабаковъ въ Россіи, стр. 10).

³⁾ Въ землѣ Белзской и Червенской Василько захватилъ однажды »многы плены, стада коньска и кобыля« (Ип., 498). См. также Ип., 533.—Владиміръ Васильковичъ »стада роздая убогымъ людемъ...« (Ип., 601). По словамъ упомянутого нами Анонима, Владимірскаго князя даль Альму »tercentos equos cum sellis et frenis, et XXV camelos, et mille boues ad onera portanda;« въ Галиціи Альмъ получилъ »decem farisimos optimos, et CCC equos cum sellis et frenis.« (Schw., I. c.); потомъ галицкаго князя ему еще »pecudes ad victum condonavit sine numero« (ib., 10).—По извѣстію, находящемуся у Татищева (III, 436), у Мстислава Удалаго, во время похода въ 1223 г. противъ татаръ, было 10000 человекъ конницы—цифра по тому времени довольно значительная.—Въ глубокой древности территорія галицкой Руси поставляла для торговли тѣ же продукты, чтó и въ удѣльное время: пшеницу, рыбу, соль, воскъ, медъ, мѣха, кожи. »Зап. Од. Общ.,« т. II, ст. Беккера: »Тирась и Тириты,« стр. 446—447. Сл. т. III, стр. 186.

⁴⁾ Въ лѣтописи нерѣдко упоминается взятіе »великаго полона«. См., напр., Ип., 516. У Перемышля въ 1150 г. были »села многа« (ib., 282). Кадлубекъ говоритъ о дѣтяхъ Казиміра (II, p. 110): »adest Parvulorum subsidio Ducis de Wladimir Romani pia miseratio non cum parva Ruthenorum numerositate.

⁵⁾ Мы насчитали по галицко-вол. лѣтоп. въ періодъ отъ 1205 г. до татарскаго нашествія до 50 городовъ въ галицкой области и на Волыни. О Батыѣ говорится, что онъ взялъ, кромѣ Колодяжна, Изя-

ед отличались зажиточностію. О Даниилѣ и Васильѣ говорится, что они дали Михаилу Черниговскому «пшеницѣ много, и меду и говядь и овѣць доволѣ¹⁾». Здѣсь весьма встаети привести слѣдующія слова Шейнохи: «До разоренія русскихъ земель татарами, онѣ принадлежали къ богатѣйшимъ странамъ Европы. Въ то время, когда западныя страны находились еще въ далеко незавидномъ положеніи, жили въ варварствѣ и бѣдности, пространство между Днѣпромъ и Днѣстромъ славилось

славя, Каменца, Галича, Червна, Владиміра, «и нныя грады многи, илю(ъ) же нсть числа» (Ип., 523; сл. под. же въ Никон. III, 9). «И жадинася... и о вачыи градъ множества отъ иноплеменьникъ (Ип., 524). — Не безынтересно здѣсь привести еще одно свидѣтельство Татищева. Рассказывая о походѣ русскихъ въ 1223 г. противъ татаръ, онъ пережисляетъ по землямъ количество собравшихся войскъ (III, 436). Неизвѣстно, откуда онъ почерпнулъ о томъ свѣдѣніи, но несомнѣнно, что онъ не выдумывалъ: подводя итогъ, онъ добросовѣстно выставляетъ найденную имъ въ источникѣ цифру, а въ скобкахъ замѣчаетъ: «по моему же» столько-то. Вотъ его слова: «Князь Великій исчислилъ все войско, которыхъ съ нимъ было Киевскихъ, Переяславскихъ, Городенскихъ, Черныхъ Клобуковъ и Поросиатъ 22500, со Владиміромъ Рюриковичемъ Смольянь и Туровцовъ 13800, съ княземъ Мстиславомъ Черниговскимъ и Сѣверскимъ 21300, да Вятичъ 2000, со княземъ Мстиславомъ Галичанъ, Владимирцовъ, Лучанъ и Подунайцовъ 23400, и прочіе младшіе князи, съ ними всего 103000 (по моему 89950), какаго русскаго войска давно веушѣ не было». По этому перечню, наибольшій отрядъ выставила занимающая насъ мѣстность. Лѣтописи почти не представляютъ данныхъ для повѣрки этого извѣстія Татищева. По словамъ Давренъевской (II. с. р. л. I, 189; сл. VII, 132), послѣ Калеской битвы «глаголаху же сиче, яко единѣхъ Кіанъ ивгибе тогда 10000»; въ Троицкомъ спискѣ читаемъ: «а изъ Смоленска на Зарубъ 100 мужъ пришло (II. с. р. л. I, 217), но тамъ замѣтно искаженіе; по словамъ Барамзина (т. III, прим. 298), «въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ сказано, что Владиміръ Рюриковичъ привелъ изъ Смоленска 400 человекъ».

¹⁾ Ип., 521. При этомъ Галичъ былъ богаче Волыни. По словамъ Анонима Нотарія, примѣнимымъ, какъ мы сказали въ I-й гл., къ XIII в., Альмъ получилъ отъ Владимірскаго князя, между прочимъ, 2000 марокъ серебра и 100 марокъ переплавленнаго (т. е. чистаго) золота, а отъ галицкаго — 3000 марокъ серебра и 200 марокъ золота и прекраснѣйшій одежды (Schwandtn., I. с.) — «Марка тоже, что древняя русская гривна, или полуфунтъ золота или серебра» (замѣчаніе переводчика ст. Сума, стр. 9). — Въ былинахъ Волынь и галицкая земля представляются странами несмѣтнаго богатства и роскоши «Р. Вѣстн. с., т. XXI, ст. Ѳ. И. Буслаева: «Русск. бог. эп.,» стр. 534, 536 — 537, 542—543.

богатствою и всякою роскошью, какая только была известна в тог-
дашнее время... какими великолѣпнымъ городомъ былъ этотъ Кіевъ, съ
золотыми воротами, съ четырьмя стаями церквей, съ осьмью торговыми
площадями, безчисленными своими жителями, Кіевъ, сокровищами ко-
торого Болеславъ Храбрый озолотилъ всю Польшу, и который своею
роскошью и прелестями плѣнилъ и изнѣжилъ Болеслава Смѣлаго! Сколько
золота, серебра, драгоценностей предложилъ въ даръ Лешку Бѣлому
Галичъ! Съ Кіевомъ и Галичемъ соперничали многія мѣста, отъ кото-
рыхъ, съ теченіемъ времени, остались одни имена или нѣмыя развалины.
Даже въ позднѣйшее время, подъ убогими «стрѣхами» упавшаго и
разореннаго Кіева, видѣлись предметы роскоши, какіе въ другихъ
мѣстахъ можно было встрѣтить развѣ въ барскихъ палатахъ; шелко-
вые матеріи можно было встрѣтить чаще, чѣмъ льняныя издѣлія въ
Вильнѣ (sic), а перецъ чаще, чѣмъ соль въ Польшѣ. Предъ паденіемъ
Константинополя отъ турокъ и предъ нашествіемъ татаръ это, безспорно,
были однѣ изъ богатѣйшихъ странъ Европы 1).

Споры между претендентами за обладаніе Галичемъ и Воинью въ
первой четверти XIII столѣтія должны были значительно повліять на
благосостояніе народоваселенія. Въ это время Половцы частенько на-
чали заглядывать на югозападъ, куда ихъ приводили борювшіяся сто-
роны 2); вмѣстѣ съ Половцами, приглашаемы были иногда и другіе
степные народы; не могли падать русской земли и остальные иноземцы 3).
Прибавимъ сюда набѣги литовскаго племени, особенно усилившіеся
послѣ смерти Романа, о которыхъ будетъ сказано ниже. Но все это
было ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что потерѣла югозападная Русь
отъ татаръ. Особенно губельно было первое ихъ нашествіе (въ 1240
и 1241 гг. 4), когда они двигались по русской землѣ *цѣлою мас-*

1) «Jadwiga i Jagiello», t. III, str. 74—75.

2) Ип., 480, 485, 493, 498, 503, 507, 513, 516.

3) См., напр., о Полякахъ Ип., 482, 488, 490, 492; несомнѣнно,
что не обходилось безъ опустошеній и во время другихъ приходоу
Поляковъ въ русскую землю.

4) Кіевъ былъ взятъ 6 дек. 1240 г., и въ праздникъ Рождества
Хр. о томъ знали уже въ Венгріи (Szalay, II, 42). Въ Польшу татары
вторглись въ началѣ 1241 г.; Батый думалъ было оставаться въ юго-
западной Руси и дольше, но былъ отклоненъ Даниловымъ тысяцкимъ,
плѣненнымъ въ Кіевѣ. Ип., 523.

сою ¹⁾, опустошили ее до Берестья ²⁾ и потомъ чрезъ нее возвращались нѣ- сколько разъ изъ Польши ³⁾. Картина страшнаго разоренія югозападной Руси во время татарскаго нашествія, мы думаемъ, рисуется въ головѣ читателя сама собою. Мы приведемъ нѣсколько словъ изъ лѣтописи. «Данилови же со братомъ пришедшу ко Берестью, и не возмогоша ити в поле, смрада ради множества пѣбьенныхъ: не бѣ бо на Володимѣрѣ не осталъ живый, церкви святой Богородици исполнена трупья, иныя церкви наполнены быша трупія и телесъ мертвыхъ ⁴⁾». Когда Пляно-Карпини проѣзжалъ по югозападной Руси, то видѣлъ по степи безчи- сленное множество череповъ и костей человѣческихъ ⁵⁾.—Въ 1243 г., на возвратномъ пути изъ Венгрии ⁶⁾, татары вновь «воеваша до Во-

¹⁾ См. слова Рогерія ар. Schwandtn. I, 299.—Главная масса шла на Житомиръ («Вол. губ. вѣд.» 1847, цитир. въ «Очеркѣ исторіи правосл. ц на Волыни, Спб. 1855,» стр. 10), затѣмъ на Колодязень, находящійся въ теперешнемъ Новоградвол. у. (опроверженіе довольно распространен- наго мнѣнія, что слѣд. читать «Ладыжия», находящійся въ Подольской губ., см. въ «Историч. оч. Волыни» Л. Крушинскаго, помѣщенномъ въ I-мъ вып. «Трудовъ Вол. губ. статист. комит.» Житомиръ 1867. Стр. 43); прибавимъ, что послѣ Колодязна татарами былъ взятъ Каменець (см. 1-ю гл.) в Изяславль; изъ Новоградволынска они направились въ Кре- менцу, затѣмъ во Владиміру, послѣ чего опять повернули на югъ,— на Галичь (Покутье осталось тогда не тронутымъ [Шараневича «Из- слѣд.», 50], а было разорено немного позже [ib., 53]). Самымъ запад- нымъ изъ русскихъ городовъ, разрушенныхъ татарами и названныхъ въ лѣтописи, былъ Черненць (Ник. III, 9; о Гадалиць, упоминаемомъ тамъ же, см. догадку у Барсова, стр. 48). Русскую границу Батый переступилъ надъ Вепремъ. Слѣды его шествія до сихъ поръ не из- глядятся на Волыни: одинъ изъ ключей вблизи с. Дермани (въ Дуб. у.) и теперь называется «Батыевкою». См. «Волын. губ. вѣд.» 1867, № 1.

²⁾ Дорогичина, повидимому, разрушеніе не коснулось. См. Ип., 524. — Подъ Холмомъ татары были, но «не возмогоша прияти» (ib., 558). — Не знаемъ, на чемъ основалъ свой разсказъ о взятіи Гродна г. Радзишевскій (см. стр. 4—5 его «Историч. описанія г. Гродно»). — По словамъ Пляно-Карпини (см. 154 стр.), идя на западъ отъ Кіева, татары опустошили всю русскую землю; подобное говорить и наша лѣ- топись (Ип., 558).

³⁾ Mug., lib. VII, col. 670, 672.

⁴⁾ Ип., 524.

⁵⁾ Стр. 154.

⁶⁾ Ип., 527: «Данилови же и Василку женушу по немъ (гово-

лодавы и по озерамъ, много зла створше¹⁾». — Затѣмъ, давши 10-лѣтній отдыхъ²⁾, они начинаютъ опять тревожить югозападную Русь, сначала—юговосточныя только окраины ея³⁾; потомъ небольшой отрядъ отъ Луцка проникъ было уже ко Владиміру⁴⁾. Въ 1258 г.⁵⁾ татары проходили черезъ Русь, идя на Литву⁶⁾. Въ 1259 г. они прошли чрезъ значительную часть югозападной Руси и затѣмъ отправились на Польшу: изъ Люблина они двинулись къ Завихвосту, переправились

рится о Ростиславѣ), вѣсть приде ему, яко Татарове вышли суть и(зъ) землѣ Угорьскоѣ, идуть в землю Галичькую».

1) Ип., 528.—Лѣтописецъ говоритъ о татарахъ, что они въ Венгріи стояша по побѣдѣ три лѣта—*ibid.*, 523. Къ 1243 же году отнесенъ отходъ татаръ изъ Венгріи и въ *Chronicon Claustrico-Neoburgense* и др.

2) Въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ лѣтописей сохранилась легенда о второмъ походѣ Батя въ Венгрію; см., напр., Ник. III, 27—30. Отзвъвъ о ней см. у Карамзина.

3) Подъ 1255 г. (вѣроятно, вм. 1254) лѣтопись (стр. 550) говоритъ о двукратномъ приходѣ Куремсы къ Бакотѣ и о воеваньи около Кременца.

4) Наша лѣтопись не говоритъ о томъ, что во время этихъ походовъ татары проникали до польскихъ границъ, равно какъ не говорить о набѣгахъ на Польшу въ то время и западные анналы. [Въ *Annal. Polon.* I, IV, въ XIX томѣ Пертца (стр. 634—635), набѣгъ татаръ на Польшу 1259 г. прямо названъ *secundus adventus*], но есть нѣсколько актовъ, упоминающихъ о татарскихъ опустошеніяхъ за этотъ періодъ; см. въ *«Gesch. Pol.»* Реппеля S. 525; въ одной папской буллѣ 1254 г. (Н. В. М., I, XC) говорится о татарахъ, старающихся занять и опустошить Ливонію, Эстонію, Пруссію и др. земли Тевтонскихъ рыцарей.

5) Подъ этимъ годомъ татарскій походъ на Литву поставленъ въ лѣт. Новгород. (П. с. р. л., III, 56), Никоновской (III, 39) и Воскресенской (П. с. р. л., VII, 162) и въ Софійскомъ Временникѣ. Сохранились упоминающія о немъ папскія буллы того года.

6) Литовскія лѣтописи передаютъ три довольно сходныя между собою извѣстія о столкновеніяхъ литовцевъ съ татарами, при чемъ, по ихъ словамъ, татары потерпѣли поражение во всѣ три раза (*Strzyk.*, I, 238—239, 247—248 и 249—251). Едвали-бы русскія лѣтописи преминули упомянуть о такомъ важномъ событіи. Въ чемъ состоитъ историческая основа этихъ сказаній, трудно рѣшить. Не изображаются ли въ нихъ позднѣйшія столкновенія съ монголами? По словамъ Стрыйковскаго, послѣ битвы съ татарами, Скирмунтъ завоевалъ Черниговскую и Сѣверскую земли; потомъ онъ раздѣлялъ земли такъ: Любарту даль

черезъ Вислу, взяли Сандомиръ и городъ Лысць¹⁾. Отъ литов-

княжество Карачевское и Черниговское, Писсимунту—Туровъ и Стародубъ, Тройнату—землю Новгородскую, Подляхию и Повилійскую Литву. Разсуждая о басняхъ, изобрѣтенныхъ лит. лѣтописцами, Лелевель говоритъ: »Ce sont donc des faits imaginés à la ressemblance des événements postérieurs qui se sont réellement passés... Skirmund est le conquérant des mêmes pays que, plus tard, Gédimin a conquis. Lubart, fils de Skirmund, possède Tchernigov et Starodoub, de la même manière que Lubart, fils de Gédimin, les a possédés encore du temps de Vitold«. (Франц. переводъ его соч. »Dzieje Litwy i Rusi«). Одинъ изъ »Заволжскихъ царей«, воевавшихъ съ Литвою, названъ Kurdaskierej; не скрывается-ли подъ нимъ какой-нибудь Крымскій ханъ (Гирей)? Мы думаемъ, что и разсказъ о битвѣ Скирмунта съ русскими князьями (Strujk., I, 243—244) представляетъ искаженіе недошедшихъ до насъ извѣстій о борьбѣ Литвы съ Волынскими княземъ Мстиславомъ Даниловичемъ въ концѣ XIII в. или въ началѣ XIV. Тогда въ самомъ дѣлѣ Литвою могли быть взяты Туровъ и Пинскъ. Тоже мы думаемъ и о разсказѣ о битвѣ съ русскими князьями Рынгольта Альгимунтовича (ib., 251—252); Святославъ Кіевскій послѣднѣго сказанія не Станиславъ ли, упоминаемый литовскими лѣтописцами при взятіи Кіева; а Левъ Владимірскій не Левъ ли Даниловичъ?

¹⁾ Ип., 562—565. О Лысць см. у Ходаковского (»Русскій ист. сб.«, VII, 237). Объ этомъ татарскомъ набѣгѣ на Польшу подъ 1259 г. упоминаютъ: Annales capituli Cracov. (Pertz, XIX, 600), Annal. Polon. I, IV (ibid., 634—635), Анонимъ (у Коммерсберга II, р. 82—83) и Башко (ibid., 73); послѣдній точно обозначаетъ время нашествія: »ante festum S-ti Andree«, и его показаніе цвѣторилъ Длугошъ (lib. VII, col. 757), т. е., по ихъ мнѣнію, это случилось въ концѣ 1259 г.; при этомъ Башко говоритъ, что татары оставались въ Польшѣ »pluribus diebus«. Можетъ быть, послѣднее обстоятельство (что татары могли пробить въ Польшѣ до начала 1260 г.) подало поводъ другимъ анналамъ отнести набѣгъ въ 1260 (Chronici Silesiae vetustissimi fragmentum — у Коммерсб. II, 17; Annales Wratislaw. — у Pertz'a XIX, 528; Annales Silesiae superioris — ib., 553; Annal. Polon. III — ibid., 635). О томъ, что это не былъ новый набѣгъ, свидѣтельствуетъ тождество подробностей съ тѣми, которыя находимъ въ описаніи нашествия 1259 г. Длугошъ не поваялъ этой тождественности и принялъ второй набѣгъ татаръ на Польшу — въ 1260 — вслѣдъ за первымъ (lib. III, col. 760 — 761). * Броммеръ полагаетъ взятіе Сандомира 2 июня. Въ одной папской буллѣ (Pertz, XIX, 681—682) о татарахъ говорится, что они напали »in festo purificationis beate Marie sub anno Domini«. Репелль полагаетъ, что это случилось въ маѣ и юнѣ 1259 г. (S. 526); см. разсужденіе о томъ

* Наша лѣтопись, равно какъ и всѣ польскіе анналы, говоритъ объ одномъ походѣ на Литву.

сихъ опустошеній югозападная Русь терпѣла также и въ это время ¹⁾.

При всемъ томъ, въ княженіе Даниіла Галицкаго она успѣваетъ оправиться и вновь достигнуть значительно цвѣтущаго состоянія. Она опять является сравнительно плотно населенною страной ²⁾. Дѣло въ томъ, что, хотя Пяно-Карпини и говоритъ, что большая часть Русскихъ въ этихъ краяхъ была избита или уведена въ плѣнъ татарами ³⁾, вообще истребленіе здѣсь народонаселенія должно было быть гораздо меньшимъ, чѣмъ въ другихъ русскихъ краяхъ. Находившіяся по близости лѣсистыя Карпатскія горы представляли надежное убѣжище туземцамъ этихъ странъ уже во времена древнѣйшихъ народныхъ движеній ⁴⁾; такую же службу они сослужили и теперь. Возвращаясь домой отъ венгерскаго короля послѣ неудавшагося святотства и остановившись ночевать въ Синеводскомъ монастырѣ, Даниілъ, проснувшись, «видѣ множество бѣжащихъ отъ безбожныхъ Татаръ ⁵⁾»; въ этому же

же у Нарушевича (t. V, ks. 1, nota 148). Польскіе анналы (Башко и нѣк. др.) говорятъ, что Сендомиръ былъ взятъ вслѣдствіе вѣроломства русскихъ князей, бывшихъ съ татарами, именно: Василька, Льва и Романа, а Длугошъ, раскрывши это, представляетъ довольно подробный разсказъ, который повторенъ и Репеллемъ (S. 526). Что касается Романа, то его тогда не было въ живыхъ (см. въ главѣ объ отношеніяхъ къ Литвѣ); а въ неблагогородномъ поступкѣ Василька и Льва (особенно перваго) мы сомнѣваемся (лѣтопись ни словечка не говоритъ о какомъ-нибудь участіи русскихъ при взятіи Сендомира), хотя несомнѣнно, что Сендомиръ былъ взятъ какою-то хитростію: о ней упоминаютъ многіе анналы. Намъ кажется наиболѣе близкимъ къ истинѣ разсказъ анналовъ Sanctae crucis (P. XIX, 681), приписывающій хитрость однимъ татарамъ. — Нѣкоторыя нѣмецкія лѣтописи говорятъ о вторженіи въ Польшу подъ 1259 г. (Pertz IX, 795; 560), а подъ 1260 упоминаютъ о столкновеніи татаръ съ рыцарями въ Пруссіи и о поразеніи первыхъ (ibid., 644; 795).

1) См. ниже.

2) Говоря въ одномъ мѣстѣ объ «останѣхъ Галичанъ» (Ип., 526), тѣмъ же не менѣе въ другомъ мѣстѣ она упоминаетъ о взятіи Литвою «великаго полона» (ib., 530); подъ 1249 г. (вм. 1245) въ Ипатскомъ св. около Перемышля упоминаются «тѣземельцѣ многи» (стр. 532).

3) Стр. 10.

4) Szaraniewicz, «Kritische Blicke...», S. 115.

5) Ип., 523.— Не сюда-ли спасались изъ Кіева и тѣ, о которыхъ

времени относятъ основаніе извѣстной Почаевской лавры: говорятъ что удалившіеся изъ Кіева монахи укрылись въ находящихся вблизи ея горахъ ¹⁾. Кромѣ уцѣлѣвшаго стараго населенія, въ югозападную Русь явилось много новаго. Одни приходили по зову Даниїла; таковы были, Русскіе сосѣднихъ областей, Ляхи, Нѣмцы ²⁾; по словамъ лѣтописи, они шли въ Холмъ »день и во день ³⁾«. Другіе прибывали, зная дружественный характеръ князя, надѣясь подъ его покровомъ вести болѣе счастливую жизнь, чѣмъ какую вели въ своемъ отечествѣ; къ числу такого рода переселенцевъ принадлежали Ляхи, уходившіе въ Русь еще до татарскаго нашествія ⁴⁾ и послѣ него: незадолго до Ярославской битвы »нарочиты бодрѣ и инши Ляховѣ избѣгли бяху изъ земли, хотице ити в Данилови ⁵⁾«; бѣжали многіе и изъ татарскихъ областей ⁶⁾. Въ югозападной Руси въ то время было лучше, чѣмъ гдѣ-либо въ иномъ мѣстѣ, и потому сюда устремились Черниговскіе бояре ⁷⁾ и заходили князья изъ Рязани ⁸⁾. Были и насильно приведенные поселенцы. По взятіи и разрушеніи Возвыгя, Даниїлъ »люди изведе и вдасть я на подѣль, ово брату си, ово же Львови, другия Шварнови ⁹⁾«. Въ

въ Воскресенской лѣтописи (П. с. р. л., VII, 153) сказано, что они »бѣжаша въ далныя страны«? Съ Михаиломъ возвратились въ Кіевъ »все людіе«, и »еже бѣху разбѣглися на чюжеи земли придоша на свою землю«.

¹⁾ »Волинскія епархіальныя вѣдомости« 1867, № 2, стр. 27—31.— Сл. »Staroż. polska«, t. II, str. 902.

²⁾ Нѣмецкія ворота упоминаются въ Галичѣ еще до татарскаго нашествія (Ип., 518).

³⁾ Ип., 556.

⁴⁾ См. Hist. Russiae Monim., I, XXXV.—Въ грамотѣ вдовы Лешка Бѣлаго, Гремиславы (1230 г.; у *Nakielski*, Miech. p. 152), читаемъ: »nobis et eisdem testibus ad colloquium procedentibus cum duce Conrado et militibus per eum olm pulsus de Polonia tunc autem per filium ejus de Russia revocatis socus pontem fluminis cui nomen Radomera pertractandum«. См. у Роеpell'я. Есть нѣсколько поселеній, названіе которыхъ имѣетъ связь съ Мазовією и Куавією, но неизвѣстно, когда они основаны.

⁵⁾ Ип., 531.

⁶⁾ Не одного ли изъ такихъ бѣглецовъ надѣлил Левъ имѣніями? Нарушевичъ (t. V., notab. do ks. II) говоритъ: Львовъ »przywlecy padający w Samborszczyźnie dobra niektóre Sienkowi Tatarzynowiczowi w roku 1265. Widzieć w archiwum koronnym«.

⁷⁾ Ип., 525.

⁸⁾ Ibid. 527.

⁹⁾ Ibid., 556.

галицкой области есть нѣсколько мѣстностей, названія которыхъ указываютъ на то, что тамъ были посажены плѣнные, взятые у разныхъ литовскихъ племенъ ¹⁾. Мы думаемъ, что большая часть этихъ поселеній была основана при Данилѣ, по крайней мѣрѣ тѣ изъ нихъ, которыя напоминаютъ Ятвяговъ и Пруссовъ; послѣ Данила войны съ Ятвягами почти не было, а съ Пруссами югозападная Русь столкнулась во время Ятвяжскихъ войнъ также при этомъ князѣ ²⁾; описывая эти походы Данила, лѣтопись нѣсколько разъ упоминаетъ о взятіи имъ плѣнныхъ ³⁾.—Послѣ татарскаго нашествія нѣкоторые города потеряли свое прежнее значеніе, напримѣръ старинные Звенигородъ ⁴⁾ и Тереховль, а нѣкоторые совсѣмъ, быть можетъ, исчезли. Взаимно ихъ является цѣлый рядъ городовъ, построенныхъ Даниломъ. Изъ словъ о томъ лѣтописи ⁵⁾ можно заключать, что этихъ городовъ было много, но намъ извѣстны очень немногіе. Несомнѣнно Даниломъ основанъ, какъ на то указываетъ самое названіе, впервые являющійся при немъ городъ Даниловъ ⁶⁾; по всей вѣроятности, имъ же построенъ Исто-

¹⁾ Близъ стариннаго села Райтаровичъ и близъ Рудокъ есть села, называемая Jadwiegi; есть еще третье село этого названія, находящееся на р. Бобрѣ; потомъ встрѣчаемъ нѣсколько поселеній съ названіемъ Прусы (около Кракова, Самбора, Львова), находимъ Пруссы около Рава, Прусиновъ около Сокала; около Подгаецъ есть Литвиновна, около Комарна — Литовка (Шараневичъ, «Исслѣд.», 84, 87, 91). Въ одномъ документѣ XV стол. упоминается «Старый Литвиновъ» («Русь wewnętrznych stosunków Gal. wschodniej. Szaraniewicza. Lwów, 1869», стр. 53, п. 72). Въ Кременецкомъ уѣздѣ Волынской губ. видимъ (лѣсъ) Пруски, Литовища («Русскій ист. сборн.», VII, 70); въ Острожскомъ у. — «Пруски», въ Ковельскомъ — «Жмудча», въ Луцкомъ — «Литва» (см. выше цитиров. карту Главн. Штаба). По люстраціи 1616 г., къ Холмскому воеводству принадлежала дер. «Жмудь».

²⁾ См. въ главѣ объ отношеніи къ Литовцамъ.

³⁾ Ип., 538, 539, 553 — Замѣтимъ при этомъ, что въ Кременецкомъ уѣздѣ мы нашли «Угорскъ», въ австрійской Галиціи — «Угрикъ», въ Минской губ. — «Угриничи» (цитиров. выше карта, л. 16 и 17), надъ р. Ливцемъ — «Венгровъ».

⁴⁾ Сл. «Старод. Гал. гор.», ч. I, стр. 21.

⁵⁾ Ип., 570: «созда города многи»; 560: «бѣ бо грады иныя зждай (кромѣ Холма) противу безбожнымъ татаромъ».

⁶⁾ Ип., 523; о немъ упоминаетъ и Плато-Карпини (стр. 10); потомъ Давидовъ былъ разметанъ (Ип., 362). О мѣстоположеніи его И. И. Шараневичъ («Стародавни Гал. города, ч. II. Стародавній Львовъ». Львовъ 1861. Стр. 10) говоритъ слѣдующее: «Даниловъ надъ Стры-

жекъ¹⁾; наконецъ, онъ извѣстенъ, какъ основатель Холма. Лѣтопись говоритъ такъ объ устройствѣ Холма: «Лязящу же ему по полю и ловы дѣющу, и видѣ мѣсто красно и лѣсно на горѣ, обходящу округъ его полю, и вопроша товемѣць: «како именуется мѣсто се? Они же рекоша: «Холмъ ему имя есть». И возлюбивъ мѣсто то и помысли, да созиждеть на немъ градець малъ; обѣщася Богу и святому Ивану Златоусту, да створить во имя его церковь. И створи градѣць малъ, и видѣвъ же яко Богъ помощникъ ему и Иоаннъ спѣшникъ ему есть, и созда градъ иный, его же Татарове не возмогоша прияти²⁾». Славянская натура плѣнилась этимъ прекраснымъ мѣстомъ такъ же, какъ нѣкогда была увлечена мѣстностію нынѣшняго Кіева. Нѣкоторые догадываются, что орель, изваянный на столбѣ вблизи города, былъ символомъ послѣдняго, находившагося на высотѣ³⁾. Съ горы, на которой онъ располо-

новъ близъ Озирной р.» Онъ же указываетъ другія поселенія, напоминающія Даниіла: Данилче (около Рогатына), Даниа около Сучавы («Издѣд., 91—92). Сл. «Гал. истор. сб.», I, стр. 101, пр. 33. Прибавимъ двѣ Даниловки, найденныя нами въ Волынской губ.: одна изъ нихъ находится въ сѣверовостоку отъ Стожка, а другая — невдалекѣ отъ Теофиополя.

¹⁾ Упомянуто въ Ип. подъ 1261 (стр. 562). Мнѣніе Ходаковскаго (Карамзинъ, IV, пр. 102, стр. 38) о томъ, что это теперешній *Стожокъ*, вѣрно; онъ ошибся только въ опредѣленіи разстоянія его отъ Кременца, отъ котораго онъ отстоитъ верстъ за 15—20. См. «Волынской губ. вѣдомости» 1868, № 76.

²⁾ Ип., 558.

³⁾ Петрушевичъ объясняетъ иначе: «Изъ выраженія *съ головами* надо заключати, что выставленный каменный орель былъ *двуглавнымъ*, яко знамя или гербъ Даниловой державы (государства), употребляемый византійскими императорами, въ послѣдствіи же во второй половинѣ XV вѣка былъ принятъ великимъ княземъ Иоанномъ III Васильевичемъ за гербъ всей Руси». «Наук. сборн.» 1866, вып. III и IV, стр. 179. — Впервые Холмъ упоминается въ галицко-волынской лѣтописи подъ 1223 г. (Ип., 494), но онъ не тогда былъ основанъ: его не было еще незадолго до Черниговской войны [*Преже же войны Данилови Ч. рниговское*, сѣдѣщу ему в Галичѣ, а Василу в Володимирѣ (дальше въ Ип. сл. слѣдуетъ означеніе года, которое выпускаемъ), воевапа Ятвязѣ около Охоже и Бусовна... *еще бо Холму не поставлену бызгшо Даниломъ*» Ип., 530—531] и — въ то время, когда Конрадъ помогать Михаилу Черниговскому противъ Даниіла [*Кондратови же ставшу кде нынѣ градъ Холмъ стоить...*» (Ип., 516)]; былъ же онъ тогда, когда Даниль въ послѣдній разъ занималъ Галичъ предъ татарскимъ нашествіемъ [*приде вѣсть Данилу, во Холмъ будущю ему...*» *ibid.*,

женъ, открывался видъ на обширную низменность, тянувшуюся продольною полоскою въ югу, и на противоположномъ концѣ этой долины, также на возвышеніи, красовался въ Данилово же время основанный городъ Львовъ, находившійся въ 20 миляхъ отъ Холма. Пожаръ, бывшій въ Холмѣ при нашествіи Куремсы, былъ виденъ во Львовѣ¹⁾.

517); значить, онъ воздвигнуть въ промежуткѣ между этими событіями, г. е. передъ 1240 г. Нѣкоторые — не знаемъ, на какомъ основаніи — называютъ Данила не основателемъ, а только строителемъ Холма («Ки-евскія Еп. Вѣдом.» 1865, № 22. Рѣчь г. Лебединцева въ Холмѣ, стр. 847), и этому, повидимому, можетъ благоприятствовать упоминаніе Холма у Длугоша уже подъ 1073 (ib. III, col. 271 и 272) и въ Никоновской лѣтописи подъ 1072 г. [П. с. р. л., IX, 100; тутъ называется Холмскій епископъ Иванъ, пропущенный въ «Пов. врем. лѣтъ»; сл. цитируемое нами ниже свидѣтельство Суши о Холмскихъ епископахъ; въ латинскомъ каталогѣ Холмскихъ архіереевъ упоминается Іоаннъ I (Janusz) около 1070 и 1072 г.], а также преданіе о Холмѣ, записанное въ XVII в. униатскимъ епископомъ Сусею (см. сочиненіе послѣдняго подъ заглавіемъ: «Phoenix tertiatō redivivus, s. imago longe vetustissima Virginis Matris Chelmensis. Zamoscii. 1684. in - 4»); но приведенныя нами въ текстъ слова лѣтописи рѣшительно не говорятъ о томъ, чтобы здѣсь было какое-нибудь поселеніе до Данила: было только «*мѣсто* врасно и *мѣсто*» на горѣ (ужь, конечно, «*мѣсто*» — не мѣстечко). Нѣкоторые (И. И. Шараневичъ: «Исслѣд.», прим. 87, стр. 59 — 60) думаютъ, что было выстроено Даниломъ два Холма, но лѣтопись ничего подобнаго не говоритъ («созда градъ иный» въ томъ же смыслѣ употреблено, въ какомъ иногда въ новгородскихъ лѣтописяхъ говорится: «заложіи Новгородъ...» въ то время, когда Новгородъ давно существовалъ). Холмъ находился въ украинной отъ Поляковъ, но тѣмъ не менѣе искони занятой русскимъ племенемъ землѣ. Даниль «вопраша *тоземць*», говоритъ лѣтопись. До основанія Холма въ той мѣстности находились Охоже и Бусовно (Ип., 531). Наконецъ, вблизи Холма видны столбы глубочайшей древности, преданіе о которыхъ, записанное два съ лишнимъ вѣка назадъ, приписываетъ ихъ построеніе первымъ русскимъ князьямъ до - исторической эпохи (упоман. рѣчь г. Лебединцева, стр. 846—847).

¹⁾ Ип., 557. Тогда впервые упоминается Львовъ въ нашей лѣтописи. Основанъ онъ былъ нѣсколько раньше. Въ специальномъ своемъ изслѣдованіи, посвященномъ древнѣйшему Львову, И. И. Шараневичъ относилъ основаніе его къ гг. 1250—1255. Въ болѣе позднемъ сочиненіи («Исслѣд.», 60), онъ допускаетъ возможность существованія его уже вскорѣ послѣ татарскаго нашествія. Соглашаясь съ послѣднимъ предположеніемъ, не отвергая даже возможности основанія его Даниломъ въ честь Льва еще до татарскаго нашествія, мы скажемъ, что несомнѣнно существованіе Львова около 1254 г.: въ этомъ году Левъ

Нѣкоторые города были приведены Даниломъ въ лучшее состояніе, напр. Угровскъ¹⁾; вѣроятно, Данилъ основалъ упоминаемый въ послѣднемъ нѣсколько позже монастырь св. Даниліа, въ которомъ пребывалъ въ послѣднее время своей жизни Войшелкъ²⁾. Устроая новые города, Данилъ большую часть ихъ хотѣлъ сдѣлать сильными военными пунктами, которые должны были служить убѣжищемъ для жителей—преимущественно во время татарскихъ нашествій; Хоамъ, напримѣръ, онъ укрѣпилъ весьма высокою башнею, поставленною среди города³⁾.

является съ своими слугами; около 1256 г. Данилъ *сопутуется* съ сыномъ; въ обоихъ этихъ случаяхъ Льва, очевидно, нужно считать самостоятельнымъ княземъ (сл. 3-е прим. на стр. 77); а въ такомъ случаѣ нужно принять, что онъ имѣлъ *свою* резиденцію, которою, вѣроятно же всего, былъ Львовъ. Странно, впрочемъ, слѣдующее извѣстіе галицко-волинской лѣтописи о Войшелкѣ: «И во семь иде... до Галича... тогда же... хрести Юрья Лвовича» (Ип., 567; значить, Левъ жилъ тогда въ Галичѣ?). По одному документу («Гал. ист. сб.», II, пр. 41, стр. 125), Львовъ былъ уже въ 1188 г., но изслѣдователи считаютъ эту цифру ошибочно поставленною. Есть еще папская бумага 1232 г., говорящая о Львовѣ (H. R. M., I, XXXVII), но она, очевидно, ошибочно отнесена въ этому времени; по всей вѣроятности, она принадлежитъ не Григорію IX, а Григорію XI (въ XIV стол.). Не знаемъ, на какомъ основаніи г. Стадниціи («Sku. Ged.», t. II, str. 3) говорятъ: «Tenże, Leo Danilowicz znany w dziejach jako mniemany założyciel Lwowa, czem był rzeczywiście w tem rozumieniu, że do tego już dawniej istniejącego grodu stolice swą przeniósł i tak mu pierwszy znaczenie nadał...»

¹⁾ Въ одномъ мѣстѣ лѣтописи говорится: «Данилови бо князюу въ Володимѣрѣ, созда градъ Угорескъ» (Ип., 558). Но Угровскъ существовалъ еще до Данила (Ип., 483); до основанія Хоамъ онъ, кажется, былъ любимымъ мѣстопребываніемъ Данила, которымъ была учреждена тамъ и епископія. Ип., 506: «Князю же Данилова будущу во Угровсцѣ...»

²⁾ Ип., 573.

³⁾ По словамъ тамошнихъ жителей, остатки ея уцѣлѣли до настоящаго времени, но находятся въ незавидномъ положеніи: на мѣстѣ ея виденъ высокій бугоръ, покрытый отъ основанія до вершины мусоромъ и щебнемъ, съ углубленіемъ по срединѣ. Съ этой возвышенности и теперь, какъ и во времена лѣтописца было, открывается видъ на городскія окрестности на далекомъ пространствѣ. Мѣстная народная молва знаетъ еще о назначеніи башни, но уже забыла славнаго ея основателя. Уцѣлѣлъ также вырытый при Данилѣ и упоминаемый лѣтописью глубокий на горѣ колодезь. Онъ находится невдалекѣ отъ упомянутаго нами бугра и обложенъ изнутри, во всю глубину, тесовымъ

Данилъ не ошибался въ своемъ предположеніи о важности подобныхъ укрѣпленій: это показываетъ долгая осада татарами Козельска ¹⁾ и отступление ихъ во время Батыева нашествія отъ Кременца и Данилова; Колодаженъ былъ взятъ тогда только хитростію: Батый привелъ ко городу Колодажну, и поставилъ порока 12 и не може разбити стѣны, и начать перемолдвлявати люди; они же, послушавше, злого с(ь)вѣта его, передалися и сами избити быша ²⁾. Отъ стѣнъ городовъ югозападной Руси нерѣдко отступали и Венгры ³⁾. Но устроенные Даниломъ города не были похожи на чисто военныя поселенія, въ позднѣйшемъ Московскомъ государствѣ. Онъ заботился, чтобы они не уступали старымъ въ цвѣтущемъ видѣ. Лучшимъ образцомъ вновь сооруженныхъ тогда городовъ можетъ служить Холмъ, съ значительнымъ количествомъ его населенія, съ веселыми его садами и великолѣпными для того времени зданіями, отличавшимися «величествомъ и красотою ⁴⁾». Подобныя зданія, — согласно съ духомъ того времени, главнымъ образомъ церковныя, воздвигались и въ другихъ мѣстахъ: Данилъ «созда города многи, и церкви постави, и украси ѣ различными красотоми ⁵⁾». О Даниловичѣ летопись говоритъ: «и въдасть (Богъ) и въ рудъ Данилу; и обновивъ и созда церкви прекрасну святое Богородици ⁶⁾». Данилъ заботился также о развитіи въ этихъ городахъ промышленности. Квѣнему бѣжало множество мастеровъ отъ татаръ, имѣвшихъ обыкновеніе шадить при набѣгахъ и брать въ плѣнъ ремесленниковъ ⁷⁾: «и уноты и мастерѣ всяци бѣжаху ис Татаръ, сѣдѣлници и лучинци, и тулници,

каменемъ. — Вблизи города былъ поставленъ Даниломъ каменный столпъ (Ип., 559). Не знаемъ точно, гдѣ онъ стоялъ: подъ Холмомъ, какъ мы уже говорили, два такихъ столпа: одинъ изъ нихъ находится у дер. Окшова, недалеко отъ города, др. у дер. Столпье, нѣсколько дальше. О нихъ см. въ «Starożytna polska przez M. Balińskiego i T. Lipińskiego, t. II, Wądrz. 1845», str. 763—766, и въ 22 № «К. Е. В.», стр. 846—847.

1) Ип., 520.

2) Ibid., 523. Вѣроятно, эти укрѣпленія были воздвигнуты Даниломъ въ виду татарскаго нашествія.

3) См., напр., Ип., 532.

4) Ип., 558—560. Воздвигнутая Даниломъ соборная церковь просуществовала до 1640 г.

5) Ibid., 570.

6) Ibid., 524.

7) Плато-Карпини, стр. 180, 192, 54.

и вуаицѣ желѣзу и мѣди и серебру ¹⁾«. Явились художники изъ русскихъ, можетъ быть — ученики иностранцевъ; они употребляли въ дѣло матеріалы, находившіеся въ предѣлахъ русской земли. Вотъ что говорить, между прочимъ, лѣтописецъ о Холмской церкви св. Ивана: «двѣри же ея двоя укусаены каменьемъ Галичкымъ бѣлымъ и зеленымъ Холмскымъ, тесанымъ, изрыты некимъ *хитрецемъ* Авдьемъ ²⁾«. Въ Холмѣ лились также колокола. Вообще онъ былъ центромъ тогдашней промышленности югозападной Руси. Тамъ было особенно много мастеровъ: «и бѣ жизнь, и наполнина (разум. мастера) двory, окрестъ града поле, села ³⁾»; по этимъ словамъ можемъ судить объ обширности города. Такою же значительною величиною отличался Владиміръ: при нашествіи Бурандая, «неможно бысть розметати вборзѣ его величествомъ ⁴⁾».

При такомъ оживленіи югозападной Руси, при ея стремленіи къ просвѣщенной и обставленной всѣми удобствами жизни, то было важно въ княженіе. Данила Галицкаго, что, на ряду съ измѣненіями въ другихъ отношеніяхъ, и культура ея получаетъ особенный оттѣнокъ.

Этотъ особенный характеръ культуры югозападной Руси въ то время обусловился тѣмъ, что въ первую привозопель новый элементъ: она начала развиваться подѣ западнымъ вліяніемъ.

Древняя Русь вообще не чуждалась Запада и входила съ нимъ въ разнообразныя сношенія. Соприкосновенія съ Западомъ были наичаще, что весьма естественно, въ пограничныхъ съ нимъ областяхъ, и въ Галичѣ и на Волыни его вліяніе давало себя знать задолго до Данила, вслѣдствіе весьма нерѣдкихъ взаимныхъ вмѣшательствъ во внутреннія дѣла ⁵⁾. Даже «Слово о полку Игоревѣ» отмѣчаетъ здѣсь западное

1) Ип., 558.

2) Ibid., 559. Нѣтъ основаній считать этого Авдія иностранцемъ.

3) Ibid., 558.

4) Ibid., 562. Сохранилось извѣстіе, что при Владиміръ I этотъ городъ вмѣлъ въ своей окружности семь миль. См. «Вол. Еп. Вѣд.» 1867, № 3, стр. 50. Сл. «Тр. Вол. губ. ст. ком.», 10.

5) Довольно полный очеркъ этихъ соприкосновеній и, притомъ, составленный не по русскимъ только источникамъ желающіе могутъ найти въ не разъ уже цитированномъ нами «Исслѣдованіи на поли отечественной географіи и исторіи» Шараневича. — Первое вмѣшательство русскихъ въ венгерскія дѣла случилось въ 1047 (Thwrosz у Швандтнера: I, 105). По словамъ Татищева (II, 222), Ростиславичи

вліяніе, хотя во внѣшности только. Обращаясь къ Роману и Мстиславу Нѣмому, поэтъ говоритъ: »суть бо у ваю желѣзными папорзи подь *шеломы латинскими*«; въ тремъ Мстиславичамъ въ другомъ мѣстѣ поэтъ взываетъ такъ: »кое ваши златыя шеломы и *сулмы Ляхи и щиты*! ¹⁾—Съ конца XII столѣтія это вліяніе должно было усиливаться: около того времени начала исчезать тѣсная связь между отдѣльными землями, кое-какъ державшаяся до той поры; нужно указать также на особенно учащенные вмѣшательства иностранцевъ. Русскіе этихъ краевъ начинаютъ приглашать къ себѣ на помощь даже Чеховъ ²⁾. Южнорусскіе князья постоянно бѣгаютъ за помощью и спасаются отъ враговъ въ Венгрію и Польшу, чего мы прежде не видимъ. Лѣтопись этого времени, ничего почти не говоря о событіяхъ въ другихъ вѣнжествахъ, касается иногда происшествій Германской имперіи ³⁾. Но, во всякомъ случаѣ до Даніила связь съ остальною Русью была еще сильна. По словамъ Татищева ⁴⁾, Галичане во время утѣсненій отъ Венгровъ искали помощи въ Русь далеко отъ своей родины. Западное воздѣйствіе въ Галичѣ могло также уравниваться Византійскимъ. Галичъ и Византія были сосѣдами. Кромѣ торговли ⁵⁾, ихъ сближали частыя по-

были приглашены на помощь венгерскимъ королемъ еще въ 1119 г.— Венгры столкннулись съ нами враждебно въ первый разъ при Болеславѣ Храбромъ, въ походѣ котораго на Русь они приняли участіе за деньги. См. Thietmari Chronicon, lib. VIII, gl. 16 (у Бѣльвскаго I, 317).

¹⁾ У Мстислава Изяславича на службѣ былъ цѣлый отрядъ Поляковъ: »Mscislaus Dux cum magna gloria rediit ad Russiam pluribus Polonorum militibus eum usque ad Wladimiriam conducentibus et plerisque remanentibus apud eum« Dlug. ad a. 1159, col. 499.—О Ярославѣ Осмомыслѣ у Татищева (III, 280) говорится, что онъ »въ церковномъ чинѣ много исправлялъ и клиросъ устроая и наставляя *зловѣріе* искоренялъ, а мудрости и *правой вѣры* наставлялъ и учить понуждалъ«. Можетъ быть, это »зловѣріе« состояло въ уклоненіи отъ чистоты православія.

²⁾ Ип., 488: »Володиславъ выеде съ Угры и Чехы своими«.—По Ниб. (II, 318), въ 1218 г. и у королевича венгерскаго, когда онъ выпелъ противъ Мстислава, были и Ляхи, и Чехи, и Моравы. То же повторено въ другихъ лѣтописяхъ.

³⁾ Ип. подь 1207 (стр. 484).

⁴⁾ III, 377, 401.

⁵⁾ Греческія издѣлія были распространены въ галицкой землѣ. Это видно изъ разсказа Длугоша о выкупѣ Володаря: »de viginti milibus marcarum argenti pro solutione Wolodori dandis conveniunt, datisque tunc duodecim milibus argenti de solvendo residuo Jaroslai filium obsidem

литических связи и сношения ¹⁾). На Волыни мы сразу видим двух епископов из греков ²⁾).

При Данииле же западнос влияние торжествует и приобретает чрезвычайную силу.

Югозападная Русь была такъ отрубана отъ прочей Руси, что сѣверо-восточныя лѣтописи съ этого времени совершенно почти молчать о ней. Отъ Византіи она также была отдѣлена татарами. Съ сѣвера, востока и юга ее окружали варвары. Они не могли вліять на нее, потому что она питала къ нимъ презрѣніе. Вспомнимъ чувства Даниила при поѣздѣ въ орду ³⁾. Другое дѣло—сѣверовосточная Русь:

ponunt. Postea vero quingentis vasis argenti, scutellis videlicet, picariis et scripiis de opere Graeco allatis, plenam solutionem impendunt. (lib. IV, col. 418). Сл. Тат. II, 226.

¹⁾ Приведемъ въ извлеченіи по книгѣ Стриттера (т. II) извѣстія Квиннама и Ник. Хопіата о сношеніяхъ Галича съ Византією. Владиміро жилъ въ союзѣ съ Эммануиломъ Комнинимъ; потомъ въ союзѣ съ нимъ былъ Ярославъ Осмомыслъ. Послѣдній ласково принялъ бѣжавшаго изъ Греціи—изъ заточенія—Андроника, племянника царствовавшего императора, и далъ ему въ управленіе нѣсколько городовъ. Узнавъ о томъ, греческій императоръ прислалъ въ Андроника двухъ митрополитовъ, примирился съ нимъ, и Ярославъ отпустилъ его съ великою честью, приставивъ къ нему пискупа своего Кузму и мужа своя переднія (Ип., 359. Ние. Хон.). Потомъ императоръ старался разорвать готовившійся союзъ Ярослава съ венгерскимъ королемъ, и Ярославъ обѣщалъ это сдѣлать. Въ 1182 г. Андроникъ думалъ опять бѣжать въ Россію, но былъ пойманъ и замученъ Исаакомъ Ангеломъ. Романъ оказалъ немаловажную услугу Византіи, спасши ее отъ Половцевъ. Послѣ взятія Константинополя крестоносцами, Византійскій императоръ бѣжалъ въ Галичь (Dug., lib. VI, col. 584).—Прибавимъ, что иногда бывали и родственныя связи. Подъ 1104 г. читаемъ въ «Повѣсти врем. лѣтъ»: «Ведена дщи Володарева за царевича за Олексанца, Царюгороду, мѣсяца июля въ 20».

²⁾ Ип., 494: «Данила и Василка Романовичю, бѣху Володимѣрьскыи пискупѣ: бѣ бо Асафъ блаженный и преподобный святитель Святое Горы; и потомъ бѣ Василѣи отъ Святое Горы. Г-нъ У—дскій въ «Историческомъ изслѣдованіи объ епископахъ Волынской епархіи», помѣщенномъ въ 1-мъ № «Волынскихъ епархіальныхъ вѣдомостей» 1867 г., выраженіе «отъ Святое Горы» толкуетъ такъ: «Изъ монастыря, существовавшего не въ далекомъ разстояніи отъ Владиміра Волынскаго»; но лѣтопись подъ Святою Горю разумѣетъ Афонъ. См. Ип., 551 и 568—о Войшепѣѣ.

³⁾ Лѣтописное мѣсто объ этомъ мы приведемъ въ слѣд. главѣ.

она была подвержена постоянному и тяжелому татарскому гнету. На югозападѣ татары являлись на время, какъ враждебная сила, и скоро исчезали. Отъ нихъ могло быть взято только что-нибудь пустое, и это мы и видимъ. «Возвѣха же король (разум.: Венгерскій)... противу же Данилу князю, говорится въ одномъ мѣстѣ лѣтописи ¹⁾, Данило же приде к нему, исполчи вся люди своѣ. *Нѣмци* же диващесе оружью *татарскому*: бѣша бо кони в личинахъ и в коярѣхъ кожанныхъ, и людѣ во ярыцѣхъ... Такимъ образомъ, здѣсь отъсрѣвался полный просторъ западному вліянію и помимо особенно сближавшихъ обстоятельствъ.

Но разсматриваемая нами Русь не оставалась холоднымъ сосѣдомъ Запада, и ея князья сильно лгнули къ послѣднему. Нетерпимость Феодосія къ католикамъ здѣсь давно не имѣла мѣста. Къ нимъ относились безъ чувства вражды ²⁾, нисколько не измѣняя въ тоже время православію и энергически стоя противъ всѣхъ попытокъ папства подчинить себѣ этотъ край. Не забудемъ и того, что Даниилъ, подобно отцу ³⁾, былъ воспитанъ на западѣ. Если и оставалось еще какое предубѣжденіе противъ Запада, оно должно было теперь совершенно исчезнуть въ виду того, что тамъ жили *христиане*, какового бы исповѣданія они ни были, и въ трудную минуту, среди варваровъ, къ кому было протянуть руку, если не къ нимъ? Убѣждая Даниила идти къ венгерскому королю, исполнить желаніе послѣдняго и женить Льва на его дочери, Василько говорить: «иди къ нему, яко крестьянъ есть ⁴⁾». Въ другой разъ самъ Даниилъ, приглашая на помощь польскихъ князей, говорить: «время есть *христьяномъ на погань* ⁵⁾». Русскіе князья ищутъ опоры въ западныхъ христіанахъ, и является дѣлая какъ бы

¹⁾ Ип., 540.

²⁾ Обратимъ вниманіе на то, какъ называетъ лѣтопись папу подъ 1255 г.: Даниилъ «вѣнѣць отъ Бога прія, отъ цервве святыхъ Апостоль и отъ стола святаю Петра и отъ отца своего папы Нельнтія, и отъ всехъ епископовъ своихъ» (Ип., 548). Объ одной католичѣй лѣтописецъ говорить: «много бо послужи Богови по мужи своемъ и святу нарѣчаютъ» (Ип., 484). Романъ дѣлалъ даже пожертвованія въ католическіе монастыри (см. выписку изъ некролога Эрфуртскаго Петрова мон. въ 113 прим. къ т. III «Исторіи» Карамзина).

³⁾ Кадлубекъ говорить о Романѣ: «*menimit... Romanus quanta erga se Kazimiri fuerant beneficia, apud quem pene a cunabulis educatus...*» Ц, 110.

⁴⁾ Ип., 537.

⁵⁾ Ibid., 541.

система взаимнаго вспоможенія, основывавшагося на родственныхъ связяхъ. Содѣйствовавши родственнику своему Сомовиту въ занятію Мазовецкаго престола, Даниилъ и Василько потомъ сказали ему: »добро видѣть еси отъ наю, из(ъ)иди с нами на Ятвегѣ 1)«. Затѣмъ Даниилъ опять помогаль Сомовиту. Предъ Ярославскою битвою Даниилъ и Василько »посласта Кондратови, рекуще: »яко тебе дѣля изыдоша на наю Ляхове, яко помощника ти есѣ. Пославшу же ему помощь 2)«... Породнившись съ Данииломъ черезъ Льва, за котораго выдалъ свою дочь Констанцію, венгерскій король нѣсколько разъ просилъ у него помощи. Одинъ разъ онъ приглашалъ его слѣдующимъ образомъ: »ужика ми и свать еси, помози ми на Чехы 3)«. Исполняя эти просьбы, Даниилъ нѣсколько разъ пособлялъ Белѣ въ войнѣ за австрійское герцогство 4).

1) Ил., 538.

2) Ibid., 538.

3) Ibid., 545.

4) Въ первый разъ это случилось предъ 1249 г. (лѣтопись упоминаетъ о первой помощи подъ 1252: Ил., 540 — 541), потому что императорскіе намѣстники *до того времени* были изгнаны изъ австрійской области (Szalay, II, 74), а лѣтопись говоритъ, что, когда Даниилъ пришелъ на помощь королю, »царь обдержа Ведынь, землю Ракушскую и Штирскую«. — Во второй разъ Даниилъ помогаль Белѣ вмѣстѣ съ Болеславомъ Краковскимъ въ 1253 г. Это не могло состояться въ 1254 г., потому что въ этомъ году съ весны начались переговоры между чешскимъ и венгерскимъ королемъ, окончившіеся миромъ, заключеннымъ 3-го апрѣля (Szalay, II, 77). Въ *Continuationes Cosmae Sapientissimum Pragensesium* подъ 1253 г. говорится о вторженіи въ Моравію и опустошеніи ея не Команами только и Венграми, но и другими народами, хотя прямо Русскіе не названы (Pertz, IX, 174: »Timor obam magnus Chomanorum et aliorum extraneorum irruit super Bohemos...«) Въ 1253 же году отнесено это событіе у Анонима (Sommersb., II, 82), въ *Annal. capituli Cracov.* (Pertz., XIX, 600) и въ *Annal. sanctae crucis Polonicis* (ib., 681). Таже дата, равно какъ несправедливость показанія Богуфала (Sommersb. II, 67; онъ ставитъ 1254-й г.), могутъ быть выведены, если принять въ соображеніе исторію походовъ Романа въ Австрію. Длугошъ (lib. VII, col. 733—735) говоритъ объ одномъ и томъ же дважды: подъ 1253 и подъ 1254 г.г. — На основаніи словъ лѣтописи (Ил., 550): »Лва бо преже отградилъ бѣ королеви«, мы думаемъ, что Даниилъ помогаль Белѣ и въ третій разъ. Въ послѣдній разъ онъ явился къ нему на помощь въ 1260 г., о чемъ говорятъ: письмо къ папѣ Оттокара (Pertz, IX, 184—185 и Н. R. M., II, Appendix, № V), *Germanicum Austriae Chronicon* (Pez, I, col. 1079), *Continuatio praedicatorum Vindobonensium* (Pertz, IX, 728) и Длугошъ (lib. VII, col. 761).

Впрочемъ, Венгры не платили Даниилу благодарностию за это, что видно изъ ихъ поступка съ Романомъ ¹⁾.—Католическое духовенство пользовалось тогда огромнымъ влияніемъ за западъ, и, при его нетерпимости ²⁾, весьма важно было приобрести его голоса. Чтобы найти болѣе живую поддержку оттуда, Даниилъ задумалъ сблизиться съ Западомъ и въ религиозномъ отношеніи. Но, не получая помощи отъ папъ, онъ оставилъ свои намѣренія. Несмотря на разрывъ съ Римомъ, возложеніе на голову Даниила, по инициативѣ послѣдняго, королевскаго вѣнца ³⁾, не заявившее себя сильнымъ влияніемъ на внутреннюю жизнь

Въ «Continuatio...» читаемъ слѣдующее объ участи русскихъ: «Multi Ungari et Rutheni et Comani sunt occisi, sed multo plures in flumine Marchye, nec non in flumine Wach fugente rege Ungariae et filio suo Stephano sunt submersi».

¹⁾ См. объ этомъ ниже.

²⁾ Приведемъ въ примѣръ одно мѣсто изъ буллы папы Григорія IX (Н. Р. М. I, XXXIV): «мы не желаемъ и не должны терпѣть, чтобы вѣрные сочетались съ невѣрными брачнымъ союзомъ, потому что свѣтъ несовмѣстимъ съ тьмою, и неприлично членамъ Христа Спасителя соединяться съ членами пошибаго сатаны, а смоль смѣшиваться съ балъзамомъ». Въ другой буллѣ русскіе ставятся на ряду съ сарацинами и другими врагами католической церкви».

³⁾ Мы думаемъ, что оно случилось осенью 1253 г. *: лѣтопись говоритъ о немъ вслѣдъ за описаніемъ Чешскаго похода; послѣ коронованія былъ предпринятъ походъ на Ятвяговъ, а потомъ было вскорѣ роскалье, очевидно—весеннее (Ип., 549); къ этому же году отнесено Дорогичинское коронованіе Даниила и у Стрыйковскаго (I, 291), который, очень могло быть, въ этомъ случаѣ воспользовался сообщеніемъ какой-нибудь не дошедшей до насъ лѣтописи. Въ нашей лѣтописи находимъ только одно хронологическое указаніе, да и то не удовлетворительное: Даниилъ, по словамъ лѣтописи, былъ коронованъ еще при жизни Иннокентія IV, а послѣдній умеръ 7 декабря 1254 г. Разрывъ съ папою случился не позже начала 1255 г. [см. въ Hist. R. M., I, № XCIII—буллу Александра IV, помѣченную: II. Nonas Martij anno primo (1255)].—Считаемъ не лишнимъ разобрать тутъ свидѣтельства о коронованіи Даниила, находящіяся у Длугоша и у Стрыйковскаго. Первый относить это событіе къ 1246 г.; но соглашеніе съ Римомъ, хотя какое-нибудь, не пришло къ концу еще и въ 1247 г. (см. Н. Р. М., I, № LXXII); притомъ мы не имѣемъ основаній предпочитать Длугоша нашей лѣтописи; послѣдняя можетъ сказать въ оправданіе его только то, что папа предлагалъ корону Даниилу задолго до Дорогичинскаго

* Сохранилась папская булла, помѣченная «II. Idus Maij» 1253, упоминающая о письмахъ къ папѣ Даниила. Не было-ли коронованіе отъчасти на эти письма?

югозападной Руси, много значило для вѣнчанъ ея отношеній. Королевскій титулъ остался за Даниломъ ¹⁾, и католическій миръ зналъ его, какъ *короля*, возведеннаго въ это достоинство *папою*. Западъ ближе познакомился съ Даниломъ и сталъ на него смотрѣть нѣсколько иначе и по другому поводу. Кто изъ ближайшихъ сосѣдей Данила не узналъ его стройныхъ полковъ? По словамъ лѣтописца, кромѣ Данила, «инный князь не входилъ бѣ въ землю Лядьску толь глубоко, проче Володимера великаго, иже бѣ землю крестилъ ²⁾». Тоже говоритъ онъ и относительно Чехіи: «не бѣ бо в землѣ Русцѣй первее, иже бѣ восвалъ землю Чешьску, ни Святославъ Хоробры, ни Володимеръ святый ³⁾». Во время этого похода Данилъ водрузилъ на стѣнахъ одного города свое знамя ⁴⁾, а каковой-то «Гѣрьбортъ присла Данилови мечъ и покорение свое ⁵⁾». Другая лѣтопись говоритъ: «Данилъ Романовичъ по сей славной побѣдѣ въ Чехахъ началъ всюду славенъ быти, яко и папа Римскій величаше его и присла ему свое благословеніе и знаменія кро-

вѣнчанія 1253 г. (Данилъ отвергнулъ ее); онъ называлъ Данила королемъ (*rex*) сразу, — когда и помину не было о коронованіи (Н. Р. М., I, LXII—LXIV); въ 1247 г. онъ чтилъ такимъ же титуломъ и Василька (*ibid.*, LXVII, LXIX, LXXIV, LXXVI). По словамъ Стрыйковскаго, Данилъ былъ коронованъ дважды: въ Кіевѣ въ 1246 г. и въ Дорогичинѣ въ 1253 г. Не вдаваясь въ указаніе нѣкоторыхъ несообразностей въ его разсказѣ, объяснимъ, какъ онъ сложился. Польскіе историки, которыми пользовался Стрыйковскій, говорили о коронаціи Данила подъ 1246 г., а русскіе ставили это событіе подъ 1253 г. Стрыйковскій и пытался примирить это противорѣчіе, принявъ два вѣнчанія и положивши первое изъ нихъ въ Кіевѣ, и не подумалъ о томъ, что, послѣ совершенія одного, въ другомъ не было надобности. Вообще польскіе историки не знали, къ какому времени отнести это коронованіе. Нѣкоторые изъ нихъ, по словамъ Сарницкаго (р. 280), вляли его подъ 1260! въ числѣ послѣднихъ и Кроммеръ (*lib.* IX).

¹⁾ Такъ титулуетъ его самъ папа въ укорительной буллѣ 1257 г. (Н. Р. М., I, XCV); такъ же называетъ его король Богемскій въ письмѣ къ папѣ въ 1260 г., тогда какъ польскіе князья упомянуты имъ подъ названіемъ *duces* (Pertz, IX, 184); наконецъ *rex* ономъ называютъ его и разные анналы, наприм. *Annal. Polon.* I. IV (Pertz, XIX, 636 — 637); Пано-Карпини знаетъ его еще какъ *dux*'а.

²⁾ Ип., 505.

³⁾ *Ibid.*, 545. Лѣтописецъ забылъ про Владиміра Мономаха.

⁴⁾ *Ibid.*, 547.

⁵⁾ *Ibid.*, 548.

левская¹⁾. Русскія войска видѣли даже отдаленную Ригу²⁾. Наконецъ, сынъ Данила сидѣлъ нѣкоторое время на австрійскомъ герцогскомъ престолѣ³⁾. И хотя папа велѣлъ епископу Ольмюцкому и Бреславль-

1) П. с. р. л., II, 341.

2) Ип., 542.

3) Въ 1251 г. Гертруда, племянница послѣдняго австрійскаго герцога изъ дома Бабенберговъ, уступила всѣ свои права на Австрію и Штирію Белѣ. Желая добыть для себя во что бы то ни стало эти земли, Бела рѣшился втянуть въ войну и Данила и для того переуступилъ его сыну свои права на Австрію съ тѣмъ, чтобы тотъ женился на Гертрудѣ, общая помощь ему утвердиться въ тѣхъ областяхъ (въ »Continuatio Garstensis«: Pertz, IX, 599, намѣреніе Бела объяснено такъ: »ut ex hoc ipse rex (i. e. Bela) ducatus Austrie et Styrie sibi posset iustius vendicare«). По приглашенію Бела, Даниль явился съ Романомъ въ Австрію [такъ въ нашей лѣтописи—стр. 545; въ »Continuatio Garstensis« (l. c.) о Романѣ говорится, что онъ »apud ipsuin (i. e. Belam) tunc degebat«], заключилъ съ королемъ договоръ (Ип., 545), и, послѣ того, въ 1252 г. [»Contin. Garstensis«, l. c.; »Contin. praedicat. Vindobon.«—у Pertz'a, IX, 727; »Chronicon Claustro—Neoburgense« у Pertz'a, I, col. 462; »Anonymi Leobienensis Chron.«—ibid., col. 821; подъ 1253 г. мы нашли упоминаніе о томъ только въ »Anonymi Coenobitae Zwetl. Chron.«—у Pertz'a I, col. 982] было совершено въ Гиндбергѣ бракосочетаніе Романа (о томъ, что это случилось въ Гиндбергѣ, говорятъ: »Germ. Austriae Chron.«, ut supra, col. 1074; »Anon. Leob. Chron.«, ut supra, col. 822; »Thomae Ebendorfferi de Haselbach Chron. Austr.«—Pertz, II, col. 729). Король обѣщалъ новобрачнымъ добыть всю Австрію, но Гертруда не вѣрила и заставила его повѣстаться (Ип., 554). Взявъ съ собою сына Гертруды отъ перваго ея мужа будто для того, чтобы женить его на своей дочери (Ип., 555), Бела удалился, оставивъ Романа въ Непфрѣцѣ [Nepregg'ъ, въ которомъ происходила свадьба? У Карамзина (IV, пр. 101) и С. М. Соловьева (III, стр. 232): въ Нейбургѣ. По Szalay'ю (II, 77), Романъ оставилъ жену въ Юденбургѣ]. Тутъ Романъ долженъ былъ поддерживать постоянныя нападенія Оттокара [»Герццою« говоритъ ему: »ужика ми еси и своякъ«, Ип., 554, а родственница Романовой жены была именно за Оттокарюмъ; о нападеніяхъ Оттокара говорятъ и »Continuatio Garstensis«; между прочимъ, тамъ сказано, что Оттокаръ »per consilium et auxilium Alberonis de Chunringe, in inferioribus et superioribus eiusdem terre (i. e. Austriae) partibus iam regnaret«] и тщетно просилъ Белу о помощи: король »не помогашеть ему, леть бо имашеть хотя городовъ его«. Въ концѣ концовъ, въ 1253 г. Романъ (»Chron. Claustro—Neob.«, ut supra; »Anon. Leob. Chron.«, ut supra, col. 822; въ нѣкоторыхъ хроникахъ вся исторія Романа разсказана подъ однимъ 1252 г.: »Contin. Garstensis« и »Contin. praedical. Vindobonens.«, ut supra) ушелъ по увѣщанію самой жены, какъ говоритъ наша лѣтопись, оставивъ ее беременною. Дочь

своему проклясть Данила и, потерявъ надежду на возможность обращенія Русскихъ мирнымъ путемъ ¹⁾, называя ихъ схизматиками и ставя на одну доску съ татарами, проповѣдывалъ противъ нихъ ополченія для насильнаго ихъ подчиненія ²⁾, это не мѣшало католическимъ государямъ и государствамъ дружитья съ ними ³⁾, и югозападная Русь уже не выдѣлялась изъ ряда западныхъ державъ.

Помимо всего этого, много западнаго могла принять культура разсматриваемой Руси чрезъ иностранныхъ поселенцевъ, которые, насколько можно судить, пользовались довольно почетнымъ положеніемъ и считались какъ-бы равными кореннымъ гражданамъ. Въ 1268 г. по Ип. сл. ⁴⁾ во Владимірѣ Марколтъ Нѣмѣчинъ зва въ собѣ всѣ князѣ на обѣдъ, Василька, Льва, Войшелка; и начаша обѣдати и пити и веселитися. О Мстиславѣ Даниловичѣ говорится: »и созва бояры Володимѣрьскыя брата своего, и мѣстичѣ Русци и *Нѣмци*, и повелѣ *передо*

отъ этого брака Марія, по словамъ »*Tabulae Claustro - Neoburgenses*« (Pez, I, col. 1042), »*warde verheirat Hertzog Steffan von Agram gelegen in Windischen Landen. Hertzog Steffan waz König Steffans von Hungern des Fünfften Hauptman in der Steirmarch*«.

1) Послѣ Данила энергическая пропаганда Рима прекращается на долго. Впрочемъ, званіе легата Руси не было уничтожено. См., напр., »*Scarbiec*« № 172.

2) »*Scarbiec*«, № 183, и »Русско-ливонскіе акты, собранные К. Е. Цапберскимъ« (Спб. 1868), № XXII: папская булла 1260 г. Нѣмецкому ордену; Н. R. M., II, App., VI: булла 1264 г. Оттокару.

3) Мы находимъ нѣсколько указаній на то, что князья предпринимали частныя, а не какія-нибудь официальные поѣздки за границу въ иностранныхъ государямъ. Не упоминая о присутствіи въ 1235 г. Данила и Василька при коронованіи Бела, обратимъ вниманіе на то, что въ 1246 г. Василько гостилъ у Конрада Мазовецкаго (Плано-Карпиня, стр. 8; впрочемъ, можетъ быть, они собирались тогда на Ятвяговъ; см. Ип., 541), въ 1261 г. Даниль былъ на свадьбѣ младшаго сына Бела (»*Th. Ebdorfferi de Haselbach Chron. Austr.*«, ut supra, col. 731: »*Nuptiae quoque celebratae in Vienna, in quibus rex Bela cum duobus filiis Stephano et Bela, cum Regibus Rutenorum et Masoviae, genero Regis Belae, et Rege Serviae, cum multis Ducibus praesens aderat*«. Сл. Szalay, II, 87), а въ 1262 г. опять ѣздилъ въ Венгрію (Ип., 566 — 567).

4) Стр. 573. Объ этомъ Марколтъ Стрыйковскій говоритъ (I, 305): »....*Markolt Niemcin pan Ruski, który był zwierzchnim sprawcą i radcą u Danila zmarłego króla Ruskiego*«.

всими чести грамоту братну, о данья земли и воѣхъ городовъ и стал-ного города Володимѣря 1)».

Иноземное вліяніе можетъ быть вреднымъ и губить народность; это доказала бывшая прежде польскою страню Силезія. Дѣло въ томъ, въ какой оно проникаетъ мѣрѣ и какія затрогиваетъ сферы. Въ юго-западной Руси оно не переступило границъ. Главное—не былъ усвоенъ католицизмъ, который не замедлилъ-бы наложить на народъ свою тяжелую, гнетущую руку, и эта Русь осталась православною землею. Безъ всякаго посторонняго насилія, она могла повѣрять и исправлять свое собственное и развивать здоровую, самостоятельную культуру,—при знакомствѣ съ западомъ, но безъ преобладанія его.

Югозападная Русь могла идти съ того времени параллельно съ нимъ, не гоняясь за нимъ, потому что была не ниже его. Что касается сосѣднихъ съ нею Венгріи и Польши, то, быть можетъ, она была еще выше ихъ; такъ думаетъ Д. И. Зубрицкій 2), и, кажется, его мнѣніе вѣрно. Укажемъ прежде всего на то, что мы не замѣчаемъ на сторонѣ Поляковъ и Венгровъ никакого превосходства въ военномъ дѣлѣ. Это видно въ лѣтописи на каждомъ шагу. Мы приведемъ нѣсколько выдержекъ, показывающихъ, какъ относились эти націи къ русскимъ войскамъ. Когда однажды Венгры сошлись съ Данииломъ, «велику же полку бывшую его, устроены бо бѣ храбрыми людьми и свѣтлымъ оружіемъ, оубѣ же видящимъ, не хотяхуть сразитися с нимъ, но клоняхуться на Дѣмьяна и на иные полки 3)». Подъ 1229 г. въ Ип. сп. 4) читаемъ: «Кондрату же любящю Рускый бой»....; подъ 1245 5): «и уведевше ляхове яко вѣрѣще брань Руская належить, начаша просити милость получитьи». Когда Даниилъ пошелъ на помощь Венгерскому королю, «бѣ полковъ его свѣтлость велика, отъ оружія блистающася»; король сказалъ ему тогда: «не взялъ быхъ тысяще се-

1) Ип., 596.

2) «Критико-историч. пов.», стр. 87, § 8.—Смъ слѣд. слова Д. И. Иловайскаго: «наша гражданственность въ XII вѣкѣ стояла почти на равной высотѣ съ нѣмецкою и была выше польскою». («О мнимомъ призваніи варяговъ». «Русскій Вѣстникъ» 1871, № XI, стр. 50).

3) Ип., 512.

4) Ibid., 504.

5) Ibid., 529.

ребра за то, оже еси пришелъ обычаемъ Рускимъ отцевъ своихъ ¹⁾); значить, въ оригинальномъ русскомъ не видѣли ничего дурнаго, напротивъ, находили много хорошаго. А вотъ что случилось во время одного изъ походовъ короля Андрея на Русскую землю. »Пришедшу же ему Володимерю, дивившуся ему, рекъшу: »яво така градъ не избрѣтохъ ни в Нѣмѣцкихъ странахъ«; тако сущу оружьникомъ стоящимъ на немъ, блистахуся щити и оружници подобни солнцю ²⁾«. Если Венгры и теперь еще не вполне освободились отъ азиатской грубости, то можемъ себѣ представить, каковы они были въ XIII в.; такая ихъ грубость достаточно видна изъ мѣстъ лѣтописи о временахъ господства ихъ въ Галичѣ ³⁾. Но оставимъ въ сторонѣ этихъ непосредственныхъ сосѣдей и возьмемъ Европу вообще. Что мы видимъ тамъ? Возрожденіе еще не начиналось, господствовали trivium и quadrivium. Какого рода были наши книжники? Объ одномъ изъ нихъ лѣтопись говоритъ такъ: »Бѣ бо Тимоѣѣи в Галичѣ премудръ книжникъ, отчество имѣа во градѣ Киевѣ, притчею рече слово о семъ томители Бенедиктѣ: яво в послѣдняя времена тремя имены наречется антихристъ ⁴⁾«. Такииъ образомъ, церковность преобладала и въ сатирѣ. Но по одному этому нельзя судить о тогдашней образованности. Авторъ галицко-волинской лѣтописи времени княженія Данила, кромѣ св. писанія ⁵⁾ и отечественной исторіи, которая была извѣстна ему изъ существовавшихъ тогда лѣтописей ⁶⁾, зналъ: Малалу въ древнеболгарскомъ переводѣ ⁷⁾, Евсевія

1) Ibid.. 541.

2) Ип., 510.

3) Подъ 1189 г. кievская лѣтопись говоритъ о Венграхъ: »и почаша насилье дѣяти во всеи: и у мужий Галицкихъ почаша отымати жены и дщери на постелѣ в собѣ, и въ божницахъ почаша кони ставляти и въ избахъ иная многа насилья дѣяти« (Ип., 447 — 448). Галицко-волинская лѣтопись подъ 1205 г. сообщаетъ объ одномъ венгерскомъ воеводѣ слѣдующее: »бѣ бо томитель бояромъ и гражданомъ, и блудъ твора, и оскверняху жены же и черници и попады, вправду бѣ антихр(и)стъ за скверная дѣла его (Ип., 483); о другомъ она говоритъ: »загорѣбоса бѣ« (ib., 492).

4) Ип., 483.

5) Ibid., 494, 499, 528, 552.

6) Ibid., 508 и др.

7) Ibid., 507, строки 26 и 27 и прим. с. См. также »Лѣт. Переяславля-Суздальскаго«, изд. Оболенскимъ (М., 1851), стр. LVII.— По мнѣнію Б. М. Оболенскаго, болгарскій переводъ хроники Малалы,

Кесарійскаго ¹⁾ и другихъ хронографовъ и Гомера, которому иногда даже подражалъ. Очевидно, подъ влияніемъ послѣдняго онъ рисуетъ такую картину въ одномъ мѣстѣ: »Одинъ же воинъ управи десницу свою, иземь рогатицю изъ пояса своего, далече вергъ, срази князя Ятвѣжскаго с коня, и летящу ему до землѣ изыде душа его со кровью, во адъ ²⁾«. Прибавимъ замѣчаніе К. Н. Бестужева-Рюмина: »Читая глгопись южной Руси, убѣждаешься въ значительномъ успѣхѣ въ искусствѣ писанія, котораго достигли наши книжники въ періодъ до нашествія татаръ ³⁾«.

Подобныя явленія во внутренней жизни югозападной Руси были тѣмъ отраденѣе, что сѣверовосточная половина нашего отечества относительно культуры находилась въ иномъ положеніи...

III.

Изъ всего сказаннаго нами до сихъ поръ видно, что въ княженіе Данила Галицкаго югозападная Русь вступила на новый путь, и начала новую жизнь. Съ отбитіемъ Поляковъ и Венгровъ казалось, что никто уже не будетъ тревожить ее извнѣ.

Но и на новой дорогѣ она съ перваго же момента стала встрѣчать препятствія. Какъ разъ въ то время, когда начали выполняться нѣкоторыя условія ея жизни, обозначилось явственно два врага ея самостоятельности ⁴⁾. Одинъ изъ нихъ былъ знакомъ Руси давно, но только до

находящійся въ одномъ сборникѣ съ глго. Переяславля-Суздальскаго, былъ списанъ въ 1261 г., и рукопись, которою пользовался Оболенскій, — точная копія съ этого древняго списка (*ibid.*, XXII). Вставленная русскимъ переписчикомъ замѣтка о литовской миеологии наводитъ на мысль, не на югозападѣ ли онъ жилъ.

¹⁾ Ип., 544.

²⁾ *Ibid.*, 552—553.

³⁾ »Русская исторія«, I (Спб. 1872), стр. 254.

⁴⁾ Современники точно также смотрѣли на дѣло, если считать подлинною рѣчь митрополита Кирилла, приводимую Татищевымъ подъ 1226 г. (III, 444); тамъ, между прочимъ, сказано слѣдующее: »Къ тому же время настоящее наипаче требуетъ отъ васъ (внѣзей) согласія, понеже со стороны Татара, а съ другую Литва предѣлы Рускіе губятъ«.

разсматриваемой нами эпохи отличался не такими стремлениями, другой тогда только что явился. Мы говоримъ о Литвѣ и татарахъ. Въ стремленіи подчинить себѣ югозападную Русь они смѣнили собою западныхъ ея сосѣдей, принужденныхъ прекратить свои притязанія.

1. Обращаемся къ Литвѣ.

Трудно допустить, чтобы она была мирнымъ сосѣдомъ Руси даже въ первое время, когда наши лѣтописи начинаютъ говорить о столкновеніяхъ съ нею¹⁾. Правда, онѣ вовсе не упоминаютъ объ ея нападеніяхъ до половины XII в.²⁾, а извѣстія о томъ иностранныхъ лѣтописцевъ не могутъ быть приняты въ расчетъ³⁾; но это еще не гово-

¹⁾ Народы литовскаго племени уже готовы были тогда выступать за свои предѣлы съ цѣлью грабежа. Кадлубекъ говоритъ объ извѣстномъ Маславѣ: »Nec XX exercitatissimorum Cuspidariorum contra Casimirum armat exercitus exceptis Sagittariis balistis bipennantibus spatariis, imo etiam Finitimis, tam equitum copiis quam peditum, qui eo spe questus illecti confluerant: fortunam seculi non hominem!—Quibus omnibus a Casimiro confectis, non minores rursus vires instaurat: quatuor Maritimorum acies, totidem Geticas (подъ *Getae* Кадлубекъ разумѣлъ пруссовъ), nec non Dacorum ac Ruthenorum larga asciscens suffragia: quos nulla remoratur difficultas, non ut Amico morem gerant, sed ut hosticam odii rabiem, ut antiquam invidiae sitim cruore Polonorum expleant» (Pars I, p. 112—113). По словамъ Длугоша (lib. III, col. 223), Маславъ возбудилъ *Pruthenos*, ad quos confugerat, *Jacuingos, Slonenses, caeterique Pruthenici tractus barbaros*. Стрыйвовскій говоритъ о нападеніяхъ литовцевъ на Польшу послѣ смерти Мечислава II (str. 161: »A Polskę bez zwierchnego pana, kto się nie lenił, najezdzał i trapił, tak Czechowie, Niemcy, Węgrowie, jako i Prussowie pogani z Litwa») и при Казимірѣ [по словамъ Стрыйвовскаго (I, 163), Ярославъ Казимира »zawždy rycerstwem Ruskim, przeciw Niemcom, Mazurom, Prussakom, Litwie i Czechom radował«]; въ другомъ мѣстѣ (str. 85) онъ говоритъ о набѣгахъ на Польшу съ старыми пруссами одного изъ древнѣйшихъ жмудскихъ князей — Сперы.

²⁾ Сомнѣніе можетъ быть только о разбитіи въ 1106 г. Змигтолю Всеславича и его братьевъ (И. с. р. л., I, 120), но и въ этомъ случаѣ больше основанийъ вѣстѣ съ Карамзиннымъ (И. Г. Р.; II, стр. 82) думать, что нападавшими были подолиціе князья. Татищевъ (II, 204) такъ и говоритъ.

³⁾ Длугошъ (lib. IV, col. 394), говоря о походѣ Ярослава Святоподковича [совершившемся по словамъ Ип. сп. въ 1112 г. (Ип., 196)], упоминаетъ послѣднихъ »gentem molestam infestamque per frequentes excursiones Ruthenis«; но извѣстіе о походѣ взято Длугошемъ, какъ это видно изъ сличенія его разсказа съ кievскою лѣтописью, цѣлкомъ изъ послѣдней, и если въ ней нѣтъ сказаннаго имъ въ приведенныхъ нами

рять противъ нашего предположенія: нападешя литовцевъ, по всей вѣроятности, были незначительны и, пожалуй, не часты, и потому могли быть и не упомянуты въ лѣтописяхъ мѣстностей, на которыя не были устремлены; мѣстныя же лѣтописи княжествъ, страдавшихъ въ то время отъ литовцевъ¹⁾, до насъ не дошли. Русскіе были тогда сильны благодаря тому, что между князьями не было еще того разобщенія, какое мы видимъ впоследствии, и, не ограничиваясь только отраженіемъ нападешя, предпринимали походы въ глубь самой Литвы съ цѣлью усмирешя ея обитателей, а иногда, быть можетъ, и съ цѣлью обложенія данью, или прямо съ цѣлью обогащенія добычею и въ особенности плѣнными²⁾. Еслибы Русь представляла собою цостоянно одно

словахъ, то слова Длугоша нужно признать выдуманнымъ имъ самимъ объясненіемъ на основаніи того, что ему было извѣстно о Ятвягахъ позднѣйшаго времени. Стрыйковскій повторилъ разсказъ Длугоша (I, 183). — У Длугоша подъ 1103 г. (lib. IV, col. 352) говорится слѣдующее: «*terrae Russiae a Ruthenis et Lithuanis vastatae sunt*»; то же повторилъ и Мѣховитъ, поставивши только вмѣсто *Ruthenis* — *Pruthenis* (*Ruthenis* въ текстѣ Длугоша, очевидно, опечатка), а Стрыйковскій (str. 181) къ пруссамъ и литовцамъ прибавилъ ятвяговъ. Длугошъ въ этомъ случаѣ исказилъ слова нашихъ лѣтописей, подъ тѣмъ же годомъ сообщающихъ, что на русскую землю нашли пружи, т. е. саранча. Ту же грубую ошибку допустилъ онъ и прежде подъ 1089 г. (lib. IV, col. 316, C); въ «Нов. врем. лѣтъ» говорится подъ 1095 г. слѣдующее: «придоша пружи, мѣсяца августа въ 28, и покрыша землю и бѣ видѣти страшно, идяху къ полунощнымъ странамъ, ядуща траву и проса» (II. с. р. л., I, 98); у Длугоша читаемъ: «*Succedunt Poloweys Prutheni et 28 Augusti terras Russiae in magna multitudine ingressi vastant illas*». Стрыйковскій (str. 175) къ пруссамъ опять прибавилъ литовцевъ и ятвяговъ.

¹⁾ Княжествъ: Волынскихъ, Полоцкихъ, Турово-Пинскихъ.

²⁾ О плѣнныхъ упоминается часто. Такъ объясняемъ мы походы: Владимира Св.—на ятвяговъ (983), Ярослава — на нихъ же (1038) и на литовцевъ (1040 и 1044), Изяслава — на Голядь (1059), Бориса Полоцкаго — на ятвяговъ (1102), полоцкихъ князей — на Зимброду (1106), Ярослава Святополчича — на ятвяговъ [1112 г. (Ип., 196) и 1113 (II. с. р. л., I, 127, гдѣ сказано: «Ходи Ярославъ, сынъ Святополчъ, на Ятвягы *сторое*)]. Мстислава Мономаха — на Литву [1130: Татищ. II, 231. и 1131 по Лавр. (II. с. р. л., I, 132); подъ 1132 г. говор. о послѣднемъ походѣ: Ип., 212; подъ 1131: Нив. въ II. с. р. л., IX, 157; Воскрес. *ibid.*, VII, 29]. Наши лѣтописи, по большей части, не вдаются въ подробности объ этихъ походахъ и не указываютъ оснований, по которымъ они были предприняты. Побужденія, которыми ру-

политическое цѣлое, то очень могло бы статься, что она покорилась бы въ концѣ концовъ литовское племя. Но, при отсутствіи этого условія, если Русскимъ и удавалось иногда обложить данью литовцевъ, то такая зависимость послѣднихъ никогда не продолжалась долго ¹⁾. Иногда

водились князья; можно уловить, быть можетъ, только въ разсказѣ о весьма немногихъ изъ нихъ. Такъ, напр., можно думать, что походъ на ятвяговъ Бориса былъ предпринятъ съ цѣлью добычи, потому что сообщающій о немъ Татищевъ говоритъ (II, 199): «Борисъ Всеславичъ Полоцкій ходилъ на Ятвягъ и, побѣдя ихъ, возвратясь, поставилъ градъ Борисовъ въ свое имя и людьми населилъ» (у Даниловича же: «Latorpisiec Litwy i kronika Ruska», Wilno 1827, str. 122, прим. 16, говорится, что Борисовъ основанъ Борисомъ Всеволодовичемъ; показанія объ основаніи Борисова литовскихъ лѣтописей мы приведемъ ниже), равно какъ и походъ на ятвяговъ Ярослава Святополчыча (Татищевъ говоритъ о немъ, что онъ «побѣдя ихъ многихъ побилъ, но плѣнниковъ мало досталъ, понеже никто живъ дань не хотѣлъ, а въ лѣса за ними гнаться Русскіе не смѣли»).

¹⁾ Длугошъ говоритъ, что до 1205 г. литовцы были постоянными данниками Русскихъ. Подъ 1205 г. у него читаемъ: «Tunc quoque primum Lithuanicae gentis nomen, quod in eum latebat diem, auditum: serui enim Ruthenorum existentes, annis pluribus perisomata et suberes pendeabant (lib. VI, col. 599); къ тому же предмету онъ возвращается еще нѣсколько разъ; lib. X, col. 116: «Principes Russiae et Kiouiensis profectibus eorum (i. e. Lithuanorum) permoti, ipsos, quoniam silvas eorum ditionis occupassent, vile tamen et modestum in signum tantummodo ditionis et domini, illos coegerunt. Pendebantque pro tributo annis multis ex quercinis frondibus perisomata, cum crassius ab his, ob terrae sterilitatem, excipi non possent; подобное же читаемъ выше—col. 115, A; lib. X, col. 117: «impertent nunc Ruthenis, sub quorum imperio annis prope mille, veluti servile vulgus, fuere». Мѣховитъ къ *perisomata* и *suberes* прибавилъ *pelles*. Это свидѣтельство Длугоша рѣшительно не выдерживаетъ критики: какъ увидимъ ниже, нападенія литовцевъ начались задолго до указываемаго Длугошемъ времени выступленія литовцевъ на сцену; но и до начала этихъ постоянно упоминаемыхъ въ лѣтописяхъ набѣговъ частые походы князей, начиная съ Владиміра I, показываютъ, что Русскіе не могли прочно утвердить тамъ свою власть. — Стрыйковскій также считаетъ данничество со стороны Литвы преобладающимъ явленіемъ въ отношеніяхъ ея къ Руси въ первый періодъ, но считаетъ — съ значительными ограниченіями въ сравненіи съ Длугошемъ и вообще характеризуетъ отношеніе Русскихъ и литовцевъ довольно близко къ истинѣ. Вотъ его слова: «...Rusey monarchowie po dlugich a cseslych z nimi wojnach, jako moźniejszy, tak srogo byli zwyciezyl, zniewolili, zholdowali i zcisneli, ze w lesiech Litwina z Zinodzinom do tych czasow ani slychac bylo, bo sie jeszcze gruntownie nie rozkrzewili byli. A Ruska mo-

Русскіе терпѣли даже неудачи во время походовъ. Прѣставшіеся въ лѣсахъ жители, предоставлявшіе нападавшимъ грабить ихъ села, ударили нечаянно на отставшихъ ¹⁾).

Начиная со второй половины XII столѣтія, можно положить второй періодъ въ отношеніяхъ Руси въ Литвѣ, когда послѣдняя является энергическимъ нашимъ врагомъ. О ея набѣгахъ начинаютъ говорить

parchia nie tylko Litwie... w postrach była z dawnych lat, zwłaszcza lata od Chrystusowego zhawiennego narodzenia 861, czasu Holga, Igora, Rurika, książąt, także za Swentosława, Włodzimirza i Jarosława... za których też monarchów Ruskich już Litwa była znaczna, ale Rusi, dla przyległości, poddana być musiała (сл. str. 219: «służyła Litwa Rusi»; сл. также рассказъ о Монтивилѣ Гимбутовичѣ на стр. 234). Wszakże gdy upatrzylі czas, do Ruskich księstw najeżdżali. (I, 217).—Въ древнѣйшихъ нашихъ лѣтописяхъ мы нашли одно только указаніе на платежъ Руси дани со стороны литовскихъ племенъ: «А се суть иніи азыци, иже дань даютъ Руси: Чюдь,... Литва, Зимигола, Корсь...» (П. с. р. л., I, 5). Въ *Переясл.* прибавлено о Литвѣ: «испрѣва исконниі данници и конокрѣмци». О ней говоритъ также Воскресенская лѣтопись (П. с. р. л., VII, 164 и 253) и упоминаютъ наши народныя пѣсни. Въ одной былинѣ («Пѣсни, собранныя П. Н. Рыбниковымъ», ч. I. М. 1861, № 12, стр. 73) Илья Муромецъ говоритъ:

Жилъ я во хороброй Литвы
По три-году поры времени,
Выхаживалъ выходы отъ князя Владиміра.

Сл. слова Кояловича (*Historia Lithvaniae*, t. I, p. 36), что Литва находилась въ зависимости отъ Русскихъ, когда Владиміръ княжилъ въ Новгородѣ.—Приведемъ здѣсь еще два слѣдующія извѣстія Татищева: «983. Ходилъ Владиміръ на Ятвягъ, и побѣдя ихъ, *покоря землю себѣ*, возвратился къ Кіеву» (II, 62); «1040. Ярославъ ходилъ на Литву, которыхъ покора, возложилъ дань и возвратился».

¹⁾ Къ извѣстію начальной лѣтописи о томъ, что Ярославъ I Владиміровичъ ходилъ на ятвяговъ, въ Нив. (П. с. р. л., IX, 81), Воскрес. (*ib.*, VII, 331) и Соф. Врем. прибавлено, что онъ не могъ ихъ взять; въ нѣкоторыхъ спискахъ, напротивъ, прибавлено: «И побѣди»; у Татищева мы находимъ: «Ходи Ярославъ на Ятвяги и побѣдилъ ихъ, но градовъ (?) ихъ взять не могъ, ибо не хотѣлъ со стѣнами битися и людей терять, скота же и имѣнія по селамъ множество набравъ, возвратился» (II, 107); не пытался-ли этимъ Татищевъ примирить разнорѣчивыя показанія? — О второмъ походѣ Мстислава Владим. Кіевская лѣтопись говоритъ: «и пожгоша я (т. е. литовцевъ), а сами ся разкорониша, а Киань тогда много побиша Литва, не втягли бо бяху съ княземъ, по послѣди идлху». Сл. Татищева II, 242. О прятаніи въ лѣсахъ *ibid.*, 210, 241—242.

лѣтописи всѣхъ смежныхъ съ нею русскихъ земель. Нельзя сказать, чтобы литовцы оставались безъ возмездія. Нерѣдко они терпѣли жестокія пораженія въ русской землѣ¹⁾, не говоря о томъ, что отъ нихъ часто отнимали добычу²⁾, но это ихъ не останавливало, равно какъ и походы Русскихъ на Литву, которые были предпринимаемы не всѣми князьями вмѣстѣ, а порознь, при чемъ, конечно, князья не были особенно страшны литовцамъ³⁾. Сами же литовцы въ своемъ бытѣ, мало

¹⁾ Въ 1210 г. они были избиты новгородцами въ Ходынцахъ. Въ 1219 г. Мстиславъ Черниговскій избилъ всю нападавшую Литву; въ 1225 г. Ярославъ, нагнавши литовцевъ, не только отнялъ добычу, но и избилъ ихъ 2000.

²⁾ Напр., новгородцы — въ 1200 г.

³⁾ Татищевъ подъ 1173 (III, 182 — 183) говоритъ о походѣ на Литву Романа Смоленскаго, но въ лѣтописяхъ о немъ нѣтъ ни слѣда и намека. Затѣмъ извѣстны походы: псковскаго тысяцкаго Будды — 1183 г. (Тат. III, 252); полоцкихъ князей на Литву, а новгородцевъ съ Ярославомъ Владиміровичемъ — на Змиеволу [по Никон. II, 257, знающей только о послѣднемъ походѣ, это случилось въ 1191 г., а по Татищеву (III, 301) — въ 1192 г.]; Ольговичей на Литву въ 1205 г. [такъ въ *Кеннб.*, стр. 299 (сл. П. с. р. л., I, 179); по словамъ Новгородской лѣтоп. (П. с. р. л., II, 26), Никон. (II, 277), Воскрес. (П. с. р. л., VI, 108), Татищева (III, 338), это случилось въ 1203 г. Въ дошедшихъ до насъ извѣстіяхъ это столкновеніе съ Литвою представляется различно. Наши лѣтописи просто говорятъ: «Побѣдиша Ольговичи Литву, и убиша ихъ 1700». Татищевъ утверждаетъ, что Ольговичи предпринимали походъ на Литву по приглашенію полоцкихъ князей. Другошъ нападавшими считаетъ литовцевъ; Стрыйковскій, на основаніи неизвѣстныхъ намъ данныхъ, говоритъ (I, 215), что литовцы были побиты, когда возвращались съ набѣга, подстерегавшими ихъ Ольговичами »w Słomińskich polach.]. Потомъ извѣстно нѣсколько походовъ Романа Вел. Наши лѣтописи упоминаютъ только объ одномъ изъ нихъ. предпринятомъ имъ въ 1196 г. на ятвяговъ для отомщенія имъ за набѣга (—на Подляшіе, прибавляетъ Татищевъ III, 324—325; Ип. спис. подъ 1196 г., стр. 471); но онъ ходилъ и на собственную Литву и даже далѣе, какъ о томъ свидѣтельствуетъ «Слово о полку Игоревѣ». Обращаясь къ Роману и его двоюродному брату Мстиславу, поэтъ говоритъ: «Тѣми тресну земля и многи страны Хинова, Литва, Ятвязи, Деремела...» («Слово о полку Игоревѣ» по изд. 1800, стран. 31—32); Деремела, по Карамзину (III, прим. 114), — одинъ изъ латышскихъ народовъ. На основаніи Стрыйковскаго, можно думать, что этихъ походовъ на Литву было нѣсколько; вотъ его слова: *Aż iż Litwa wybyła tu się często z poddaństwa, jako lud pogański nieuchamowany i niespokojny, tedy ile uphów Litewskich przez miecz dostał, wszystkich de*

знакомомъ съ земледѣлемъ, не находилъ, иажего, привѣрѣпавшаго къ мѣсту¹⁾. Одному только могущественному Роману удалось сколько-нибудь обуздать ихъ²⁾. Не находя дружнаго и потому сильнаго отпо-

bydłęcych robót, co miały konie i woły robuc, przzymuszał«. Тоже самое онъ рассказываетъ выше (str. 202) о Романѣ Ростиславичѣ, къ которому, по его словамъ (тоже повторяетъ и Татищевъ III, 188), относится известная поговорка: «Романъ, Романъ! лихимъ кормишься, Литвою орешь»; но справедливѣе вмѣстѣ съ Карамзинымъ (III, пр. 114) отнести это къ Роману Мстиславичу, который известенъ своими походами на Литву и «бѣ изоострился на поганья яко левъ» (Ип., 540) и «губяше яко и коровднѣ, и прехожаше землю ихъ яко и орель» (ibid., 480), и къ характеру котораго это болѣе шло; не повторять ли Татищевъ словъ Стрыйковскаго? впрочемъ, у него эта поговорка является въ нѣсколько иномъ видѣ. — Въ 1200 г. ходилъ на Летьголу великолудцій воевода Незделя Пехяничъ (Ц. с. р. л., III 25). Въ 1224 г. на Литву ходили жители Русы, но были разбиты (ibid. 39). — Въ концѣ XII-го стол. Рюрикъ Ростиславичъ нѣсколько разъ собирался на Литву (одинъ разъ въ 1190 г. и два раза въ 1193 г.), но всякій разъ ему что-нибудь мѣшало (Ип., 452, 455, 456). — Мы перечисляемъ походы, случившіеся до выступленія Даниила въ качествѣ самостоятельнаго дѣятеля.

1) По всей вѣроятности, всѣ граничившія съ Русью литовскія племена пребывали въ томъ же бытѣ, какой мы находимъ въ XIII ст. у ятвяговъ. Образъ жизни послѣднихъ прекрасно описанъ Яромевичемъ («Obraz Litwy», cz. I, str. 15—16). Рассказывая о походѣ 1261 г. на литовцевъ, самогитовъ, ятвяговъ и др., Длугошъ (lib. VI, col. 702) говоритъ, что они сѣяли хлѣба мало: «cum residuum iter, quo in interiora Lithuanorum et aliarum nationum peruersatum penetrandum erat viscosum, et pluribus difficultatibus refertum esset, fames quoque pabulorum, barbaris frumenta pauca serentibus, et haec ipsa in sylvis et paludibus occultentibus, crederetur exercitui tanto occursura...» — О ятвягахъ Длугошъ сообщаетъ (ad a. 1264, lib. VII, col. 771), что они «pecore plurimum abundabant».

2) Strykowski, str. 211: «Litwę też i Jatwiezów, ludzi lesnych w sąsiedztwie przyległych, zwojował, zholdował i do podległości Ruskiego szosa przurzędził». Если вѣрить Стрыйковскому, то они были даже принуждены идти подъ его знаменемъ въ его послѣднемъ походѣ на Польшу (str. 212: «...zebrał wielkie wojsko jezdne i piesze, prawie ze wszystkiej Rusi, z Jatwiezów i z Litwy»). Нѣкоторые польскіе историки вмѣстѣ съ его смертію кладутъ освобожденіе литовцевъ отъ русскаго гнета. — Народъ помнитъ Романа Мстиславича именно съ этой стороны его дѣятельности. Когда въ одной былинѣ (Рыбниновъ, I, № 73) племянники литовскаго короля просятъ на Русь, онъ говоритъ:

ра, небольшіе отряды литовцев¹⁾ едва ли не ежегодно выривались на быстрыхъ коняхъ²⁾ изъ лѣсовъ; трубя въ длинныя трубы, одѣтые въ шкуры, съ такими же шапками, вооруженные самымъ простымъ образомъ, они нападали на русскія земли, грабили все попадавшееся, особенно скотъ, жгли, чего не могли взять, и особенно старались увести побольше плѣнныхъ, изъ которыхъ нѣсколько человѣкъ приносили иногда въ жертву богамъ. Если же ихъ настигало русское войско, они вступали въ бой съ крикомъ и подражая разнымъ голосамъ: верѣдко не уступали до конца и ложились все на мѣстѣ. Если ихъ не успѣвали поймать на чистомъ полѣ, то пужно было оставлять всякую мысль о преслѣдованіи: они разбѣгались по болотамъ, озерамъ, островамъ, прятались въ ущельяхъ³⁾. Литовцы начинаютъ разыгрывать на запад-

• Не дамъ я вамъ силы сорокъ тысячъ
И не дамъ прощеньяца благословеньяца,
Чтобы ѣхать вамъ на святую Русь,
Ко князю Роману Мигрѣвичу на почестный пирь,
Сколько я на Русь не ѣзживалъ
А счастливъ съ Руси не выѣзживалъ.
Поѣзжайте вы во землю во Левонскую... •

Довозательства того, что это относится къ Роману Мстиславичу, см. въ замѣткѣ П. Б. на концѣ сборника (стр. IV—V).

1) Самая большая цифра, упомянутая въ лѣтописяхъ, — 7000 человѣкъ; въ 1200 г. новгородцы убили 80 человѣкъ изъ нападавшихъ.

2) Есть, впрочемъ, примѣры, что они воевали и пѣшкомъ. Ип., 513.

3) Такое описаніе литовскихъ набѣговъ мы предложили на основаніи довольно нагляднаго изображенія ихъ у Стрыйковскаго на стр. 215, 220 и 235. Наши народныя пѣсни также не забыли ихъ (см. у Рыбникова № 73 и 74). Литва въ этихъ пѣсняхъ называется, большею частію, «хороброу» (ibid., 72, 73, 178—186, 187, 202, 236 стр. и д.). Стрыйковскій говоритъ о набѣгахъ Литвы и ятвяговъ еще во времена Романа Ростиславича (I, 202). На юго-зап. Русь лѣтопись впервые упоминаетъ о нападеніяхъ ихъ въ княженіе Романа (Ип., 471). Псковь, по лѣтописямъ, подвергся первому нападенію, кажется въ 1183 г. (П. с. р. л., III, 18); около этого же времени кажется, начали терпѣть отъ литовцевъ и новгородцы; въ лѣтописи читаемъ: на Ярослава Владиміровича «негодовахуть Новгородьци, зане мною творяту пакости волости Новгородскы» (ibid.). На смоленскую область извѣстно нападеніе 1217 г. (о немъ сохранилось извѣстіе только у Длугоша, lib. VI, col. 602, который занесъ его подъ 1207 г.; за неимѣніемъ мѣста для этого, мы отлагаемъ объясненіе того, почему мы считаемъ вѣроятнымъ это извѣстіе и почему отнесли его къ 1217 г.). На Черниговъ

ной окраинѣ ту же роль относительно насъ, какую на востокѣ выполняли Половцы, не исключая того, что стали принимать участіе въ усобицахъ русскихъ князей ¹⁾).

Съ такимъ же характеромъ разбойническаго, расчлененнаго на множество мелкихъ волостей народа является Литва и при Данилѣ. При этомъ, изъ трехъ, примыкавшихъ болѣе или менѣе къ границамъ его владѣній, литовскихъ племенъ—Литва и Жмудь готовы были входить въ сдѣлку, какъ это мы видимъ въ договорѣ о мирѣ, заключенномъ между 1219 и 1221 гг. ²⁾. Договоръ этотъ, сколько можно замѣтить, поддерживался довольно долго ³⁾. Въ это время Литовцы были даже полезны Данилу, принудивши Лешка своими набѣгами на Польшу, по приглашенію перваго, къ заключенію мира съ Даниломъ и прекращенію непріязненнаго образа дѣйствій относительно послѣдняго ⁴⁾. По словамъ Стрыйковскаго ⁵⁾, они помогали и Мстиславу въ его походѣ на Галичъ. Но около времени татарскаго нашествія договоръ, вѣроятно, потерялъ силу, и мы встрѣчаемъ постоянныя вторженія литовцевъ, хотя, какъ

извѣстенъ набѣгъ литовцевъ въ 1209 г. [Нак. II, 344;—Воскр. II. с. р. л., VII, 128,—въ 1220 г. это отпоситъ, Стрыйковскій (I, 233)—къ 1218 г.]. Особенно должны были страдать волости полоцкія и турово—пинскія (указаніе о послѣднихъ см. въ Ип., 503, 530, 531; Strykowski, I, 215). И. Д. Бѣляевъ представляетъ въ черзчуръ розовомъ цвѣтѣ отношенія полочанъ и литовцевъ.

¹⁾ Ип. сп. подъ 1162, стр. 355: »приходи Рогволодъ (одинъ изъ полоцкихъ князей) на Володаря съ Полотъчаны въ Городцю, Володаръ же не да ему полеу во дне, но ночь выступи на нь изъ города с *Литвою*...—Литва участвовала въ походѣ 1169 г. на Кіевъ (II. с. р. л., IX, 237).—Ип., 1180 г., стр. 419: »И придоша Полотъскіи князи въ стретенис, помагающе Святославу: Васильевичи Брячславъ изъ Витебска, братъ его Всеславъ съ Полочаны, съ ними же бяхуть и *Либъ и Литва*....»

²⁾ Лѣтописъ говорить о немъ подъ 1215 г. и помѣщаетъ его между первымъ изгнаніемъ Мстислава изъ Галича и вторымъ его походомъ на послѣдній.

³⁾ Въ 1229 г. литовцы воевали съ поляками; »*мняще мирни суще*, и придоша ко Берестью...» Ип., 503.

⁴⁾ О нападеніяхъ литовцевъ на Польшу упоминаетъ Длугопъ (lib. VI, ad. a. 1214, col. 611, A.) и Стрыйковскій (I, 220), при чемъ они толкуютъ о небываломъ пораженіи какихъ то небывалыхъ въ тѣхъ мѣстностяхъ русскихъ князей (Dlug. *ibid.*; Stryjk., I, 228—229).

⁵⁾ I, 226.

увидимъ послѣ, въ нѣтъ принимала участіе не вся Литва. Одинъ разъ они встали около Пересовницы ¹⁾, въ другой разъ—около Мѣльницы и Лековни ²⁾. Нападенія можно было опасаться каждую минуту. Плапо-Карпица, проѣзжавшій чрезъ южную Русь въ 1246 г., говоритъ: «Дорогою мы были безпреставно въ опасности отъ Литовцевъ, которые вообще часто дѣлали набѣги на Русскую землю, а на тѣ мѣста, которыми намъ приходилось проѣзжать,—въ особенности ³⁾».—Литва же, отличающаяся неукротимымъ характеромъ ⁴⁾, были постоянными врагами югозападной Руси. Около 1228 г., по удаленіи Мстислава изъ Галича, они носили земли около Берестя ⁵⁾; вѣсноръ затѣмъ они опустошили страну около Охожа и Бусовна ⁶⁾. Было много и другихъ набѣговъ. Вотъ что говоритъ лѣтопись: «Васяко бо бѣ въ возрастѣ середній, умомъ великъ и дерзостью, иже иногда *многажды побѣжаше поганые...* И во иная времена, Божьею милостію, набѣгъ быша поганіи, вх(т) же не *зотъвоумъ писати отъ множества ради* ⁷⁾».

Конечно, подобныя нападенія весьма мѣшали благосостоянію страны, но все-таки не представляли еще серьезной опасности и могли быть усмирены безъ особенныхъ трудовъ союзомъ князей югозападной Руси, что мы и видимъ въ княженіе Данила съ ятвягами. Ограничиваясь первоначально только отраженіемъ набѣговъ ⁸⁾ или ихъ предупрежденіемъ ⁹⁾ и имѣя возможность посылать на Литву воеводъ съ небольшими

¹⁾ Ип., 530.

²⁾ Мѣльница—м. Вол. губ., Луцкаго у., на р. Стохадѣ. «Мат. Барсова, 131.

³⁾ Стр. 8.

⁴⁾ Кадлубекъ (II, 86) говоритъ о нихъ: «gens atrocissima, omnium feragum immanitate truculentior. И теперь еще они рѣзко отличаются отъ Бѣлоруссовъ и литовцевъ грубыми нравами и свирѣною наружностію, такъ что у Бѣлоруссовъ существуетъ поговорка: «*выглядъ якъ ядвита*», т. е. смотреть разбойникомъ» («Вѣстникъ Ю.-З. и З. Россіи», 1882, октябрь; ст. Лебедина: «О племенномъ составѣ народонаселенія зап. края Россійской имперіи», стр. 3).

⁵⁾ Ип., 502.

⁶⁾ «Преже же войны Данилови Черниговское». Охожа и Бусовно не указываются изслѣдователями. Судя по словамъ лѣтописи: «и еще бо Холму не поставлену бывъшю Даниломъ», они находились гдѣ-то въ Холмской области. Ип., 530—531.

⁷⁾ Ип., 531.

⁸⁾ Ibid., 502, 530—531.

⁹⁾ Мы уже упоминали о Владимірѣ пинскомъ, посаженномъ въ

только отрядами ¹⁾, Даниль, съ успокоеніемъ страны внутри, предпринимаетъ съ братомъ, въ союзѣ съ польскими князьями ²⁾, нѣсколько блестящихъ походовъ на ятвяговъ ³⁾. Всякій разъ онъ наносилъ имъ сильное опустошеніе, сожигая деревни, забиралъ имущество и увозилъ множество плѣнныхъ, а иногда избивая въ селѣ всѣхъ до единого почти жителей ⁴⁾. Несмотря на то, что противъ него собиралась вся Ятвягская земля, приводившая къ себѣ на помощь вармю ⁵⁾, пруссовъ и бортовъ ⁶⁾, сопротивляться не было возможности. «Воемъ же всимъ съсѣдшымъ, и оружіемъ пѣшцемъ изъ стана; щитѣ же ихъ яко зоря бѣ, шоломъ же ихъ яко солнцю восходящу, конемъ же ихъ дрѣжащимъ в рукахъ яко трѣсти мнози, стрѣльцемъ же обоимъ идущимъ, и держащимъ в рукахъ рожанца свой, и наложившимъ на нѣ стрѣлы своя противу рагнымъ. Данилови же на конѣ сѣдящу и воѣ рядящу, и рѣша Прузи Ятвяземъ: «можете ли древо поддрѣжати сулицами, и на сию рать дерзнути?» Они же видѣвше и возвратишася восвоима ⁷⁾». Въ другой разъ «приѣха отъ Ятвягъ Юндиль, рекшу ему сице: «Данило! добру дружину держими и велица полца твои ⁸⁾». И вотъ ятвяги приѣхали «дающе таль и миръ, молящася дабы не избилъ коледниковъ... Хотящу же ему пакы изыти на нѣ на брань и собирающу вой, увѣдавше

1229 г. въ Берестѣ. Подъ 1241 г. лѣтопись говоритъ: «Василко же князь остана бѣ стеречи землѣ отъ Литвы» (Ип., 526).

¹⁾ «Иногда многожды посылающими шли на поганые». Ип., 531.

²⁾ Именно въ союзѣ съ тѣми князьями, области которыхъ были смежны съ землею ятвяговъ, т. е. въ союзѣ съ Сомовитомъ мазовецкимъ и Болеславомъ Стыдливымъ краковскимъ.

³⁾ Первый походъ, по нашему мнѣнію, имѣлъ мѣсто около 1248 г.; лѣтопись ставитъ его подъ 1251 г., но, по ея словамъ, онъ послѣдовалъ вскорѣ за смертію Болеслава Конрадовича, а послѣдній умеръ, по словамъ Ренелля («Gesch. pol.», I, 490), вскорѣ послѣ своего отца, скончавшагося въ 1247 г. Другой походъ отнесенъ въ лѣтописи къ 1255 г., но онъ былъ совершенъ послѣ коронованія Данила, которое случилось въ 1253 г. (см. выше); третій она кладетъ подъ 1256 г., а мы полагаемъ, что онъ совершился около 1254 г.

⁴⁾ Ип., 552.

⁵⁾ Вармія, по словамъ Шегрена, — старопрусская провинція. «Лѣт. во Ип. сп.», 539, прим. 3.

⁶⁾ Борты, по мнѣнію Арцыбашева (III, прим. 101), — жители старейшей Пруссіи, Растенбургскаго округа, гдѣ городъ Бартенштейнъ.

⁷⁾ Ип., 540.

⁸⁾ Иб., 553.

же Ятвязи се, послаша послы своя и дѣти своя, и дань даша, и общевахуся работѣ быти ему и города рубити в землѣ своей 1). Вскорѣ, дѣйствительно, съ нихъ была собрана дань 2). Платили ли они ее и въ дальнѣйшее время, неизвѣстно, но, во всякомъ случаѣ, Даниилъ достигъ своей цѣли въ отношеніи къ нимъ,—вполнѣ обезопасивъ отъ нихъ свои предѣлы: лѣтопись не упоминаетъ болѣе о ятвяжскихъ набѣгахъ въ княженіе Даниила 3).

Тоже могло бы случиться, мало по малу, и съ другими литовскими племенами. Но въ то время, какъ ятвяги продолжали жить по искони установившимся у нихъ порядкамъ и, хотя и соединялись для защиты, а иногда и для нападенія, не представляли однако изъ себя одного цѣлаго и не думали о государственной жизни 4), среди двухъ остальныхъ, уцѣлѣвшихъ отъ пораженія литовскихъ племенъ, среди Литвы и Жмуди начинаетъ обнаруживаться поворотъ къ построенію жизни на новыхъ началахъ 5). Этотъ поворотъ грозилъ серьезною опасностію, между прочимъ, и югозападной Руси.

Пряже всего укажемъ на то, что дѣло начинаетъ идти уже не о грабежѣ, а о захватѣ литовцами тѣхъ или другихъ русскихъ земель и утвержденіи въ нихъ своего владычества. Подъ влияніемъ развившагося отъ постоянного соприкосновенія и сближенія съ Русскими вкуса къ болѣе цивилизованной жизни, представители отдѣльныхъ литовскихъ дружинъ 6), состоявшихъ, быть можетъ, изъ лицъ одного какого-нибудь

1) Ibid.

2) Ibid., 553—554.

3) Д. И. Зубрицкій, говоря объ этихъ походахъ Даниила на ятвяговъ, не называетъ ихъ войнами съ какою-нибудь политическою цѣлью, а считаетъ ихъ простыми набѣгами ради добычи или наказанія за какое-нибудь оскорбленіе русскихъ предѣловъ («Исторія др. Гал.-р. княж.-», III, 160 и 176). Но условія, съ выполненіемъ которыхъ ятвягами прекратились походы на послѣднихъ, убѣждаютъ въ противномъ. Самъ Зубрицкій склоняется къ тому на стр. 182.

4) Ип., 531: «и убито бысть князей сорокъ...» ив., 539: «и мнози князи Ятвязьскци избьени быша».

5) Впрочемъ, переломъ происходилъ медленно; набѣги продолжались; имъ потворствовалъ самъ Миндове. Извѣстно нѣсколько набѣговъ при немъ на Польшу съ цѣлью грабежа. Даже Русскіе подчинившіеся литовцамъ, должны были участвовать въ нихъ.

6) «Въ лѣто 6774 (1264) блаженный же князь Домонтъ съ дружиною своею и со всѣмъ домою своимъ, оставивши отечество свое землю Литовскую, и приѣха въ Псковъ и крестися». Соф. Врем.

рода, устремляются на сосѣднія русскія княжества съ цѣлью водворенія тамъ своей власти вмѣсто господства Рюриковичей. Они и сопровождающіе ихъ не измѣняютъ прежнихъ порядковъ¹⁾, забираютъ только земли дружинниковъ²⁾, не имѣютъ притязаній на какое-нибудь большее или иное значеніе, чѣмъ то, какое имѣли князья Рюриковичи; литовскіе вожди охотно и усердно выполняютъ роль славянскихъ князей, а дружины ихъ—роль прежнихъ дружинъ, и защищаютъ занятую землю совершенно, какъ тѣ. Они не стремятся къ исключительному преобладанію, не смотрятъ съ презрѣніемъ на побѣжденныхъ, напротивъ, относятся къ нимъ, какъ къ единовременнымъ³⁾, и дружатся съ ними⁴⁾; не оказываютъ давленія на побѣжденныхъ, но сами поддаются ихъ вліянію⁵⁾. Въ силу этого русское населеніе, которое, бывали примѣры, не всегда считало за Рюриковичами исключительное право владѣнія русскою землею⁶⁾, скоро свывалось съ господствомъ пришельцевъ и, не тяготясь имъ, поддерживало ихъ въ ихъ предпріятіяхъ.

1) У Товтивила были бояре, какъ и у прежнихъ князей. См. ниже.

2) О раздачѣ земель литовскимъ дружинникамъ см. у Стрыйковского (I, 236): »Erdziwił Monwiłowicz, książę Ruskie Nowogrodskie, — zagaz tym panóm i rycerstwu Żmodskiemu i Litewskiemu...« (дальше говорится о надѣлѣ землями).

3) Бояре Товтивила были полочане: »...а бояры Полотьскыя исковаша и просиша у Полочанъ сына Товтивилова убити же; и оны вбѣжа въ Новгородъ, съ мужи своими (опять литовцы—дружинники), тогда Литва посадиша свои князь въ Полотьскѣ, а Полочанъ пустыша, которыхъ изымали съ княземъ ихъ«. П. с. р. л., III, 58.

4) Товтивиль называется въ новгородской лѣтописи »добрымъ»: »убиша добра князя Полотьского Товтивила«. П. с. р. л., III, 58. Стрыйковский говоритъ (I, 236) о литвинахъ, поселившихся въ русскихъ земляхъ послѣ завоеванія ихъ Эрдзивиломъ, что они побратались и покумались съ русскими—христіанами [»którzy pobratawszy się i roku-mawszy z Rusią chrześciani, ony pustynie którey odłogiem leżały, po Batego carza srogim plundrowaniu osadzali, tak iż jeszcze i dziś mało nie w każdym kącie Ruskim, jest po części Litwy od tych czasów, s których drudzy rzadko po litewsku rozumieją«).

5) Это объясняется, между прочимъ, и малочисленностію литовцевъ въ завоеванныхъ областяхъ. Въ 1262 г. съ Товтивиломъ подъ Юрьевымъ полочанъ и Литвы было всего 500 человекъ! П. с. р. л., III, 57.

6) См. прежде сказанное о Галичѣ и жителяхъ земель, прилегавшихъ къ восточнымъ окраинамъ Данииловыхъ владѣній. Упомянемъ здѣсь еще о томъ, что псковичане добровольно признали своимъ княземъ Довмонта.

Напоръ литовцевъ отдѣльными партіями на рускія земли не могъ еще быть опаснымъ для сильныхъ сравнительно князей югозападной

товскими лѣтописями, сходятся иногда съ находимыми въ русскихъ лѣтописяхъ (Борисъ и Глѣбъ полоцкіе упоминаются въ новгородскихъ лѣтописяхъ, Василій—у Татищева), * но послѣдніе говорятъ о князьяхъ—Рюриковичахъ. Приведемъ съ хронологическомъ порядкѣ свидѣтельства источниковъ, начиная съ 1180 г., когда въ послѣдній разъ въ лѣтописяхъ названъ по имени полоцкій князь Всеславъ Васильковичъ (Ип., 419), и такъ какъ вскорѣ послѣ этого, повидимому, полочане остались безъ князя: въ 1185 г., при походѣ на Полоцкъ князей смоленскаго, новгородскаго (которымъ былъ сынъ смоленскаго князя), Василька Владиміровича изъ Логожка и князя Всеслава (какого? Въ 1180 г., кромѣ Всеслава Васильковича, упоминается Всеславъ Мигуличъ Логожскій; Ип., 419), о князѣ не упоминается, а дѣйствующими лицами являются одни полочане, которые изъ боязни, чтобы нападавшіе не причинили сильныхъ опустошеній ихъ землѣ, рѣшили помириться на сумежьи (П. с. р. л., III, 19; Н.к. II, 252). Чего хотѣли нападавшіе, неизвѣстно; одинъ Татищевъ (III, 277) говоритъ, что дѣло шло объ обидѣ смоленскаго князя. Подъ 1191 г. упоминаются *полоцкіе князья*, замыслившіе *походъ на Литву* [подъ ними нужно разумѣть не князей только разныхъ городовъ Полоцкой земли помимо Полоцка; это видно изъ слѣдующихъ словъ новгородской лѣтописи: «ходи князь Ярославъ на Луки, позванъ Полоцкаго князьемъ и *Полоцканы*». П. с. р. л., III, 20]. Возражающіе могутъ указать на то, что Полоцкъ продолжалъ находиться во враждѣ съ Смоленскомъ (П. с. р. л., III, 23; Тат. III, 322; о подобной враждѣ говорятъ и литовскія лѣтописи: *Strijk.*, 241—242), и на то, что въ 1198 г. полочане приходили *омститьъ съ Литвою* на Луки (П. с. р. л., III, 24), но около того времени (въ концѣ 1195 мартовскаго года) упоминаются «Полотскіи князи» и «полочане», помогавшіе Ольговичамъ (Ип., 465—465), а «въ харатейныхъ лѣтописяхъ, по словамъ Карамзина (т. III, пр. 95), названъ здѣсь князь Полоцкій Василько». Пропуская указаніе Татищева подъ 1203 г. на существованіе въ Полоцкѣ русскихъ князей (III, 338) и внесенный имъ въ свой сводъ обширный поддѣльный разсказъ («Изв. втораго отд. Имп. Академіи Наукъ», т. VII, стр. 49—64: «Два памфлета временъ Анны Іоанновны», ст. г. Лыжина) о полоцкихъ князьяхъ подъ 1217 (III, 403—409), уважемъ на то, что извѣстный своею борьбою съ нѣмцами князь Владиміръ [rex Russiae de Plosceke, какъ назыв. его нѣмцы; впервые онъ является въ ихъ лѣтописяхъ (у Генриха Латыша) подъ 1186 г., умеръ въ 1216 г.; о томъ, кто онъ былъ, существуютъ различныя предположенія] былъ врагомъ и литовцевъ и, во всякомъ случаѣ, не былъ литовскимъ княземъ: это ясно видно изъ нѣмецкихъ разсказовъ. Въ 1218 у Татищева (III, 417) упоминается

* См. еще ниже надпись на крестѣ, посвященномъ Василію—Роговолоду, сыну Борису.

Руси. Но вотъ въ головѣ одного изъ литовскихъ владѣтелей, великаго

«Василько Полоцкій», помогавшій Мстиславу въ его походѣ на Галичъ. Подъ 1222 г. въ одномъ изъ списковъ 1-й новгородской лѣтописи читаемъ: «а Ярославци, смоляне взяли полтескъ, генваря 17, при князѣ борисѣ и глѣбѣ» (П. с. р. л., III, 38, вар. л1.) (У Татищева подъ 1220 г. читаемъ: «Князь Смоленскій, согласясь съ Ярославомъ Переяславскимъ, ходилъ на Полоцкую область при князѣхъ Полоцкихъ Борисѣ и Глѣбѣ, и взялъ ихъ два города, а много области ихъ повоевалъ»). Полоцкъ является въ теченіе нѣкотораго времени какъ бы состоящимъ подъ опекою Смоленскихъ князей. Указаніе на это находимъ не только въ одномъ изъ списковъ Мстиславова договора съ Ригю,* но и въ нѣкоторыхъ лѣтописныхъ упоминаніяхъ этого времени о Полоцкѣ. У Длугоша есть извѣстіе, очевидно, заимствованное изъ недошедшихъ до насъ лѣтописныхъ списковъ, слѣдующаго рода (оно поставлено у него подъ 1216 г., но слѣдуетъ непосредственно за разсказомъ о набѣгѣ литовцевъ 1225 г. на Новгородскія и Торопецкія области. К. Н. Бестужевъ - Рюминъ напрасно приурочиваетъ послѣдній къ разсказу новгородск. лѣтописи о литовскомъ набѣгѣ подъ 6731: сл. слова Длугоша и П. с. р. л., III, 42 подъ 6733 г. «О составѣ русской лѣтописи», Приложенія, стр. 291): *sequenti quoque tempore, cum alius Lithuanicus exercitus civitatem et regionem Polocko vastaret, Dux Mstislavus Davidovic cum Smolensi militia celeri cursu in Polocko adventiens, Lithuanos incautos offendens, absque numero sternit et occidit* (lib. VI, col. 619). Въ 1-й новг. подъ 1232 г. читаемъ: «Въ то же лѣто взя Святославъ Смольскъ на щитѣ, съ Полочанъ, на Борись день, и сѣдѣ Смольяны, а самъ сѣде на столѣ» (П. с. р. л., III, 48). А. А. Куникъ («Русско-лив. а. с., Anhang. № II; s. 449—450) напрасно считаетъ этого Святослава, вопреки лѣтописному свидѣтельству, литовскимъ княземъ. Въ послѣдній разъ Полоцкъ упоминается въ нашихъ лѣтописяхъ въ качествѣ принадлежащаго Русскимъ города подъ 1239 г. (П. с. р. л., III, 52). Въ Степенной книгѣ говорится объ Ярославѣ Всеволодовичѣ по возвращеніи его въ 1243 г. отъ Батя: «И прійде въ землю свою честно, и многи пришельци утѣши, и множество людей собра; сами прихождаху къ нему въ Суждальскую землю отъ славныхъ рѣки Днѣпра и отъ всихъ странъ: Галичане Волинстїи... Полочане, Рязанцы и вси

* «Русско-лив. акты», 440—441, 447: «Тая правда Латинскому въ зати оу Роуской земли оу вѣлѣсти князя Смольнеского, й оу Полотьского князя вѣлѣсти, й оу Витьбеского князя вѣлѣсти» (въ др. списк.: «Немчицю по Смоленской волости, по Полотьской, по Витьбескомъ»); изъ предпоследней фразы очевидно, что въ Полоцкѣ оставался свой князь. Въ Лифляндской хроникѣ подъ 1228 г. говорится, что Мстиславъ Смоленскій и подписался за князей Полоцкихъ и Витебскихъ Россїанъ; по словамъ ея же (подъ 1222), *звѣстѣ съ княземъ смоленскимъ* и др. князьями, въ Ригу отправлялъ пословъ и князь полоцкій. Впрочѣмъ, А. А. Куникъ приведенное нами мѣсто изъ договора понимаетъ иначе («Русско-лив. акты», s. 405).

политика, хотя и варвара, зарождается мысль об утверждении в

подражану храбрости его. Карамзинъ (IV, примѣчан. 37) замѣчаетъ: «Пустословіе новѣйшихъ временъ». — Подъ литовскимъ владычествомъ Полоцкъ упоминается въ нашихъ лѣтописяхъ съ 1258 г. (П. с. р. я., III, 56). Такимъ образомъ, занятіе Полоцка Литвою случилось въ двадцатилѣтіе отъ 1239 г. по 1258, когда въ немъ уже сидѣлъ Товтвивиль. По словамъ Стрыйковскаго (I, 287), Товтвивиль владѣлъ имъ при началѣ войны Данила съ Миндое, т. е. въ началѣ пятидесятыхъ годовъ XIII стол. Невозможно допустить, чтобы въ такое короткое время успѣла править въ Полоцкѣ цѣлая линия литовскихъ князей, состоявшая, по извѣстію литовскихъ лѣтописей (Быховецъ, 5; Стрыйковскій, 240 — 243), изъ пяти князей (имена ихъ: Мингаило, Ганвивиль — Юрій, Борисъ — Василій, Рогвольдъ, Глѣбъ), изъ которыхъ Василій, наприм., «жилъ немало» въ Полоцкѣ («Лѣт. Быховца», ib.). Не возможно отнести эту династію и къ послѣдующему времени. 28-го декабря 1264 г. Полоцкъ находилъсь подъ верховною властію литовскаго князя Гердена («Русско-лив. а. л. XXV», стр. 13). Около 1265 или 1266 г. въ Полоцкѣ сидѣлъ Ияславъ, признававшій верховную власть Войшелла (ib., XXV; Стрыйковскій также называетъ Войшелла Полоцкимъ княземъ I, 301), который, быть можетъ, былъ тотъ самый князь, который, по словамъ новгор. лѣт., былъ посаженъ Литвою послѣ убіенія Товтвивила и находился въ Полоцкѣ при Герденѣ [не Ияславъ ли это Свислочскій, являющійся въ Ип. сп. подъ 1256 г., стр. 551?]. Помогъ Полоцкъ былъ завоеванъ Довмонтомъ. Стрыйковскій (I, 324) относитъ это къ 1231 г. Его показаніе о завоеваніи подтверждается документомъ, напечатаннымъ въ «Русско-лив. актахъ» (№ XXVII), который, по всемъ соображеніямъ, должно отнести къ Полоцку: 1) онъ найденъ въ Рижскомъ архивѣ между исключительно полоцкими бумагами; 2) Рига вообще не находилась въ торговыхъ сношеніяхъ съ Псковомъ, гдѣ постоянно княжилъ Довмонтъ; 3) «Смоляннинъ», выставленный въ числѣ свидѣтелей, также едва-ли можетъ не уеззывать на Полоцкъ. Этотъ документъ едва-ли вѣрно отнесенъ издателемъ къ первому же году правленія Довмонта въ Псковѣ, т. е. къ 1266 г. Не знаемъ, на какомъ основаніи Полоцкъ у Татищева (IV, 84) названъ отчиною Довмонта. Подъ 1307 г. Стрыйковскій сообщаетъ (I, 349), что нашелъ въ старинныхъ русскихъ лѣтописяхъ извѣстіе о взятіи въ этомъ году Полоцка, но, у кого онъ былъ отнятъ, онъ не сообщали. Что Полоцкъ ономъ того времени опять находился въ зависимости отъ Литвы, это доказываетъ грамота тамошняго епископа Якова, неизвестно когда написанная (вѣроятно, послѣ 1307 г.), въ которой онъ называетъ Витенеса (Витенеса, известнаго литовскаго князя) своимъ сыномъ («Русско-лив. акты», № XXXVIII). Въ 1326 году въ Полоцкѣ сидѣлъ въ качествѣ удѣльнаго князя Витенесъ сынъ Войны. — Послѣ всего сказаннаго мы близки къ тому, чтобы назвать сообщаемое литовскими лѣтописями о литовской династіи, княжившей въ Полоцкѣ, легендою, тѣмъ болѣе, что

Литвѣ единовластія и объ увеличеніи силъ этого чисто литовскаго го-

въ этомъ ихъ сказаніи есть немало очевидныхъ анахронизмовъ. Гинвилъ Мингайловичъ, но иль словамъ женился на дочери Бориса, вел. кн. Тверскаго (Strujk., I, 241; что это за Борисъ?) Сынъ его Борисъ построилъ въ Полоцкѣ каменный Софійскій храмъ, но не вѣроятно, чтобы онъ не былъ поставленъ раньше: онъ упоминается, какъ каменный, въ самыхъ древнихъ историческихъ памятникахъ и нельзя думать, чтобы онъ не былъ каменнымъ (см. «Исторія, свидѣнія о Полоцкомъ Софійскомъ соборѣ» Дворскаго въ «Вѣстн. юго-запад. и запад. Рос.» 1864, № 2); правъъ Борисомъ были водвинуты новый вмѣсто стараго, но литовскія лѣтописи («Лѣт. Бѣл.», 5; Strujk., 241) о томъ не говорятъ. По словамъ «Лѣт. Бѣл.» Борисомъ же построена другая церковь — Святаго Спаса, дѣвичья монастырь у верху рѣки Полоты, отъ города въ полу мили («Лѣт. Бѣл.», 5) (у Стрыйковскаго, I, 241) «Dziewicy monastir» отдѣляется отъ «Kościoła (s. Sprawy); но Дѣвичій монастырь юв. Спаса на р. Полотѣ основанъ около 1156 г. предпод. Евфросинією Полоцкою (названная ст. Говорскаго, стр. 82) «Исторія русской церкви» преосв. Макарія, III, 52); Борисъ также основатель, по словамъ литовскихъ лѣтописей, города Борисова на р. Березинѣ, но этотъ городъ упоминается въ Ипатскомъ епископъ уже подъ 1128 г. (стр. 210). — Одно можетъ нѣсколько останавливать при отрицаніи существованія этой династіи: это — видѣнный Стрыйковскимъ (I, 241—242) на Двинѣ, въ 7 миляхъ отъ Полоцка и въ 1 милѣ отъ Дисны, камень съ русскимъ крестомъ и надписью: «Вспоможи Господи раба своего, Бориса сына Гинвилевого! Кояловичъ» перевелъ эту надпись на латинскій языкъ по Стрыйковскому: «Misereatur Domine, misericordie tuo Boriso Gniwilonis filio». Но не прибавилъ ли самъ Стрыйковскій слово: «Гинвилево сына» [у Карамзина, приводящаго (IV, примѣч. 103) это мѣсто Стрыйковскаго по старинному русскому переводу сочиненія полскаго, нѣтъ этихъ словъ]? Въ настоящемъ столѣтіи до Двинѣ между Полоцкомъ и Дисною найдено нѣсколько древнихъ камней съ высѣченными на нихъ крестами, посвященныхъ памяти вѣд. Бориса, причемъ одинъ изъ нихъ открытъ въ 5 верстахъ отъ Дисны, а другой въ 7-ми; на нихъ слѣд. надпись: «Господи, помози рабу своему Борису!» Камень же, подобнаго видѣнному Стрыйковскимъ нѣтъ. — Обзорніе исторіи Бѣлорусіи съ древнѣйшихъ временъ. Соч. Турчиновича, Спб. 1857. Стр. 270—271. О подобномъ же крестѣ, но, вѣроятно, поставленномъ въ 1171 году въ память другаго князя, съ надписью: «Въ лѣто 6679 (1171) Маія въ 7 день доспѣвъ крестъ сей: Господи! помози рабу своему Василию въ крещеніи, именемъ Роговоду, сыну Борису» см. ibid., 266—267, прим. 92, или у Карамзина II, прим. 386. Вѣроятно, Товтивиль утвердился въ Полоцкѣ мирнымъ путемъ. Такова догадка Карамзина. Тоже можно думать и на основаніи выраженія Стрыйковскаго о Товтивилѣ (I, 285): «był rotmą wiczkim Polockim, во вѣд. ochrзххону w guka wiage», хотя на слѣдующей страницѣ Стрыйковскій утверждаетъ, что Полоцкъ былъ завоеванъ Товтивилемъ.

сударства присоединеніемъ прилегавшихъ къ нему русскихъ земель, съ

*) Въ 1236 г. Новгородокъ, впоследствии названный Литовскимъ, находился еще во власти русскаго князя Изяслава, хотя и тогда уже состоялъ въ какой-то связи съ Литвою, какъ это можно видѣть изъ слѣдующихъ словъ галицко-волинской лѣтописи (Ип., 517): »Даниль же возведе на Кондрата Литву, Миньдога, Изяслава Новгородскаго«. Нѣсколько раньше (ок. 1228 г.) онъ упоминается въ числѣ совершенно независимыхъ городовъ; Ип., 503: »Володимеръ же со всеми князи, и Пиняны, и *Новгородомъ*, и Туровъци, объѣздохъ Каменѣць«. Нѣкоторые думаютъ, что подъ новгородцами должно разумѣть гражданъ Новгорода Великаго; но нужно обратить вниманіе на то, что они поставлены между Пинянами и Туровцами; замѣтимъ также, что, если-бы сѣверные Новгородцы участвовали въ походѣ Михаила, то о томъ связали-бы новгородскія лѣтописи. Послѣ татарскаго нашествія Новгородокъ съ землею мы застаемъ во власти Литвы (Ип., 542—544); упомянутый же Изяславъ сидѣлъ, кажется, въ Свислочѣ (Ип., 551; ни въ этомъ, ни въ предыдущемъ случаѣ лѣтопись не приводитъ отчества Изяслава, по которому мы могли-бы судить о томъ, одно ли это было лицо, или нѣтъ; но нѣтъ основаній въ томъ сомнѣваться). Ей же принадлежатъ: Волковыйскъ, Слонимъ, Здитовъ [г. Барсовъ Здитова не опредѣляетъ. Н. С. Арцыбашевъ (III, № 116) спрашиваетъ: не р. ли Здитва Гродненской губ., Лидскаго повѣта а Даниловичъ («Skarbiec», 76) спрашиваетъ, не «Zdibow» ли это. По словамъ И. Д. Бѣльева («Разск. изъ р. ист.», вн. 4-я, ч. I-я, М. 1872, 10), Здитовъ находился на Ясольцѣ], Городенъ—нынѣшнее Гродно (Ип., 544). Что земли были завоеваны въ недавнее время, свидѣтельствуетъ и то, сказавши о воеваніи ихъ Данииломъ, лѣтописецъ затѣмъ говоритъ (Ип., 544): »потомъ же послата многи своя нѣмцы и коньники на градъ (въ Хлѣбн. и Пог.: »грады ихъ«) ихъ, и *пльншиа всю воотчину ихъ* и страны ихъ»: »понтманскія земли не названы »отчиною« Литовцевъ.—Литовскія лѣтописи говорятъ («Лѣт. Бых.», 4; Strujk., 235), что Эрдивиль Мотивиловичъ, послѣ татарскаго нашествія овладѣлъ Новгородкомъ, Гродномъ, Берестьемъ, Мѣльникомъ, Дорогичинимъ, Суражемъ, Брянскомъ и Бѣльскомъ. О первыхъ двухъ мы уже сказали, Брестъ, Мѣльникъ (это-мѣст. Гродненской губ. на зап. Бугѣ, къ юго-востоку отъ Дрогичина. Барсовъ, 131. Его нужно отличать отъ Мѣльницы, о которой см. выше) находились всегда во власти Даниила, слѣдоват., не могли быть захвачены Литвою (Ип., 524, 560 и далѣе; 560, 561; 524, 531, 538 и д.). Что касается Суража, Брянска и Бѣльска, то о нихъ мы не можемъ сказать ничего (см. неопредѣленное мѣсто о Бѣльскѣ въ Ип. подъ 1253 г., стр. 544; впоследствии мы видимъ Бѣльскъ во власти Русскихъ: Ип., 608).--Всѣ эти города были построены русскими и находились на территоріи отнятой издавна русскимъ племенемъ (именно Кривичами: см. ниже мѣсто изъ Дюсбурга. И. Д. Бѣлевъ того же мнѣнія) у Ятвяговъ [названія въ тѣхъ мѣстностяхъ, удѣльшія

тѣмъ однако, чтобы не дать перевѣса русскому элементу¹⁾. Съ великимъ умомъ и дальновидностію въ Миндове²⁾ соединялись энергія и настойчивость, и онъ началъ, мало по малу, осуществлять свою идею³⁾. — Литовскія племена съ тѣхъ поръ, какъ знаетъ ихъ исторія, никогда не представляли собою цѣльныхъ организмовъ, но распадались на мно-

отъ Ятвяговъ, см. у Ярошевича: § 16 str. 28—29, и прим. 9, str. 203—204], какъ о томъ, по вѣрному замѣчанію Д. И. Зубрицкаго (III, стр. 163, прим. 140) свидѣтельствуютъ самыя названія ихъ. Дюсбургъ отличаетъ эти мѣстности отъ собственно литовскихъ. Подъ 1314 г. онъ говоритъ (стр. 181 Іенскаго изданія): hoc anno mense Septembri idem frater Henricus Marschalcus cum omni virtute exereitus sui venit ad terram Crivitia et civitatem illam, quae parva Nogardia dicitur, coepit et funditus destruxit«. Также смотритъ и Стрыковский (напр., на стр. 251 Гродно причисляетъ къ «стародавнимъ отчинамъ русскихъ князей»). По литовскимъ извѣстіямъ, (Быховець, 3; Strijk., 84—86) границы земель, издавна занятыхъ собственно литовскимъ племенемъ въ сѣверу отъ Руси, были въ югу отъ р. Вилии; нѣкогда и въ этихъ земляхъ, лежащихъ въ югу отъ Вилии, находились русскіе («za Wilią zaś ku południowi i wschodowi, Ruskich xiążat w ten czas dzierżawy były, także sa Dźwina» str. 85; сл. str. 215: «przez Wilią z wojskiem przegrawali», а также str. 219). Изъ нашей лѣтописи можно заключить, что граница собственно литовскаго племени во время Данила была въ сѣверу отъ Гродна (Ип., 544: «взята Городень, а сама воротистася отъ Бѣльска; потомъ же посласта многы своя пѣшыці...» и т. д. см. выше); въ востоку границу также составлялъ какъ-бы Нѣманъ (Ип., 568, о Войшелкѣ: «учини собѣ монастырь на рѣкѣ на Немнѣ, между Литвою и Новымгородомъ...»). — Что касается утвержденія литовскихъ лѣтописей, что литовскіе князья владѣли черниговскою областію, а также Туровомъ и Пинскомъ, еще до Миндове, то оно не требуетъ длиннаго опроверженія. Не упоминая совсѣмъ о Черниговѣ, скажемъ, что самостоятельные русскіе туровскіе князья упоминаются въ галицко-вол. лѣтописи еще подъ 1274 (Ип., 576), а Пинскіе еще въ 1292 (Ип., 616).

1) Последнее видно изъ нелюбви его къ Войшелку послѣ того, какъ тотъ принялъ христіанство. «Отецъ же его Миндовъ уканиваться ему по его житію; онъ же на отца своего не любовашеть вели». Ип., 568.

2) Онъ самъ себя такъ называетъ во всѣхъ своихъ грамотахъ; мы последовали за ними.

3) На эту постепенность указываетъ то, что онъ упоминается въ нашихъ лѣтописяхъ, какъ одинъ изъ литовскихъ князей, еще въ 1236 г., а взрывъ противъ него въ Литвѣ обноружился не скоро послѣ того.

жество независимыхъ общинъ, которыя управлялись старостами, какъ называетъ такихъ жмудскихъ старшинъ Эразмъ Стелла¹⁾, или гетманами, какъ названы они въ одной изъ нашихъ лѣтописей²⁾. Очень можетъ быть, что въ древнѣйшую пору между ними не бывало даже старѣйшаго, потому что не настояла надобность и въ такой слабой централизаціи. Какъ бы то ни было, при Данилѣ у разныхъ литовскихъ племенъ уже упоминаются иногда старѣйшіе князья³⁾. Но власть ихъ не могла быть значительною, и ихъ преимущество состояло едвали не въ одномъ правѣ предводительства во время оборонительной войны⁴⁾. Этимъ и ограничилось вліяніе борьбы съ крестоносцами на жизнь литовскихъ племенъ, несмотря на то, что литовцы весьма скоро поняли, какая имъ грозила опасность отъ утвержденія крѣпцевъ въ Ливоніи, и начали съ ними борьбу съ перваго же ихъ появленія⁵⁾. Даже подвергавшіеся наибольшей опасности Пруссы, болѣе другихъ племенъ испытавшіе тягость нѣмецкаго владычества, и тѣ не могли ступить на новую дорогу и во время возстанія 1260 г. выбирали отдѣльныхъ начальниковъ⁶⁾. Масса не сознавала ясно потребности переменъ существовавшаго порядка, и если какой-нибудь изъ вождей и задумывалъ послѣднюю, то неимѣлъ силъ для выполненія: другіе равносильные съ нимъ князьки не позволили бы ему отнять у нихъ ихъ самостоятельное зна-

1) Stryk., I, 47. Въ извлеченіи изъ Дюсбурга Стрыйковскій также упоминаетъ старость Скаловитскихъ и Жмудскихъ. I, 262.

2) П. с. р. л., VII, 253.

3) Подъ 1215 г. (Ип., 492) въ галицко-вол. лѣтоп. упоминается »старѣйшій« лит. князь Живибундъ, а Длугошъ подъ 1264 г. говоритъ (col. 770) о старѣйшемъ Ятвяжскомъ князѣ (»Iaezwingi enim, apud quos tunc major inter Duces Comath Princeps erat...«). Въ Ann. Cap. Cracov. Коматъ названъ просто »princeps Jazwiditarum« (Pertz, XIX, 601).

4) Тогда нерѣдко соединялись военныя силы общинъ. Такое соединеніе мы видимъ, напр., въ 1237 г. На литовцевъ составилось ополченіе изъ крѣпцевъ и псковичей. »И совокупившися Литва, и поставиша бой"противу ихъ...« Нив. II, 370.

5) См. лѣтопись Генриха Латыша подъ 1187 г.

6) »Eodem anno (1260) in vigilia beati Mathaei evangelistae, Pruteni apostaverunt a fide—et Sambitae quondam dictum Glande, Nactangi Henricum" Monte, Varmienses Glappum, Pogesani Auctuno, Berti Divanum in capifaneos et duces sui exercitus elegerunt«. Dusburg, 191.

ченіе. Чтожь поэтому удивительнаго въ томъ, что и незадолго до Миндове и при немъ мы видимъ собственно Литовское племя и Жмудь, которыя насъ занимають по преимуществу, въ состояніи такого же раздробленія, какое господствовало у нихъ искони¹⁾. Миндове былъ

1) Подъ 1215 г. въ Ип. сп. приведено 20 князей. Затѣмъ упоминаемъ, что съ 1240 г. на Русь напададо иногда по нѣскольку литовскихъ отрядовъ, и у каждаго изъ нихъ былъ независимый предводитель. Подъ 1245 г. новгор. лѣтоц. говоритъ объ избіеніи болѣе 8 княжичъ и 2-хъ литовскихъ отрядовъ (Ц. с. р. л., III, 54) и т. п. На существованіе при Миндове независимыхъ князьевъ указываетъ также гал.-вол. лѣт. Выбитъ убѣдилъ воевать съ Миндове «поль Жемонти» (Ип., 541); въ Пальцанахъ мы видимъ особеннаго князя (Ип., 568). Нѣкоторые князья удержались при Миндове и послѣ торжества его, признавъ верховную его власть, что высказывается въ томъ, что они, какъ Довмонтъ, должны были принимать участіе въ его походахъ. Стрыйковскій говоритъ: «A gdy Mendog wysłki wojska zwoje Litewskie posłał za Dniem na Romana kniazia Natbrawskiego, a Dowmant też, jako holdownik, z nimi był poszedł na te wojnę według powinności...» (I, 298). Мы видимъ такихъ князьевъ и въ грамотахъ Миндове. Таки въ одной изъ нихъ, помѣченной серединою іюля 1260 г., въ качествѣ свидѣтелей приводится слѣд.: *barones et consanguinei* «Миндове, очевидно, владѣвшіе какими то волостями: являющійся въ нашихъ лѣтописяхъ послѣ убійства Миндове (см. одну его грамоту въ «Русско-лив. акт.», стр. 13) Герденъ подъ именемъ *Gerdinae de Nailse* — и какой-то *Parbusae de Nенаe*. Въ «Аппал. сар. Cracow» (Pertz, XIX, 601) Стрыйнатъ, убившій Миндове названъ «*potens princeps Lituanorum*». Впрочемъ, сила этихъ владѣвшихъ при Миндове князьевъ была ничтожна въ сравненіи съ силою послѣдняго; о Довмонтѣ лѣтопись говоритъ, что «бысть сила его мала, а сего велика» (Ип., 568). Галицко-волинская лѣтопись исключительно трудамъ Миндове приписываетъ объединеніе раздробленной прежде Литвы. Этимъ всеѣмъ опровергается принимаемое нѣкоторыми историками безъ строгой критики показаніе литовскихъ лѣтописей, что, какъ Литва такъ и Жмудь, задолго до Миндове имѣли единовластныхъ князей, и что престоль переходилъ отъ отца къ сыну, при чемъ, если сыновей было нѣсколько, то старшій садился на отцовскомъ мѣстѣ (послѣ Мингайла, по словамъ Стрыйковскаго, «*Skirmunt, jako starszy, siadł na ojcowskiej stolicy, w Nowogrodku, księstwa Ruskiego i Litwy Powilijskiej*». I, 241); этимъ опровергается также и то ихъ свидѣтельство, что уже отецъ Миндове Рынгольтъ Альгимунтовичъ соединилъ Литву и Жмудь, а изъ русскихъ земель владѣлъ Новгородомъ, Гродномъ, Подляхіею, Стародубомъ, Карачовымъ и Чернигомъ и передалъ все это сыну. Представимъ таблицу литовскихъ и жмудскихъ князей по Стрыйковскому.

въ иномъ положеніи, чѣмъ всѣ другіе князья: онъ былъ гораздо слабѣе.

П а л е м о н ъ

Боркусъ,
основатель Юрборка.
Умеръ безъ потомств.

Конасъ
или **Кунасъ**, осно-
ватель Ковна.

Спера.
Умеръ безъ
потомства.

Dorsprungus,
основатель
Вилькомира и
Дзяволтова.

Живибундъ.

Кернусъ Литовскій
(владѣлъ землями отъ Виліи до
Неважи, основатель Кернова).

Гимбутъ Жмудскій

Поята. Ея мужъ—Живи-
бундъ Дорспрунговичъ.

Монтвиль,
столицами котораго были
Юборкъ и Кунасевъ или Ковно.

Куковойтъ Жмудскій и
Литовскій.

Эрдзивиля Немень Вивинтъ

Утенусъ.

Мингайло
Новгородскій, Подляшскій и Полоцкій.

Свинторогъ.

Скирумунтъ
Новгородскій, Туровскій, Пин-
скій, Мозырскій, Повилійскій.

Гинвиль
Полоцкій

Любартъ
Карачевскій и
Черниговскій.

Пуссимунтъ
Туровскій и
Стародубскій.

Стройнатъ
Новгородскій и
Подляшскій.

Борисъ.

Альгимунтъ,
владѣтель Литвы и Руси отъ Виліи
до Чернигова.

Рогволодъ-Василій.

Глѣбъ.
Ум. безъ наслѣд.

Св. Прасковья.

Рингольтъ,
которому была поручена опека надъ Свинторогомъ
и который носилъ титулъ Великаго князя Литовскаго,
Жмудскаго и Русскаго.

Мендогъ.

Эта генеалогія составлена не Стрыйковскимъ, какъ доказывается «Лѣтопись Быховца», которою онъ несомнѣнно пользовался (только въ исправнѣйшемъ спискѣ, чѣмъ тотъ, который до насъ дошелъ), а тѣми позднѣйшими литовскими лѣтописцами («Лѣт. Бых.» составлена, быть можетъ, во время Ивана Грознаго. См. разсужд. Давыловича о литов.

иба ихъ потому; что ему удалось овладѣть упомянутыми нами русскими

лѣт., помѣщенное въ Варшавскомъ изданіи книги Стрыйковскаго, стр. 53), которые старались подогнать древнѣйшую исторію Литвы подъ свой вкусъ, тѣмъ самыми, для которыхъ была интересъ, выводить изъ товцевъ отъ Римлянъ. Въ этой таблицѣ очевидно желаніе ея составителя вывести въ послѣдовательномъ порядкѣ литовскихъ князей отъ баснословнаго Палемона; въ позднѣйшее время въ составѣ собственной Литвы явственно обозначались только двѣ области: Литва и Жмудь, и составитель допустилъ постоянное существованіе только двухъ князей въ литовскихъ земляхъ; но его таблицѣ выходитъ, что между князьями никогда не было споровъ о земляхъ. Для болѣе древняго времени сочинители *выдумали* имена князей на основаніи названій тѣхъ дѣтъ, выдававшихся литовскихъ городовъ и мѣстностей, въ которыхъ находили нѣчто, напоминавшее латинскій языкъ. Такъ, Юрборкъ подалъ имъ возможность найти имя для перваго сына Палемона — Борка или Борнуса (Юр — они отнесли въ р. Юри, на которой былъ поставленъ порогъ Ковро или Коносавъ подаю мысль назвать Копазомъ; мѣстность и озеро Спера дали тоже названіе третьему сыну Палемона (Стрыйк., 84—85); отъ Кернова произошло имя Кернуса (см. *ibid.*, 86). Пользовались составители представленной нами выше генеалогіи и народными пѣснями. Стрыйковскій говоритъ о Поатѣ, жевѣ Живибунды Дорспрунговича и дочери Кернуса, что, когда она умерла, ея *czuła kukoł wojt z wrodzonej miłości postawił bałwan nad jeziorem Zosłą, obyczajem pogańskim ku wiecznej pamięci. Ten bałwan ludzie proszą chwalili za boginią, a gdy bałwan zgniół, na tym miejscu lipy, wyrosły, które także Litwa i Żmódz aż do czasów Jagielowych za bogi chwalili, *pieśni proste o Pójacie śpiewając*» (I, 245; см. стр. 248 о Буковойтѣ). Для позднѣйшей эпохи составители разбираемой нами генеалогіи воспользовались готовыми именами, которыя нашли въ недошедшихъ до насъ западнорусскихъ лѣтописяхъ. Какъ они обращались съ послѣдними, видно изъ того, что по галицко-волинской лѣтописи (Ил., 492), Живибунда, Довспрунгъ, Ердивиль, Выкынтъ являются современными и несколько не родственными другъ другу лицами (если была родственность, то лѣтопись ея отмѣчала; такъ, напр., она говоритъ, что такой — то братъ, такого — то); по литовскимъ же лѣтописямъ, Живибунда былъ сынъ Дорспрунга; а Эрдивила и Выкынта они дѣлаютъ братьями, при чемъ, въ то время, какъ по нашей лѣтописи они оба сидѣли въ Жмуди, по словамъ лит. лѣт., только послѣдній княжилъ въ Жмуди, а первый господствовалъ въ завоеванной Русѣ.* При господствѣ произвола въ литовскихъ лѣ-*

* Въ некоторыхъ лѣтописяхъ Живибунда и Дорспрунгъ не были, вѣроятно, вставлены въ генеалогію, и на основаніи этихъ — то лѣтописей Стрыйковскій сказалъ въ одномъ мѣстѣ: *«Ziwiбunda z Montwilem (Литва и Жмудь) hostanu wybrał»*, противурѣча своему утвержденію въ другомъ мѣстѣ о томъ, что это были наследственные князья. — Какъ скудны были свидѣнія лит. лѣт. о древнѣйшей исторіи Литвы, видно изъ того, что о Микодове они говорятъ только словами галицко-волинской лѣтописи. Оттуда же оторваны хронологія, на которое жалуются Стрыйковскій (I, 243).

землями по верхнему течению Немана и въ его окрестностяхъ. Опи-

тописяхъ, касавшихся начальной исторіи Литвы, неудивительно, что между ними нерѣдко не было согласія относительно преемственности князей. Такъ, одинъ лѣтописецъ, вопреки всѣмъ другимъ, считалъ По-яту не матерью Буковойта, а дочерью (Stryjk., 245); мужа ея онъ называлъ Гедрусомъ Дьяволтовскимъ, но др. знали Гедруса Ромунтовича (ibid., 246). Разногласіе мы замѣчаемъ и въ другихъ случаяхъ (см., напр., на стр. 252, объ участи русскихъ князей послѣ битвы подъ Могильною). Для насъ весьма важно то различіе, какое мы замѣчаемъ между литовскими лѣтописцами по вопросу объ отцѣ Миндове. Онъ былъ названъ Рынгольтомъ только въ немногихъ изъ нихъ (между прочимъ, онъ такъ названъ и въ «Лѣтописи Быховца», стр. 7: Рынгольтъ «*żył mnoho let na Nowohorodcy u umrę. a po sobi zostawił syna swojego na kniażenij Nowhorodskom Mindowha*»; мы уже видѣли, что еще въ 1236 г. въ Новгородѣ сидѣлъ русскій князь). Это ясно видно изъ словъ Стрыйковскаго, которыми онъ заключаетъ свою повѣсть о Рынгольтѣ: «*Ringolt — — umarł, zostawiwszy po sobie na ty państwa syna Mindauga, Mindaowa, albo Mendolpha, bo go różno różne kroniki nazywają, który potem był królem Litewskim, z ramienia papieskiego koronowanym, roku 1251 jako o tym z pewnych dowodów niżej napiszemy. Acz *insze Latopiszczce tego Mendoga ani wspominają*, так замыкаяя конецъ панования Рынголтowego, według swojego zwyczaju w dowodzie: w docytaniu chronomego: knaził dzię Ringolt na Nowohorodku mnoho let, i potem dzię umierł, i kaźuć nikotoryje żeby trzech synów po Ruskieje biczwie urobił (tak sprostą pisze) da miel wiadomą, kakowoje dzieło sz jetich jeho synów było. Przetó ja widząc prostotę i leniwy dochcip onych starych pisarzów albo diaków, to znaczne acz pogańskie xiażę własnego syna Ringoltowego, z dowodu *Miechowity, Długosza, Wapowskiego, Cromera* (тамъ объ этомъ ни слова), z *Pruskich i z Liflandskich Kronik, tudzież ze dwu dowodnych Latopiszczów*, który kaźdy naleść może w Grodku, w skarbie sławnej pamięci papa Chodkiewicza Alexandra, starosty gzdzińskiego. (Stryjk., I, 252 — 253). И такъ, въ двухъ только лит. лѣтописяхъ (Даниловичъ — въ разсужденіи о лит. лѣтоп., стр. 54 — склоняется къ тому, что это были волинскіе лѣтописцы, но едва-ли это справедливо) Стрыйковскій намѣлъ, что отецъ Миндове назывался Рынгольтомъ.*

Вотъ почему изслѣдователю литовской исторіи въ настоящее время, пока не откроются еще какія-нибудь литовскія лѣтописи, приходится совершенно оставить мысль сдѣлать какое-нибудь приложение изъ генеалогіи, находящейся въ «Лѣт. Бых.» и у Стрыйковскаго: всякая попытка была бы бесполезна. Уже Кояловичъ (Т. I, 47) сказалъ: «*Quare ipse quoque veri incertus, totam apporum supputationem ad Mindaugi usque principatum suspectam ut reperiri relinquo*». Мы можемъ быть увѣрены исполнѣ въ истинѣ только слѣдующей таблицы, которую можемъ извлечь изъ нашей лѣтописи и отчасти изъ др. источниковъ:

раисъ на это, онъ и началъ борьбу въ-за чисто литовскихъ земель, сначала—съ неродственными князьками ¹⁾, а потомъ и съ своими братьями и племянниками ²⁾.

Стремясь притануть побольше русскихъ земель, Миндове однакоже не объявлялъ еще притаваній на югозападную Русь, откуда можно было получить въ то время сильный отпоръ, а направилъ удары на русскія области, примыкавшія къ восточной окраинѣ его владѣній ³⁾. Напротивъ, онъ былъ въ постоянной дружбѣ съ Даниломъ и дважды помогъ ему въ борьбѣ его съ врагами ⁴⁾.

Но Даниль, какъ дальновидный политикъ, хорошо понималъ, что рано или поздно Литва, еслибы въ ней утвердилось дѣло Миндове, должна была напасть и на югозападную Русь, въ чемъ онъ и не ошибся ⁵⁾.

Неизвестный.

Миндове Выхонтъ его жена взята послѣ Вишиму- та (ея сестра за Довмонтомъ).	неизвестная по имени сестра Миндове	Неизвестно, ея ли снѣтъ	Братья Миндове: Отъ одного изъ нихъ
Войшелкъ Рукль Репскій. Неиз- вѣстная по имени жена Шварца.	Трениа Тов- твиаль (у Дюсс. Crispina, у Дауг. Стройнатъ).	Sorogius Lugoike (грам. 1260г.) (въ Ил.: Илннъ).	Эдивидъ

¹⁾ Ип. подъ 1215, 492: »а се Булевичи: Вишимуть, его же уби Миндовгъ и жену его поял и братью его побилъ, Едивила, Спрудъива-.

²⁾ Ип., 567 и 541

³⁾ И послѣ втораго своего разрыва съ Даниломъ онъ не предпринималъ завоевательныхъ походовъ на югозападную Русь, а устремлялъ свои взоры за Днѣпръ (Ип., 568: »Послалъ бжшеть Миндовгъ всю свою силу за Днѣпръ на Романа на Брянского князя«).

⁴⁾ Въ 1236 г. онъ сдѣлалъ, по желанію Данила, набѣгъ на земли Конрада [который отнесенъ къ этому году въ хроникѣ Альберта Стрелы, говорящей: »Ео autem tempore Comes *Hyud* cum non contempendo exercitu venit ad ducem Leonem. Masoviam omnem duca orbam cum Russis et Lithuanis populabundi peragraverunt etc.« »Skarbiec, № 78); во второй разъ онъ посылалъ Данилу всоюмогательное войско въ 1245 г., впрочемъ, когда оно пришло, все уже было кончено Ип., 517, 532 и 535.

⁵⁾ Уже Миндове, разсорившись съ Даниломъ, испросилъ у папы позволеніе воевать Россію и присоединять ея области къ своимъ владѣніямъ. Рядомъ съ этою буллою была выдана другая, позволявшая короновать Войшелка литовскимъ королемъ (Theiner, »Vetera Monum. Pol. et Lith.«, I, № СХХІІІ).

Бъ дому онъ былъ на провъ присоединить въ своимъ владѣнїямъ находившіяся подъ властію Литвы Новгородокъ и сосѣднія русскія земли ¹⁾. Поэтому, какъ только онъ раздѣлялся съ другими болѣе опасными врагами, и какъ скоро представлялся удобный случай вследствие того, что Миндове вооружилъ противъ себя даже своихъ родственниковъ ²⁾, Данилъ рѣшился начать борьбу.

Врагъ могъ быть уничтоженъ въ самомъ началѣ, еслибы, по составленному Даниломъ обширному политическому плану, ему помогли всѣ южные и западные сосѣди Литвы, т. е. поляки и рыцари ³⁾. Данилъ считалъ это дѣло общехристіанскимъ. Посылая въ лѣткѣ за помощію, онъ говорилъ: «яко время есть христіаномъ на поганѣхъ, яко сами ижеють, рать межн собою» ⁴⁾. Но горячо борался за дѣло одинъ только Данилъ. Какъ сильно онъ желалъ сокрушить могущество Миндове, видно изъ того, что онъ былъ крѣпко разсерженъ, когда получилъ извѣстіе объ отпаденіи послѣднихъ союзниковъ, на которыхъ надѣялся ⁵⁾; онъ посылалъ большіе подарки въ Ригу, лишь бы склонить къ войнѣ нѣмцевъ ⁶⁾ и не желалъ сначала мириться съ Миндове, когда

¹⁾ Strykowski, I, 286. Южнорусскіе князья не оставили своихъ притязаній и потому Бурдигидъ и Будивидъ дали Мстиславу Дан. Волковичскъ, чтобы олекъ жить съ нимъ въ мирѣ (Ип., 614).

²⁾ Подробнѣе о томъ см. въ Ип. ед. годъ 1252, стр. 541. Обращаемъ вниманіе на то, что до сихъ поръ оставляютъ безъ объясненія одну фразу гал.-пол. лѣтописи въ разсказѣ о тиранствѣ Миндове. Посылая своихъ племянниковъ на Русь, Миндове говоритъ: «што хто приємлетъ, собѣ держать вражбою» (X. П. «върожбою»); дагѣ читаетъ въ лѣтописи о Миндове: «бо за ороужество с ними Литву зима». Сл. «Лѣтоп. Бых.», гдѣ иначе.

³⁾ Возможность этого признается въ одной грамотѣ самого Миндове. Вотъ ея слова: «...nos quoniam totum regnum nostrum Lettaviae per aliquos christiadae fidei inimicos et aliquorum Apostasiam (намекъ на Данила) sic turbati fuerimus et concussi, quod nisi dictorum magistri ac fratrum (dictorum—разум. упомянутые передъ тѣмъ magister ac fratres domus Theutonicae) magnum consilium et auxilium nobis affuisset totum regnum nostrum fuisset cum subversione fidei anquillatum». Naruszewicz, V, str. 365, (по изд. 1803).

⁴⁾ Ип., 541.

⁵⁾ Ип., 544: «Тевтивилъ прибѣже в Данилу и(зъ) Жемонть и Ятвязь, река, яко Миндовгъ убѣди я серебромъ многимъ; Данилу же итѣгъ имютьцо на нѣ».

⁶⁾ Stryk, I, 287. Ип., 541. О сношеніяхъ Данила съ Ригою, кажется, довольно подробно сообщается въ соч. Grotz: «Albert Suerbeer (S.-P. 1854)», но мы не видали этой книги.

торъ предлагая это¹⁾. Поляки отказались воевать съ Миндове, да и греко-латинцы, коих открыли были непріязненные дѣйствія, скоро отстали и подружился съ Миндове, которому даже стали помогать²⁾. Данииль остался противъ Миндове только съ племянниками послѣдшаго, да съ наемными ими отрядами итвяговъ и жмуди³⁾. Силы обонихъ противниковъ оказались равными, и Данииль долженъ былъ удовольствоваться тѣмъ, что его сыну Роману были уступлены завоеванные литовцами германскіе города: Невгородокъ, Волковысскъ, Слонимъ и др., съ тѣмъ условіемъ, чтобы Романы признавали верховную власть Миндове⁴⁾. Впрочемъ, тогдаже Данииль выговорилъ Товтивилу спольное владѣніе Пеннономъ, въ которомъ потомъ мы видимъ Товтивина.

Заключенный борющимися сторонами миръ не рѣшилъ дѣла: ни одна изъ нихъ окончательно не возобладала. Нѣвольное лѣтъ послужило между ними наступило новое раздѣленіе. Кажется, что литовцы были недовольны тѣмъ, что Василько участвовалъ въ татарскомъ походѣ на Литву⁵⁾. Какъ бы то ни было, они захватили Романа Даниловича и отецъ его и дядя стали отыскивать его въ литовской землѣ, при чемъ опустошали ее⁶⁾. Съ этого времени югозападная Русь находилась не

1) Strzyk., I, 1111.

2) Ип., 543: «Наутрѣ же выѣхаша Нѣмцѣ со самострѣльцѣми въ хата на въ Русь с Полювци и стрѣлами...»

3) Сами литовцы, такъ обр., вредили себѣ, не понимая полезности дѣла Миндове. Въ то время литовскія племена готовы были за деньги служить всѣмъ — даже нѣмцамъ и обращались чуть не въ германскіе гелеты. О помощи ихъ нѣмцамъ см., напр., П. с. р. я., III, 27 кнѣ 1219; о помощи Конраду Мазовецкому см. у Воуффала (ed. Sommerh., p. 58); о помощи со стороны литовцевъ и итвяговъ Салтопску Поморскому см. у Длугоша (lib. VII, col. 701) и т. п.

4) Особенно ясно высказывается эта зависимость Романа отъ Миндове въ гал.-вол. лѣт. подъ 1257 (Ип., 655): «Приша же Миндовъ къ Даниау: *пришло къ тебѣ Романа и Невгородокъ*...» О мирѣ съ Миндове лѣтомъ поворить послѣ разсказа о коронаваніи Даниила; слѣдуетъ, это случилось около 1254 г.

5) Объ этомъ походѣ см. предыд. гл., прил. 30.

6) Существуетъ мѣynie, что Романъ Даниловичъ былъ убитъ тогда литовцами (Шараневичъ, «Ист. Гал. Вол. Руси», стр. 100), и тѣмъ показанъ всякому, который будетъ имѣть въ виду только назву летописи. Романъ Даниловичъ упоминается въ ней послѣ описанія поименовъ Даниила и Василька только одинъ разъ, но имя мертвый: Левъ Дамшловичъ, желая выманить къ Владислава Васильковича Бересте, между прочимъ, говоритъ, что въ Холмѣ *Романа* и Шарно и всихъ кости тучо

въ ладахъ съ Литвою до самой смерти Миндове ¹⁾. Но это не привело ни къ чему серьезному. Миндове былъ занятъ другими, болѣе важными, отношеніями и иногда только посылалъ отряды для опустошенія русскихъ земель. Русскіе заливали свое мщеніе на тѣхъ отряды—не болѣе —и даже не пытались отнять повѣманскіе города, оставшіеся, по всей вѣроятности, за Литвою. Время не было уже такъ благопріятно, какъ прежде; хотя орденъ опять считалъ Миндове своимъ врагомъ. Польша вновь была опустошена татарами и литовцами, и, по прежнему, между ея князьями не было единенія. Нѣмцы имѣли у себя домашнихъ враговъ въ лицѣ пруссовъ. Такимъ образомъ, югозападная Русь болѣе, чѣмъ прежде, должна была рассчитывать на свои только собственныя силы; а тутъ, еще нарочито, она также пострадала отъ татаръ и имѣла въ лицѣ ихъ грозныхъ враговъ.

Такое же пассивное отношеніе со стороны югозападной Руси къ литовскимъ дѣламъ мы замѣчаемъ и въ остальное время княженіе Данила.

лежать» (Ип., 600). Затѣмъ: послѣ описанія поисковъ идетъ описаніе свадьбы у Василька; «Бяшетъ же тогда братъ Васильковъ Данило король, со обѣма сынома своима со Лвомъ и со Шварномъ» (Ип., 562). Не прежде всего скажемъ, что передъ рассказомъ о свадьбѣ въ лѣтописи есть пропускъ. Во 2-хъ, Романъ еще въ 1259 г., по свидѣтельству польскихъ источниковъ, которое отвергнуть нѣтъ оснований (оно находится и въ современномъ актѣ: «Scarb.», str. 109, № 250, актъ 1263, и у современнаго происшествію лѣтописца), помогать Сомовиту Мазовецкому, о чемъ въ нашихъ лѣтописяхъ нѣтъ ни слова. Вѣроятно, въ томъ же году онъ и умеръ.

¹⁾ Миндове былъ убитъ осенью 1263 г. Въ «Лѣтописцѣ Рускомъ» (ч. II, Спб. 1792) сказано, что это случилось зимою того года (стр. 35). Конечно, мы должны вѣрить болѣе галицко-вол. лѣтоп., нежели польскимъ историкамъ и лѣтописцамъ, которые говорятъ, что въ 1262 г. вмѣстѣ съ литовцами на Мазовію нападали и находившіеся въ союзѣ съ ними русскіе и что Сомовитъ былъ убитъ Шварномъ (Bogurph., 74; Dlug., col. 766—767; Длугошъ ярко расписываетъ жестокость Шварна; Krotmer, lib. IX): Не любящая лжи и болѣе компетентная гал.-вол. лѣтоп. приписываетъ все это одной Литвѣ; изъ русскихъ князей съ литовцами, по ея словамъ былъ только бѣжавшій изъ Рязани Евстафій Константиновичъ, котораго она называетъ «оканнымъ и незаконнымъ» (Ип., 565; не онъ ли убитъ Сомовита?); однимъ же литовцамъ приписыв. набѣгъ и убіеніе Шварна и въ хроникѣ анонима (Sommerstb., II, 83), въ Annales Silesiae superioris (Periz, XIX, 553), въ Annales capituli Cracov. (ibid., 601) и въ Annal. Polon. I. III. IV (ib., 636—637).

Итакъ, хотя Данилово вмѣшательство въ литовскія дѣла не мало содѣйствовало остановкѣ развитія литовскаго могущества, но его попытка совершенно подавить въ зародышѣ Литву, какъ будущаго врага югозападной Руси, окончилась неудачей. Быть можетъ, было бы нѣсколько иначе, еслибы онъ былъ принужденъ заботиться объ одной Литвѣ. Но онъ желалъ раздѣляться и съ другимъ врагомъ, привлечь его вниманіе и былъ потому, что называется, между двухъ огней.

2. Сѣверо-западные сосѣди Даниловой Руси могли обратиться въ ея завоевателей въ недалекомъ будущемъ. Съ востока ей грозилъ враги въ настоящемъ; желанія ихъ были иного рода.

Первоначально татары не думали ограничиться покореніемъ одной Руси ¹⁾. Когда же потомъ они должны были оставить свои обширные

¹⁾ Вотъ что говоритъ о нихъ подъ 1244 г. Маттеей Парижскій со словъ какого-то *русскаго* (такъ стоитъ въ подлинникѣ) архіеп. Петра: «Они намѣрены покорить себѣ весь свѣтъ, и думаютъ, что, по опредѣленію божественному, должны они въ теченіе тридцати девяти лѣтъ опустошить вселенную. Думаютъ и увѣряютъ, что произойдетъ страшная борьба между ими и Римлянами...» (Филаретъ, «Обзоръ р. дух. литературы», Харьковъ, 1859. стр. 90). Пр. Филаретъ считаетъ этого Петра галицкимъ епископомъ (такого же мѣстнаго державца и нѣкоторые галицкіе писатели см. гал. ист. сборн., II, стр. 3); но въ Галичѣ передъ татарскимъ нашествіемъ и послѣ него упоминается еп. Артемій (Ип., 518 и 527); не находимъ Петра и въ списокѣ галицкихъ епископовъ, напечатанномъ въ I-мъ вып. «Гал. ист. сборн.» (стр. 145). А. С. Петрушевичъ («Гал. ист. сб.» II, стр. 6—8 и 96—97) считаетъ Петра титулярнымъ латинскимъ архіепископомъ de Russia. Такие поминальные католическіе епископы русскихъ земель появились, дѣйствительно, около этого времени (свидѣтельства нѣкоторыхъ писателей о существованіи ихъ раньше не заслуживаютъ опроверженія). При Генрихѣ Бородатомъ († 1238) упоминается Опатовскаго «*monasterii Abbas et Ruthenorum episcopus*, который pro Catholicis ibi (т. е. въ югозап. Руси) *degentibus de novo fuerat creatus*» (Sommersh. II, 58). Но вышеупомянутый Петръ не могъ быть этимъ епископомъ: подъ 1253 г. этотъ *primus episcopus Russiae* названъ Gothardus (ibid., 66). Едвали въ то время (ок. 1241 г.) были еще другіе какіе-нибудь епископы Ruthenorum. По словамъ папской буллы 1257 г., укрѣпившей за Любускимъ епископатомъ право завѣдывать латинцами, жившими въ Россіи, — право, переданное къ этому епископату отъ Опатовскаго, предшественники Любускаго епископа «*fuere pro tempore in possessione spiritualis jurisdictionis super omnes Latinos, existentes in Russia...*» (H. R. M., I, XCIV). Папская грамота 1320 г. говоритъ: «*eclesia Kyoviensis in confinibus Ruthenorum et Tartarorum, qui antiquitus Galathe vocabatur, elapsis centum annis et amplius...*

замисли, то, посланиица на всемъ пути, противленіи, восточной границы Руси, рѣшился, хотя, ее не выжидать, и въ своихъ русъ и сталъ зорко слѣдить, за князьями, всѣхъ, русскихъ земель, потому, что считалъ себя *владыкою, всей, Руси*. При этомъ они, были, *вратами* только, *полоной, ее, независимости* и предоставляли, князьямъ, въ, извѣстныхъ, предѣлахъ, свободу.

Югозападная Русь должна, была, подчиняться, имъ, наравнѣ, съ, остальными, землями. Бя, князь, не, двинулся, въ, орду, по, первому, зову, который, былъ, обращенъ, ко, всѣмъ, русскимъ, князьямъ¹⁾, и отъ, него, потребовали, Галича. Сопротивляться, не, было, возможности. Въ, концѣ, 1245 г. онъ, отправился, въ, орду, стать, на, колѣни, передъ, ханомъ, и, назвался, *колопомъ*²⁾.

infelicitèr caruit pastore proprio, clero et populo christiānis» (Theiner, Монастырь, Вл., I, стр. 162), № 252; см. ibid., p. 295, № 376). Если здѣсь дѣло, идетъ, о, Галичѣ, то, мы, не, споримъ, противъ, хронологической, даты, буллы; если же — о, Киевѣ, то, множество, фактовъ, можно, привести, въ, доказательство, того, что, тамъ, вовсе, не, было, католическихъ, епископовъ, до, 1244 г. И, такъ, трудно, проирочить, здѣшащаго, насъ, Петра, къ, разряду, титул. р. вл. еп. Руси, хотя, рассказъ, о, немъ, даетъ, болѣе, всего, право, именно, на, то. Можетъ, быть, онъ, занималъ, епископскую, кафедру, въ, другомъ, какомъ-нибудь, городѣ, южн. Руси, кромѣ, Галича!

¹⁾ Нилъ, III, 20: «также (Батый), повелѣ, всѣмъ, князьямъ, русскимъ, оставшимъ, в, Руси, прийти, к, себѣ».

²⁾ Ид., 536. — Гал., вол. лѣт. относить, это, къ, 1250 г., и, всѣ, безъ, исключенія, историки, принимаютъ, его, показаніе. Но, о, поѣздѣ, Данила, въ, орду, въ, ней, говорится, непосредственно, вслѣдъ, за, описаніемъ, Дроу, славской, битвы, которая, какъ, мы, видѣли, случилась, въ, 1245 г. Поэтому, и, подчиненіе, Данила, Татарамъ, нужно, отодвинуть, назадъ. На, необходимость, этого, указываетъ, также, то, что, по, возвращеніи, Данила, Коярадъ, Мавроветкій, (№ 1247) былъ, еще, живъ» (Ид., 537). Точно, опредѣлить, время, Даниловой, поѣздки, даетъ, возможность, Планъ-Карпини. Въ, то, время, когда, послѣдній, проѣзжалъ, чрезъ, югозап. Русь, Данилъ, былъ, въ, ордѣ, Планъ-Карпини, до, всей, вѣроятности, видѣлъ, его, идѣ, то, за, Двѣвромъ. Планъ-Карпини, прямо, этого, не, говоритъ, но, такъ, можно, думать. Онъ, не, упоминаетъ, о, встрѣчѣ, съ, Даниломъ, передъ, Двѣвромъ, (см. стр. 10), не, причисляетъ, его, также, къ, лицамъ, которыхъ, встрѣтилъ, у, Батю. [Въ, Бергереновомъ, переводѣ, послѣдней, главы, Планъ-Карпини, читаемъ: «Il (Jean Garpin) fait mention des noms de tous ceux qu'il a trouvez ou rencontrés à, ou par les chemins. Comme le Roi Daniel de Russie, avec toute sa suite, étant près de Bathy, et de Carbon, qui avoit épousé une veuve de Bathy» (стр. 212); потомъ, Планъ-Карпини, ссылается, на, провожавшаго, его, на, нѣкоторомъ, разстояніи, къ, Батю, Могроша, послѣ, этого, онъ, уже, говоритъ, о, тѣхъ, кого, засталъ

Неизвестно, обязался ли онъ платить дань или нѣтъ, но несомнѣнно, что татары требовали ее¹⁾.

Врагъ былъ обще-русскій. Но въ то время, какъ остальные русскія земли, моча, подчинились татарскому игу, Даниилова область рѣшила сдѣлать попытку къ освобожденію себя отъ стѣснавшаго ее гнета.

Для князю болѣе, чѣмъ остальнымъ русскимъ князьямъ, вазалось несноснымъ и было тяжело признавать надъ собою татарскую власть. Обратимъ вниманіе на то, что чувствовалъ этотъ прекрасно образованный европеецъ при встрѣчѣ съ татарами. »И прииде Переяславлю, и

у Батю и у великаго хана (стр. 314)]. Плато-Карпини проѣзжалъ черезъ Волынъ въ 1 й разъ въ январѣ 1246 г.: 2-го февраля онъ былъ уже въ Кіевѣ [стр. 19]. Въ древнихъ рукописяхъ Плато-Карпини его путешествіе обозначается совершенно вѣрно то 1245, то 1246 г. См. »Критико литературное обзорѣніе путешественниковъ по Россіи« Ф. Аделунга. Ч. I. М. 1864, стр. 58—59. Что мы правильно выставили 1246 г.; видно изъ разныхъ упоминаемыхъ Плато-Карпини происшествій, имѣвшихъ мѣсто въ томъ году. При немъ скончался въ Азіи Ярославъ Всеволодовичъ, а онъ, по нашимъ лѣтописямъ, умеръ 30го сентября 1246 г.: П. с. р. л., I, 201; ib. VII, 156; Ник. III, 26. Невадолго до Плато-Карпини (стр. 84) былъ убитъ въ ордѣ Михаилъ, а это случилось 20-го сентября того-же 1246 г.: П. с. р. л., I, 201; Ник. III, 25; въ Воскрес.— П. с. р. л., VII, 156—неправильно показано 23-е сентября]; у Батю же онъ былъ отъ великаго четверга до дня Пасхи 1246 г. (Плато-Карп., стр. 16 и 22). Папская булла къ татарамъ помѣщена у Явкова и помѣчена: »попаз Martii anno II.« По словамъ нашей лѣтописи, Даниилъ отправился къ Батю »на праздникъ святаго Дмитрѣя«; въ то время Днѣпръ еще не покрывался льдомъ: »изыде изъ монастыря въ лоды« (Ип., 535). Изъ сличенія этихъ данныхъ мы выводимъ, что Даниилъ выѣхалъ въ орду въ октябрѣ 1245 г. и не переправлялся на правую сторону Днѣпра, на обратномъ пути, до начала февраля 1246 г. Обращаясь затѣмъ въ подробностямъ, находящимся въ галицко-вол. лѣтописи, нельзя не прийти къ тому же результату: во время поѣздки Даниила, въ Кіевѣ сидѣлъ еще намѣстникъ Ярославовъ (Ип., 535); у Батю его также встрѣчалъ Ярославовъ человекъ (ib., 536). — Послѣ свиданія съ Данииломъ, Батый считалъ его земли вполне покорнымъ себѣ и къ подданнымъ Даниила, а не къ кому-нибудь иному, при возвращеніи папскихъ пословъ; онъ »послать грамоту ва своєю печатю, чтобы давали имъ лошадей и все нужное, а въ противномъ случаѣ угрожалъ имъ всѣмъ смертною казню«. (»Собр. пут. къ тат., стр. 217).

¹⁾ Ип., 536: »нынѣ сѣдять ва колѣну и холопомъ навывается, и дань хотять, живота не чаеть и грозы приходять«.

стрѣгоша Татаровѣ. Оттуда же ѣха въ Куремѣсь, и видѣ яко мѣсть в нихъ добра. Оттуда же нача болти скорбѣти душою, видя бо обладаемы дьяволомъ: сквѣрная ихъ вудѣпская бляденя и Читизаконова мечтаня, сквѣрная его вровопитя, многия его волшебы; приходящія цари и князи и велможѣ, солнцю п лунѣ и землю, дьяволу, и умершимъ въ адѣ отцемъ ихъ и дѣдомъ и матеремъ, водяше около куста поклонятися имъ. *О скорбная прелестъ ихъ! Се же слыша велии нача скорбѣти* ¹⁾. Нужно вспомнить также гордую натуру Даниила (какъ горько должно было быть для нея униженіе! ²⁾ и его горячую любовь во благу и независимости родины. Не слѣдуетъ забывать и того, что это былъ могущественнѣйшій изъ тогдашнихъ князей ³⁾.

Даниилъ задѣлвалъ всю Батмеву орду. На успѣхъ въ борьбѣ съ нею можно было рассчитывать только въ томъ случаѣ, еслибы удалось выставить противъ нея огромную массу. Путешествовавшій къ татарамъ Плато-Карпини говоритъ: «Нѣтъ такой области, которая сама собою могла бы имъ сопротивляться; ибо собираютъ они на войну изъ всѣхъ земель, которыми владѣютъ. Поэтому если христіане хотятъ сохранить себя и свои земли и все христіанство, то необходимо, чтобы короли, князья и бароны и правители земель, соединясь, послали на нихъ по общему соглашенію, войско, прежде нежели начнутъ они разсѣваться по землямъ ⁴⁾». Сами татары кичились своимъ многочисленіемъ и потому именно и думали, что противъ нихъ не можетъ устоять никакой

¹⁾ Ibid. 535—536.

²⁾ Не даромъ другихъ лѣтописцевъ «татарская честь» не оскорбляла такъ; а тутъ читаемъ: «О злѣе злѣ честь Татарская!... О злая честь Татарская!» (Ип., 537).

³⁾ Въ силу всѣхъ этихъ обстоятельствъ, Даниилъ съ самаго начала не хотѣлъ покоряться татарамъ. До зова со стороны Батия онъ не ѣхалъ въ орду, а собиралъ въ то время свѣдѣнія о татарахъ [Плато-Карпини говоритъ о Васильѣ: «venerat Dominus Wasilico, Dux Russiae, a quo etiam plenius de facto audiuimus Tartarorum: quia nuncios illuc miserat, qui jam redierant ad ipsum.» Стр. 8]. Къ хану онъ отправился только потому, что еще не достаточно приготовился къ защитѣ: «Бысть в печали велицѣ, зане не утвердилъ бѣ землѣ своея города: и думавъ съ братомъ своимъ, и поѣха к Батиеви...» (Ип., 535). По возвращеніи изъ орды, онъ съ новымъ жаромъ принялся за планы касательно сверженія татарскаго ига.

⁴⁾ Собр. путеш. въ тат., 203.

народъ ¹⁾). Они двигались всегда въ полномъ составѣ орды, тогда какъ осѣдлые жители областей, на которыя они нападали, не всё противъ нихъ выходили; земское ополченіе являлось безсильнымъ. Этимъ объясняется легкое завоеваніе Руси татарами.

Вотъ почему Даниилъ почти съ той самой поры, какъ задумалъ борьбу съ ними, началъ хлопотать о составленіи противъ нихъ большаго ополченія изъ западно-европейцевъ ²⁾; о соединеніи съ сѣверовосточ-

¹⁾ Ibid., 108.

²⁾ По словамъ Стрыйковскаго (I, 291), Даниилъ отправлялъ къ папѣ пословъ уже въ 1245 г. (на Ліонскій соборъ), но это невѣрно: изъ Plano-Karпини видно, что, до проѣзда послѣдняго чрезъ юго-западную Русь, Даниилъ не заводилъ сношеній съ Римомъ. Папа первый вызвалъ его на это: онъ далъ посламу, отправлявшемуся къ татарамъ, грамоту, для врученія князьямъ юго-западной Руси, въ которой увѣщевалъ ихъ «возвратиться къ единенію со святою матерью церковію». Иннокентій IV интересовался привлеченіемъ Даниила въ лоно католицизма потому, что, съ обращеніемъ его, 1) увеличилась-бы папская паства, а во 2-хъ, католическій міръ въ лицѣ его приобрьлъ-бы на границѣ съ невѣрными сильнаго государя; а папа такъ заботился объ охраненіи католическихъ земель отъ татаръ! Папскіе послы, при первомъ своемъ проѣздѣ чрезъ юго-западную Русь, не могли получить рѣшительнаго отвѣта, потому что не было дома Даниила (Plano-Karпини, 8). Безъ сомнѣнія, Василько разсказалъ брату (возвратившемуся, вѣроятно, въ февралѣ) объ ихъ словахъ. Они порѣшили вступить въ переговоры съ Римомъ и въ первые мѣсяцы 1246 г. (въ февралѣ, или въ мартѣ, или въ апрѣлѣ) отправили къ папѣ пословъ. Указаніе на это посольство мы находимъ въ папскихъ грамотахъ, датованныхъ «V. Nonas Maii. 1246. Въ одной изъ нихъ папа говоритъ: «*votis tuis libenter annuimus, et petitiones tuas quantum cum Deo possumus favorabiliter exaudimus. Tuis itaque supplicationibus inclinati...*» (H. R. M., I, LXII). Въ др. грамотѣ отъ того же числа, обращенной къ королю русскому Іоанну и ко всемъ вѣрнымъ, папа выражается уже не такъ опредѣленно: «*sicut accerimus...*» Очевидно, объ этомъ же посольствѣ упоминаетъ Plano-Karпини подъ 1247 г.: «*responderunt nobis communiter dicentes — confirmantes etiam omnia, quae prius de hac materia per Abbatem suum transmiserant*» (стр. 62). Райнальдъ не вдается въ подробности о томъ, по какому случаю написаны названные нами грамоты. Онъ говоритъ («*Annales Ecclesiastici, XIII, ad a. 1246, № 28, p. 558*»: «*laetissimo primo nuntio excitatus Innocentius, Prussiae archiepiscopum, quem ex Armachana ad illam sedem ineunte anno transtulerat, Apostolicaeque sedis legati dignitate ornatum ad Russos misit*». — Второе посольство въ папѣ было отправлено Данииломъ въ 1247 г. — вмѣстѣ съ возвращавшимся въ Римъ Plano-Karпини («Собр. путеш. къ тат.», 62), и отвѣтомъ на него являются буллы, помѣченные: «*Lugduni VI. Kalendas*

ною Русью онъ не помышлялъ. Западъ не подалъ ему помощи, несмотря на то, что посланные папою къ татарамъ привезли грозную вѣсть о походѣ на Западъ, который послѣдніе намѣревались предпринять ¹⁾; не влияли на католиковъ и постоянныя воззванія въ крестовому походу съ церковныхъ кафедр ²⁾. Даниль рѣшился выступить противъ татаръ съ одними собственными силами ³⁾. Послѣ первыхъ успѣ-

Septembris. Anno V. (1247) (Н. Р. М., I, №№ LXXVII—LXXI). Въ одной изъ папскихъ буллъ этого года (*ibid.* LXXII) упоминаются «*litterae speciales*» и «*nuntii, quos—transmisit nuper ad nostram presentiam*»; въ др. грамотѣ (LXXV) такими нунціями названы «*fratres H. et A. de ordine fratrum Predicatorum*», очевидно, тѣ самые, которыхъ папа послалъ въ предидущемъ году для пребыванія при Данилѣ (LXIII).

¹⁾ «Собр. путеш. въ Тат.», 200, 196; грамота Байотной у Асценина, т. 12, стр. 268 и 260.

²⁾ Едва ли не первую буллою, вызывавшею Западъ къ крестовому походу противъ Татаръ, была напечатанная у Райнальда подъ 1243 г. (№ № 36—37; р. 523). Пропуская слѣловавшій затѣмъ рядъ папскихъ мѣръ для защиты католичества отъ Татаръ, укажемъ на то, что папа приглашалъ вѣрныхъ къ ополченію противъ нихъ въ 1253 (по сообщенію со стороны Данила объ угрожавшемъ набѣгѣ. Н. Р. М., I, LXXXVIII) и въ 1254 (*ibid.*, № XC; булла помѣчена: «XII. Kal. Junii») гг. Подобныя увѣщательныя грамоты папы издавали и послѣ разрыва съ Даниломъ [въ 1258: *Voigt, Gesch. Preussens* 4 s. 150, и *Cod. diplom.*, р. 121; въ 1260: *Cod. dipl.*, р. 131; въ 1261: *Raynaldi Ann.*, XIV, ad a. 1261, № 6; въ 1262: *ibid.*, ad a. 1262, № № 29—32], но онѣ не имѣли никакого значенія, равно какъ и буллы, побуждавшія къ крестовому походу противъ Литовцевъ (см. напр. «*Ann. Eccl.*» XIV, ad a. 1255, № 59, ad a. 1257, № 25); ополченія не могли организоваться; дѣло ограничивалось тѣмъ, что крестъ принимали одиночныя лица и послѣ того сидѣли дома; нѣкоторые даже старались потомъ снять съ себя обѣтъ (*Rayn.*; *ibid.*).

³⁾ Онъ предпринялъ противъ нихъ даже наступательное движеніе (см. въ I-й гл.).—Одинъ разъ, повидимому, Даниль могъ дѣйствовать, опираясь на литовскія силы (Ип., 555—556), но онѣ не оказали ему никакого пособія.—Первые начали борьбу (въ концѣ 1253 или въ началѣ 1254 г.) Татары, должно быть, узнавшіе о сношеніяхъ Данила съ Западомъ. Вскорѣ послѣ коронованія его они двинулись къ Бакотѣ (Ип., 549). Во время проѣзда Пано-Карпини, они кочевали еще у правой стороны Днѣпра. Щербатовъ догадывался, что въ 1252 г. Татары пошли на Данилова зятя, Андрея Ярославича, потому, что опасались этой родственной его связи съ Даниломъ («Ист. Росс.», т. III, Спб. 1774, стр. 65). Г. Трубецкой также думаетъ («*La Russie rouge*», 146), что Андрей началъ заявлять открыто неповиновеніе Татарамъ подъ влияніемъ Данила. Но это не выдерживаетъ критики.

ховъ¹⁾, онъ долженъ былъ понизу ударить головою, когда на жѣсто басарка (Куремсы) былъ двинутъ съ болѣе численными полчищами Бурандай. Силы послѣдняго были страшны Данилу. «Данило же держаше рать с Куремсы, и николи же не бояся Куремсы; не бѣ бо могъ: ала ему створити никога же Куремса, дожде приде Бурандай со силою великою²⁾». Этотъ «безбожный, злой, окаянный, проклятый» воевода, какъ называется его лѣтопись, заставилъ Данила въ концѣ лонцовъ отрезаться отъ мысли о борьбѣ съ татарами, приказавши скрыть почти всѣ воздвигнутыя въ югозападной Руси укрѣпленія. Что должны были чувствовать южно-русскіе князья при сменахъ слѣдующаго рода? Поиде Бурандай къ Володимерю, а Василко князь с нимъ, и не дошедшу ему города, ста на Житани на ночь, Бурандай же нача молвити про Володимере: «Василко! розмети городъ»; князь же Василко нача думать в собѣ про городъ, зане немощно бысть розметати в борзѣ его величествомъ, новѣиѣ зажечи и; и тако черезъ ночь изгорѣ весь. Завѣтра же приѣха Бурандай в Володимере, и видѣ своимъ очима городъ изгорѣвши весь; и нача обѣдати у Василка на дворѣ и пити; обѣдавъ же ядичи и лезе на ночь у Пятидна. Завѣтра же присла татарина, именемъ Баймура, Баймуръ же приехавъ ко князю и рече: «Василко! присла мѣ Бурандай; велѣ(ъ) ми городъ розкопати». Рече же ему Василко: «творю новѣиѣное тобою». И нача розкопавати городъ, назваменуа образъ побѣди³⁾. Князья собственными руками должны были разрушать то, вычемъ свѣдѣли послѣдній оплотъ противъ варваровъ, и послѣ того ихъ заставляли принимать участіе въ татарскихъ циршествахъ!

Борьба съ восточными врагами, какъ и съ сѣверозападными, окончилась для югозападной Руси неудачею, въ силу малыхъ ея средствъ. Не ей было суждено низринуть татарское владычество. Несчастная Россія принуждена была долго еще ожидать того момента, въ кото-

1) Мы говоримъ о борьбѣ Данила съ Куремсою, набѣдавшими за югозападомъ. Планъ Карпини передаетъ извѣстіе, что у Куремсы (онъ называетъ его Коррензою) было 60000 человекъ (стр. 14; въ нѣкоторыхъ спискахъ неправильно: 600000; см. 46-ю стр. По изслѣдованіямъ новѣйшихъ историковъ (см. Hammer-Purgstall's «Geschichte der Goldenen Horde in Kiptschak». Цитата И. И. Шараневича), у него было всего 10000 человекъ.

2) Ич., 561.

3) Ibid., 562—563.

рый должно было наступить это освобождение для каждой из двух огромных половин (московской и литовской), на которые она разбилась.

Попытка Даниила была однако не бесполезна для югозападной Руси. Татары стали побаиваться Даниила. Когда один из претендентов на Галичь просил у них помощи, они ему отвѣчали: «како идеши в Галичь, а Данило князь ють есть; оже отъиметь ти животъ, то кто ти избавить ¹⁾»?—Побаивались они и того, чтобы онъ не двинулъ на нихъ Западъ, предъ силами котораго они чувствовали нѣкотораго рода страхъ ²⁾. Потому-то даже Бурандай называлъ галицко-волинскихъ князей не иначе, какъ «мирниками», т. е. находящимися въ союзѣ ³⁾, и власть татаръ не была такъ прочно утверждена, какъ въ сѣверовосточной Россіи.

Въ заключеніе намъ остается сказать нѣсколько словъ въ защиту политики Даниила относительно татаръ противъ С. М. Соловьева. Этотъ ученый какъ-бы не одобряетъ ее, отдавая предпочтеніе, по своему обмывовенію, политикѣ сѣверныхъ князей. «Неудача предпріятій Даниловыхъ, говоритъ онъ ⁴⁾, служить самымъ лучшимъ объясненіемъ постоянной поборности Александровой и выставляетъ съ выгодной стороны проникательность и осторожность внука Всеволода III». Соловьевъ думаетъ какъ-бы, что Данииль не вполне благоразумно и расчетливо затѣялъ борьбу съ татарами. Но Александръ Невскій былъ далеко слабѣе Даниила по своимъ силамъ и не находилъ ни малѣйшей опоры на Западѣ. Данииль былъ въ иномъ положеніи. А что онъ не кидался въ борьбу, очертя голову, просто по чувству удалства, какъ это сдѣлалъ одинъ изъ сѣверныхъ князей ⁵⁾, это видно изъ того, что онъ не сразу началъ наступательное движеніе противъ татаръ.

1) Ип., 550.

2) «Собр. путеш. къ Тат.», 44 и 228.

3) Ип., 560 — 562. «Мирникомъ» называлъ и Болеславъ Краковскій Шварна. Ип., 571.

4) III, 232—238.

5) Андрей Ярославичъ. Когда пришли на него Татары, онъ «смутился въ себѣ глаголю: Господи! что се есть, доколѣ намъ межъ собою бранитися, и наводити другъ на друга татаръ; лутче мнѣ събѣжати въ чужую землю, неже дружитися и служити татаромъ. И собравъ воинство свое иде противу ихъ, и срѣтешся начапа битись, и

IV.

Мы указали на все, заслуживающее, по нашему мнѣнію, вниманія въ княженіе Даниіла Галицкаго. Намъ предстоитъ теперь, на основаніи вышесказаннаго, сдѣлать общую оцѣнку всего совершившагося въ теченіе этого княженія.

При Данилѣ значительная по объему часть Руси, именно юго-западная, отдѣлилась отъ прочихъ русскихъ земель и начала жить особенною жизнію. Это обособленіе было вредно въ томъ отношеніи, что постепенно все больше и больше могло развивать чувство отдѣльности, и, при случаѣ, одна часть могла уже и не подумать о поданіи помощи другой, которая казалась ей чуждою; съ сѣвера уже не могъ придти на выручку Галича Мстиславъ; это мы и видимъ въ половинѣ XIV столѣтія, при покореніи Червонной Руси Польшею. Но не одни дурныя послѣдствія могло имѣть это отдѣленіе. Чѣмъ оно сопровождалось? Югозападная Русь не желала терпѣть участи, какую сносили остальные русскія земли, рвалась къ свободѣ, стремилась къ развитію вполне цивилизованной для своего времени жизни. Имѣя она успѣхъ на этомъ поприщѣ, она принесла бы великую пользу не только западной Руси, которую могла-бы притянуть къ себѣ, но и восточной, избавивъ ее собственными силами отъ враговъ, которые, борясь съ югозападною Русью, боролись потомъ съ Москвою; она могла-бы сообщить оставшимъ въ неволѣ отъ цивилизованной жизни братьямъ выработанную ею здоровую, самобытную и въ тоже время стоящую на уровнѣ времени гражданственность. Она могла-бы вторично сыграть роль, какая однажды была уже исполнена ею,—роль, навсегда освятившую Кіевъ для всей Руси.

И изучающій время Даниіла, еслибы не познакомился съ тѣмъ, что было потомъ, былъ-бы почти увѣренъ, что такъ и случилось. При Данилѣ югозападная Русь претерпѣла много ударовъ и несчастій, но они не убили въ ней жизни, которая общала въ будущемъ прекрасный раздвѣтъ. Въ моментъ Даниіловой смерти съ горизонта не сошла грозная туча, но при его жизни югозападная Русь боролась стойко и сравнительно удачно. *Крѣпости скрыты по приказанію татарскаго

бысть битва велика и одолѣша татарове, и побежа ен. в. Андрей Суздальскій...» Ник. III, 33—34.

баскава, говорить С. М. Соловьевъ, но Холмъ сбереженъ, и вообще отношенія монгольскія не такъ тяжки на югъ, гроза Бурундаева прошла какъ-то мимо ¹⁾. Впредь не нужно было ломать голову надъ средствами для борьбы съ непріателемъ: они были узаны Даниломъ; эти средства были: единодушіе внутри и, при этомъ единогласіи, союзъ съ Нѣмцами—противъ Литвы ²⁾ и союзъ съ западомъ вообще—противъ татаръ. Притомъ эти врати принуждены были значительно побѣдить въ своихъ порывахъ. Еслибы послѣ Данила всешло, какъ при немъ, то югозападная Русь устроила-бы противъ всякой непогоды, дождалась-бы свѣтлаго неба и зажила-бы отрадною жизнью въ освѣженной атмосферѣ.

Но въ томъ-то и была, что она не видѣла другаго Данила. Ни одинъ изъ оставленныхъ имъ и бывшихъ послѣ него князей не походилъ на него соединеніемъ въ себѣ опрощающаго количества качествъ, которыя были необходимы для государя въ то тяжкое время, не исключая и высоконравственнаго и симпатичнаго Владимира Васильковича ³⁾. Не было личности, которая умѣла-бы направлять постоянно къ одной цѣли политику всехъ князей югозападной Руси. Послѣ Данила между ея князьями уже нѣтъ прежняго единодушія, столь важнаго при тогдашнихъ обстоятельствахъ, и это обнаруживается сразу: когда пришлось воевать съ Поляками вскорѣ послѣ смерти Данила, Левъ не соединился съ братомъ и дядею ⁴⁾; а при Данилѣ всѣ поля шли на враговъ, и это могло сдерживать послѣднихъ ⁵⁾. Левъ, заратившись съ Литвою, не получилъ помощи отъ Василька, а просилъ ее у татаръ ⁶⁾. Раздѣленіе югозападной Руси между нѣсколькими нѣрѣдко разобщенными въ политикѣ и вообще не возвышавшимися постоянно надъ мыслью о личномъ благѣ князьями не давало возможности дѣйствовать наступательно противъ враговъ. И вотъ татарское вліяніе усиливается ⁷⁾. Русь

¹⁾ Исторія Россіи, т. III, 233.

²⁾ Въ этомъ отношеніи преемники Данила исполнили его завѣтъ.

³⁾ Посвященную его дѣятельности статью см. въ IV-й кн. Вѣст. зап. Россіи, 1871.

⁴⁾ Ип., 571—572.

⁵⁾ Особенно замѣтно въ лѣтописи постоянное несогласіе и не-расположеніе между Львомъ и Владиміромъ Васильковичемъ.

⁶⁾ Ип., 575.

⁷⁾ Лѣтописецъ начинаетъ говорить: «тогда же блху вси князи въ неволѣ татарской». Ип., 575, 588, 591.

не крѣпла, а между тѣмъ Литва и Польша усиливались отъ сплоченія, противъ котораго югозападная Русь не принимала мѣръ, и въ концѣ концовъ подѣлились ею. И она томилась подъ чужеземнымъ гнетомъ четыре съ половиною вѣка; значительная часть ея неосвободилась отъ него и до сихъ поръ.—Время Даниила было самое блестящее время югозападной Руси, начиная съ основанія русскаго государства; съ его смертію она видѣла мало такихъ свѣтлыхъ сравнительно моментовъ.

С. М. Соловьевъ ¹⁾ и К. Н. Бестужевъ-Рюминъ ²⁾ объясняютъ ея паденіе иначе. Они утверждаютъ, что въ ней не было задатковъ и возможности крѣпкой жизни. Если согласиться съ ними, то выйдетъ, что Данииль строилъ свое зданіе на пескѣ (что и утверждаетъ Бестужевъ-Рюминъ), и что его труды тратились по напрасну и принесли мало пользы. Но въ сѣверовосточной Руси не было элементовъ, особенно благопріятствовавшихъ развитію крѣпкаго государства, и оно образовалось такъ нескоро не по одной причинѣ татарскаго владычества. Кто знаетъ, не случилось-ли бы этого еще позже, еслибы не подвернулось татарское нашествіе? Съ другой стороны, въ югозападной Руси не было элементовъ разложенія. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ видитъ все зло въ Галичѣ, въ его аристократіи. Но Галицкая область послѣ Даниила не была первенствовавшая въ югозападной Руси, и Галичъ, и Львовъ не были исключительными столицами послѣдней. Напротивъ, мы имѣемъ основанія думать, что Владиміръ Волынской имѣлъ болѣе значенія, нежели Львовъ. Это видно изъ дошедшихъ до насъ грамотъ послѣдняго времени самостоятельнаго существованія югозападной Руси ³⁾. Что же касается галицкаго боярства, то, какъ мы видѣли, оно было подавлено при Даниилѣ и не воскресло съ прежнею силою, сколько намъ извѣстно, до конца XIII столѣтія, когда наши свѣдѣнія о Галицко-Волынскихъ княжествахъ дѣлаются крайне скудными, по случаю прекращенія мѣстной лѣтописи.

Не исполнилась мечта Даниила о самостоятельной жизни югоза-

¹⁾ См. I-ю гл. XIII-го тома.

²⁾ «Русская исторія», I, 293—299.

³⁾ Въ грамотѣ Юрія II отъ 1327 г. Владиміръ названъ *civitas capitulis*. Во Владиміръ же писаны грамоты: 1316, 1320, 1335; изъ Львова выдана грамота 1334; объ одной (1325) неизвѣстно, гдѣ писана.—Въ то время нерѣдко даже вся югозападная Русь объединялась подъ названіемъ Волыни. См. «Гал. истор. сборн.», вып. 3.

падной Руси, съ блестящимъ положеніемъ ея среди сосѣдей и съ цвѣтущимъ видомъ внутри: она не сыграла роли, какую ей можно было думать. Несмотря на то, вняженіе Даниила не было бесплоднымъ. Оно отсрочило на цѣлое столѣтіе паденіе югозападной Руси, на цѣлое столѣтіе отдалило отъ нея тягости чужеземнаго ига. Западные ея враги, чуть чуть было не овладѣвшіе ею, были отбиты, и она значительно окрѣпла при Даниилѣ благодаря тому, что на время представляла какъ бы одно цѣлое. Единеніе это долго не продолжалось, но все-таки весьма важно было то, что она сосредоточилась въ рукахъ меньшаго числа лицъ, притомъ—лицъ, принадлежавшихъ въ одному роду. Благотворно также должно было дѣйствовать и то, что внязья осѣлись на своихъ мѣстахъ. Существова же въ теченіе цѣлаго столѣтія послѣ татарскаго нашествія, югозападная Русь отвлекала вниманіе Литвы отъ востока, принимала на себя ея удары и давала Москвѣ возможность вклиниться, въ то время какъ Псковъ и Новгородъ не допускали въ Москвѣ ливонцевъ.

V.

Указавъ важнѣйшія событія этого замѣчательнаго княженія, опредѣливъ историческое его значеніе, мы не въ правѣ еще окончить свой трудъ. Онъ былъ бы неполонъ, еслибы мы не упомянули о томъ громадномъ благотворномъ вліянніи, какое имѣла на судьбу юго-западной Руси того времени сообщившая ему свое имя личность Даниила Романовича.

Слишкомъ тяжело и трудно было для югозападной Руси то время, въ которое онъ жилъ. Она со всѣхъ почти сторонъ могла опасаться за свою независимость.

Если, несмотря на то, она удержала свою самостоятельность въ отношеніи къ западнымъ и сѣвернымъ сосѣдямъ и даже, напротивъ, сдѣлалась для нихъ болѣе или менѣе грозною, если сразу же не вполне подпала татарскому игу и сколько-нибудь пришла въ цвѣтущее состояніе послѣ всѣхъ бѣдствій, то этимъ она обязана въ громадной степени именно Даниилу; мы говоримъ, въ громадной степени, а не вполне, потому что ни одному человеку нельзя приписать что-нибудь вполне. Исполнился когда-нибудь замыселъ враговъ Даниила на его жизнь, стань въ

качествъ вожди во главѣ юго-западной Руси кто-нибудь другой, ходъ ея исторіи былъ бы совершенно иной. Она не сплотилась бы, что случилось при Даниилѣ, и не имѣла бы оттого силы, которая весьма много помогала Даниилу; никто другой, кромѣ его, не сумѣлъ бы и такъ прекрасно устроить политическія отношенія ея. Мы просимъ при этомъ читателя вспомнить, что ей помогъ весьма мало даже Мстиславъ Удалой. И это не наше только мнѣніе. М. О Кюловичъ говоритъ: «Галицко-Волынское княжество просуществовало послѣ татарскаго нашествія (мы скажемъ: послѣ смерти Романа, потому что серьезной опасности оно подверглось именно съ этого времени) еще цѣлое столѣтіе, — еще цѣлое столѣтіе группировало около себя западно-русскія силы. Этимъ столѣтнимъ существованіемъ оно особенно было обязано необыкновенному западно-русскому человѣку — Даниилу Романовичу, Галицко-Волынскому князю»¹⁾. Одинъ довольно почтенный польскій историкъ также называетъ «королество Руси» «twóróomъ dziełności jego»²⁾.

Такое, крайне благотѣльное и чрезвычайно сильное вліяніе Даниила Галицкаго на судьбы югозападной Руси происходило изъ того, что это была личность не изъ обыкновенныхъ, — личность, совмѣщавшая въ себѣ почти всѣ тѣ качества, которыя нужны были для спасенія Руси; онъ былъ по плечу тому трудному времени, когда «въ Русской землѣ возсталъ великій мятежъ» и наступили «безчисленныя рати,... частыя войны, и многія крамолы, и частая востанія, и многія мятежи».

Не станемъ указывать на отличавшую Даниила отъ его соперниковъ безкорыстную горячую любовь къ русской землѣ, которую онъ желалъ видѣть вполне счастливою страню, прекрасно устроенною внутри, какъ то доказываетъ его внутренняя дѣятельность, и занимающую почетное положеніе и славную среди окружающихъ государствъ; онъ усердно старался о возможно большемъ распространеніи у нихъ этой доброй о ней славы³⁾. Одной горячей любви къ отечеству, составляю-

¹⁾ «Лекціи по ист. Зап. Россіи», 84.

²⁾ Каз. Стадницкій въ соч. «Synowie Gedymina» (t. II, str. 1).

³⁾ Вотъ что говоритъ онъ своимъ воинамъ, когда они однажды хотѣли возвратиться съ похода на Литву: «срамоту имѣемъ отъ Литвы и отъ всихъ земель, аще не пойдемъ и вратимся» (Ил., 543). Для славы Руси, съ которою возрастала и его слава, а не для чего иного, онъ такъ охотно принималъ участіе въ войнахъ сосѣдей, помо-

щей достояніе всякаго честнаго дѣятеля, было еще мало. Не будемъ говорить и о томъ, что онъ ставилъ для себя вышею цѣлью благо на-ходившихся подъ его властію и властію его брата русскихъ земель, не давалъ себѣ ни минуты отдыха и всю живнѣ ревностно и неуклонно къ нему стремился, такъ что лѣтописецъ говорить о немъ и объ его братѣ, что «измлада не бы има покоя»¹⁾, а С. М. Соловьевъ²⁾ справедливо ставитъ его на ряду, съ страдальцемъ за русскую землю, Владиміромъ Мономахомъ. Весьма важно было то, что Даниилъ обладалъ при этомъ и качествами, весьма много могшими помогать ему при выполнении этой высокой задачи.

Прежде всего скажемъ, что это былъ весьма ловкій и проницательный политикъ, отлично умѣвшій найтись во всякомъ положеніи, всегда отыскивать средства для борьбы. Далѣе, это былъ человекъ горячо относившійся ко всякому дѣлу. Пылкость его характера обнаружилась уже въ дѣтствѣ. Когда однажды выгоняли его мать изъ Галича, Даниилъ не хотѣлъ ее оставить «и плакашеса по ней, младъ сый. И приѣхавъ

гая своимъ друзьямъ. Вотъ что читаемъ въ лѣтописи при описаніи его похода на Чеховъ: «Данилови же князю хотяшу, ово короля ради, ово славы хотя, не бѣ бо въ землѣ Русцѣй первее иже бѣ воевалъ землю Чешьску, ни Святославъ хоробры, ни Володимерь святый (лѣтописецъ забылъ Владиміра Мономаха). Богъ хотѣние его исполни, спѣшаше бо и тосняшеса на войну...» (Ип., 545). Въ случаѣ побѣды, Даниилъ водружалъ свое знамя на стѣнахъ побѣжденнаго города (Ип., 547).—Когда была взята дань съ ятвяговъ, часть ея Даниилъ удѣлялъ польскому воеводѣ Сигиѣву, «послушества ради, да увѣсть вся земля Лядская, яко дань платили суть Ятвязи королеви Данилу. сынови великого князя Романа» (Ип., 554). Даниилъ любилъ показатъ иностранцамъ въ возможно лучшемъ видѣ. Вотъ какъ явился онъ однажды въ венгерскую землю, будучи приглашенъ на помощь ея королемъ: «бѣ полковъ его свѣтлость велика, отъ оружья блистающася... бѣ вонь подъ нимъ дивленію подобенъ, и сѣдло отъ злата зъжена, и стрѣлы и сабля златомъ украшены, иными хитростями, якоже дивитися, кожую же оловира Грѣцького и кружины златыми плоскими ошвътъ, и сапози зеленого хъза шити золотомъ. Немцемъ(ъ) же зрящимъ, много дивящимся.» (Ип., 540 — 541). Соблюдая честь своей земли, Даниилъ не желалъ разговаривать въ Краковѣ съ папскими послами, явившимися съ короною, и сказалъ имъ: «не подобаетъ ми видитися с вами въ чужей земли, нѣ паки» (Ип., 548).

1) Ип., 501.

2) Въ ст. подъ заглавіемъ: «Даниилъ, король Галицкій», помѣщенной въ 1-мъ № «Современника» 1847.

Олександръ, тивунъ Шюмавинський, и я и за поводъ; онъ же измовъ мечь, тя его, и потя конь его подъ нимъ...¹⁾ Горячность Данила не принадлежала къ числу скоро остывавшихъ. Во всякомъ дѣлѣ онъ до конца сохранялъ энергію, былъ неутомимъ, не медлялъ, работалъ даже въ Пасху. Данилъ получаетъ отвѣтъ отъ Мстислава Удалаго, признающій за нимъ права на Черторыйскъ. «Дѣмянну же приехавшу в великую субботу, наутрѣ же *на великъ день* приехаста Данилъ и Василько къ Черторыйску, въ понедѣльникъ на ночь объѣздаста градъ»²⁾. Когда Данилъ узналъ о бѣгствѣ Александра Белзскаго по направленію къ Киеву, онъ «изыде на нѣ из Галича, угони и въ Полономъ, и яша и в лузѣ Хоморскомъ, *Данилови же не спавшю три дни и 3 ноци*, такоже и во емъ его»³⁾. Бѣдствие не приводило Данила въ уныніе, которое онъ считалъ качествомъ невѣрныхъ. «Людемъ же видящимъ, яко отъ татаръ зажженъ бѣ градъ, и вбѣжаша в мѣста лѣсна и тѣмъ не могоша сбиратися; Данило же снися с братомъ и тѣши и, якоже отъ Бога бывшій бѣдѣ не имѣти *жемъ* (X. II. «жалѣ») *поганьскы*, но на Бога надѣятися и на нь возложити печаль»⁴⁾; что Данилъ самъ слѣдовалъ этому, видно изъ всей его біографіи. Онъ отличался удивительною любовью къ дѣятельности, что особенно бросается въ глаза при чтеніи галицко-волинской лѣтописи подъ 1235 г.: походы предпринимаются имъ одинъ за другимъ; помѣшало половодье войнѣ съ Ятвягами — Данилъ вспоминаетъ, что у него есть другой еще врагъ, и онъ идетъ на него⁵⁾. При этомъ онъ любилъ собственнымъ глазомъ все осмотрѣть, во всему приложить и свою руку: осаждалъ ли онъ городъ, или вообще велъ войну, самъ осматривалъ мѣстность, укрѣпленія, препятствія⁶⁾, и раздѣлялъ нерѣдко труды съ воинами⁷⁾. Не послѣднюю роль играло и его блестящее мужество, обнаруженное имъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ⁸⁾, но особенно ярко выказавшееся въ несчастный для Руси 1223 г. Данилъ первый, изъ любопытства, что за люди были

1) Ип., 486.

2) Ibid., 502.

3) Ibid., 514.

4) Ibid., 557.

5) Ibid., 517.

6) Ibid., 504 и 506.

7) Ibid., 553.

8) Ibid., 491.

пришельцы, бросился за ними вслѣдъ, первый перешелъ, по желанію Мстислава, Балку и сталъ впереди своихъ полковъ. Приведемъ это довольно характерное мѣсто изъ лѣтописи. «Съразившимся полкомъ на мѣсто, Даниль же выѣха на передъ, и Семьюнъ Олюевичъ и Василко Гавриловичъ, поткоша в поляхъ Тотарьскыя; Василкови же сбодену бывшю в перси, младѣства ради и буети не чюяше ранъ бывшихъ на телеси его: бѣ бо возрастомъ 18 лѣтъ, бѣ бо силенъ. Данилови же крѣпко борющися, избивающа Тотары, видивъ то Мстиславъ, Нѣмый, мнѣвъ яко Даниль сбоденъ бысть, почче и самъ въ нѣ, бѣ бо мужъ и отъ крѣпокъ: повеже ужика сый Роману отъ племени Володимеря, прирокомъ Мономаха, бѣ бо велику любовь имѣа во отцю его, ему же поручивше по смерти свою волость, дая князю Данилови. Татаромъ(ъ) же бѣгающимъ, Данилови же избивающа ихъ своимъ полкомъ, и Олгови Курьскому, крѣпко бившимся, инѣмъ полкамъ сразившимся с ними, грѣхъ ради нашихъ Рускимъ полкомъ побѣженнымъ бывшимъ: Даниль видивъ, яко крѣпцѣйши брань належитъ в ратныхъ, стрѣльцѣмъ ихъ стрѣляющимъ крѣпцѣ, обрати конь свой на бѣгъ, устрѣмления ради противныхъ. Бѣжащю же ему, и вжада воды, пивъ почюти рану на телеси своемъ, во брани не позна ея крѣпости ради мужества возраста своего: бѣ бо дерзъ и храборъ, отъ главы и до ногу его не бѣ на немъ порока¹⁾. Даниль считалъ постыднымъ удаленіе отъ непріятели безъ битвы Онъ не совѣтовалъ однажды Владиміру Рюриковичу идти на Половецъ, когда же его упростили на то, а потомъ, встрѣтившись съ ними, уговаривали къ отступленію, Даниль отвѣчалъ: «подобаетъ воину устремившуся на брань или побѣду прияти, или пастися отъ ратныхъ; азъ бо возбраняхъ вамъ, нынѣ же вижю яко страпливу душу имате; азъ вамъ не рѣхъ ли, яко неподобаетъ изыти труднымъ воемъ противу цѣлымъ? нынѣ же почто смущаетеся? изыдете противу имъ²⁾. Его удалъ простиралась до того, что онъ готовъ былъ вмѣшиваться въ борьбу и помогать слабѣйшимъ, когда его и не звали; такъ, онъ хотѣлъ однажды пособлять австрійскому герцогу противъ императора, но былъ отговоренъ королемъ³⁾.—Будучи храбрымъ воиномъ, онъ былъ искуснымъ полководцемъ. Во время одного похода на

1) Ип., 496—497.

2) Ibid., 515.

3) Ibid., 517.

Лтваговь Данилу говориш: «вѣси ты войничьскій чинъ, на ратахъ
обычай ти есть»¹⁾. Впрочемъ, Даниль былъ способенъ не къ одной
политической дѣятельности, онъ не увлекался одними военными пред-
пріятіями, не былъ только рыцаремъ. Не одни военныя предпріятія
считалъ онъ дѣломъ государя. Онъ обнаруживалъ особенную способ-
ность и къ устройенію государства. Вѣроятно, за это лѣгопись назы-
ваетъ его «княземъ мудрымъ», «вторымъ по Соломонѣ»²⁾. Нельзя при
этомъ не указать на его свѣтлыя понятія. Мы приписываемъ инициа-
тивѣ Данила слѣдующее: «Руси бо бѣаху полонилъ многу челядь и
боаринѣ; створиша же межи собою клятву Русь и Ляхове: аще по
семь колъ будетъ межи ими усобица, не воевати Ляхомъ Руское че-
ляди, на Руси Лядьской»³⁾. Къ сожалѣнію, это условіе не выполня-
лось; первые нарушили его поляки⁴⁾ Даниль долженъ былъ отступать
отъ этого правила и въ борьбѣ съ поляками⁵⁾, и въ борьбѣ съ дру-
гими врагами⁶⁾, потому что таковъ былъ духъ времени и такъ посту-
пали съ нимъ его враги. Даниль, къ сожалѣнію, не понималъ только
зла удѣловъ и не могъ разстаться съ старыми понятіями о столонаслѣ-
діи, а вѣдь могъ бы безъ особеннаго труда водворить единовластіе въ
югозападной Руси. Вообще, по своимъ воззрѣніямъ, онъ оставался кня-
земъ дотатарской Руси и не внесъ въ ея государственную жизнь но-
вой идеи, хотя и носилъ на головѣ королевскій вѣнецъ; онъ не былъ
сознательно стремившимся къ какимъ-нибудь *реформамъ*. Но при немъ,
къ величайшему счастью юго-западной Руси, удѣльныя понятія нисколько
не отразились дурно на ея судьбѣ. Это потому, что Даниль отличался
удивительнымъ безкорыстіемъ по отношенію къ меньшему брату и уди-
вительною братскою любовью, дѣлился съ нимъ землями, по мѣрѣ прио-

1) Ип., 551.

2) Ibid., 570.

3) Ibid., 505.

4) Ibid., 516: «Кондратови же ставшу въде аныѣ градъ Холмъ сто-
итъ, *пославшу ему ко Червону воевати*...»

5) Напр., Ип., 529.

6) Напр., Ип., 526, 546—547; сильныя опустошенія, произведен-
ныя русскими въ чешской землѣ, подтверждаются и письмомъ Богем-
скаго короля Премыслава (1255), помѣщеннымъ у Дотьеля: «Codex dip-
lomaticus regni Poloniae et magni ducatus Lithuaniae». T. I. Vilnae
MDCCLVIII, № 1.

братства их¹: младшій братъ платилъ ему тою же преданностію, и они оставались друзьями во всю свою жизнь; между ними никогда не пробѣжало ни одно облачко. Ни одинъ не предпринималъ чегонибудь безъ совѣта другого²). во всѣхъ походахъ братья дѣйствовали дружно, во время битвъ каждый изъ нихъ боялся за другаго и постоянно наблюдалъ, не грозилъ ли ему опасность³); одерживалъ которыйнибудь изъ нихъ побѣду — непрежнно посылалъ брату сайгать⁴).

Обратить еще вниманіе на имѣвшія меньше значенія, но тѣмъ не менше прекрасныя качества Даниіла.

Онъ отличался любовью къ правдѣ. Когда Мстиславъ Удалой просилъ Даниіла, чтобы тотъ не оставлялъ его, Даниілъ отвѣчалъ: «имамъ правду въ сердцѣ своемъ⁵)». Какъ онъ былъ разборчивъ въ этомъ отношеніи, показываетъ слѣдующій случай. Даниілъ отправился на богомолье въ Жидичинъ, находящійся вблизи Луцка. «И зва и Ярославъ в Луческу; и рѣша ему боаре его: прими Луческъ, zde ими князя ихъ»: одному же отвѣщавшу, «яко приходихъ zde молитву створити святому Николѣ, и не могу того створити», иде въ Володимеръ. Отгуду же, собравши рать, посласта нань...»⁶). Нѣкоторые изъ его сыновей пошли въ этомъ отношеніи по его дорогѣ. Когда австрійскій герцогъ убѣждалъ Романа Даниловича отстать отъ венгерскаго короля, который его обманывалъ. Романъ сказалъ: «правдою обѣщася отцю си королемъ Угорьскому, не могу послушати тебе, яко срамъ имамъ и грѣхъ не исполнити обѣта⁷)». Даниілъ никогда не оставлялъ своихъ союзниковъ и всегда усердно помогать имъ.—Съ другой стороны, относясь строго къ себѣ, не позволяя себѣ уклоненія отъ правды, Даниілъ мягко относился къ другимъ и легко прощалъ оскорбленія. Съ галицкими боярами онъ поступалъ совершенно не такъ, какъ его отецъ⁸); одинъ разъ только онъ позволялъ себѣ совершить убійство; это случилось при послѣдней попыткѣ боярства в Венгровъ отнять у него Галичь, когда

¹) Ип., напр. 501.

²) Ibid., 535, 537, 566.

³) Ibid., 302, 312, 334.

⁴) Ibid., 330, 331, 366—367.

⁵)

его гнѣвъ достигъ, вѣроятно, высшей мѣры, и когда онъ убилъ, знаменитѣе по своимъ частымъ походамъ на Русь венгерскаго воеводу Фидья и многихъ другихъ венгровъ и боярина Владислава ¹⁾. Ревностно борясь противъ враговъ, не уступая имъ ни въ чемъ, онъ бывалъ зло, какое причинялъ ему Александръ Белзскій, когда тотъ самъ просилъ его о мирѣ, простилъ даже Михаила Черниговскаго и готовъ былъ возвратить ему Кіевъ, а его сыну дать Луцкъ. Если отъ врага имѣлъ какия-нибудь благодѣянія, то не забывалъ ихъ и послѣ того, какъ тотъ причинялъ ему вредъ. Взявши однажды Галичъ, Данилъ, «помянувши любовь короля Андрѣя», «пусти сына его и проводи и до рѣки Днѣстра» ²⁾. Вообще онъ не забывалъ благодѣяній. Получивши въ кievской области Торцькй горъ, «да и дѣтемъ Мстиславимъ, шпорятомъ своимъ, рекъ имъ: «за отца вашего добродѣяне примете и и держите Торцькй городъ» ³⁾. — Заслуживаетъ также вниманія отсутствіе тщесавія, любовь прежде всего въ сущности дѣла. Это особенно выказалось въ сношеніяхъ Данила съ Римомъ. Усердно награждавшій королевскими вѣнцами Римъ ⁴⁾ предложилъ подобную, довольно обольстительную, приманку и Данилу, думая, можетъ быть, заманить этимъ отчасти помощь, которой домогался отъ него Данилъ. Или, по крайней мѣрѣ, смягчить требованія послѣдняго о ней. Когда послы явились въ первый разъ къ Данилу съ вѣнцомъ, Данилъ его не принялъ, говоря: «ратъ татарская не престаеть злѣ живущи с нами: то како могу прияти вѣнѣцъ, бес помощи твоей?» Потомъ онъ короковался, но при какихъ условіяхъ? «Ониза же приде вѣнѣцъ нося, обѣщаваяся, яко «помощъ имѣти ти отъ папы»; оному же одинако не хотящу и убъди его мати его, и Болеславъ и Сеювить, и бояре Лядские рекуще: дабы приалъ бы вѣнѣцъ, «а мы есмь на помощь противу поганымъ» ⁵⁾.

1) Ип., 534.

2) Ив., 506.

3) Ив., 511.

4) На разстояніи 55 лѣтъ (1198—1258) онъ награждаетъ королевскимъ титуломъ 7 владѣтельныхъ особъ.

5) Ип., 548. — Длугошъ, напротивъ, въ подробномъ разсказѣ утверждаетъ, что самъ Данилъ добивался короны и отправилъ зватныхъ пословъ къ папскому легату въ Польшу Кардиналу Олизо съ просьбою о ней, обѣщая отречься отъ греческаго обряда и заставить католиче-

Такимъ образомъ, Даниилъ представляетъ весьма отрадное явленіе, если разсматривать его и какъ человѣка вообще, а не только — какъ государя.

скія земли отъ Татаръ, и тотъ будто короновать его въ 1246 г., не имѣя на то полномочія отъ папы (lib. VII, со. 705—706). За Длугошемъ слѣдуютъ многіе новѣйшіе историки. Даже Д. И. Зубрицкій (III, 174) говоритъ, что Даниилъ въ Дорончинѣ «покорился преемнику св. Петра, принявъ отъ него діадиму, не изъ государственныхъ, пользу отечеству его приносящихъ, видовъ, какъ только въ угожденіе чуждымъ убѣжденіямъ и поддаваясь свойственной человѣку слабости честолюбія, ради поставленія себя на ряду съ первыми европейскими государями». Длугошъ въ этомъ случаѣ совершенно извращаетъ дѣло; можетъ быть, ему непріятно было это событіе, возведеніе русскаго князя въ короли, тогда какъ польскіе князья оставались князьями: въ его вѣдь время Польша владычествовала надъ Русью. Не вдаваясь въ подробное опроверженіе его разсказа, заключающаго въ себѣ немало неточностей, — разсказа, которому онъ самъ противорѣчитъ ниже [см. lib. VII, col. 779, гдѣ онъ выражается такъ о Даниилѣ: «adepius coronam, qua fuit ob eam fidem et devotionem mandato Apostolico insignitus», мы ограничимся только слѣдующимъ. Самъ папа въ буллѣ, изливающей гнѣвъ на Даниила за прерваніе имъ сношеній съ Римомъ, выражается такъ: *Ecclesia eadem* (i. e. Romana) *volens te in sui devotione congruis firmare favoribus, et condignis gratiis confovere, personam tuam ad Regalis dignitatis apicem sublimavit, faciendo te unungi sacri crismatis oleo, tuoque imponi capiti regium diadema*. Sed tu, sicut ad audientiam nostram non sine cordis turbatione pervenit, tam spiritualium quam temporalium beneficiorum ipsius *Ecclesiae immemor*. <; въ др. мѣстѣ читаемъ: «Magnitudinem tuam monendam duximus attentius et hortandam, quatenus ad tuam memoriam revocans: *quanto studio quantaque sollicitudine circa exaltationem tuam Sedes Apostolica laboravit?*» (Н. К. М., I, XCV). Тутъ коронованіе Даниила представлено какъ-бы наградою со стороны великой церкви за обѣщаніе подчиниться ей, а не условіемъ со стороны Даниила, которе она поспѣшила исполнить. Точно также самъ папа догадался наградить королевскимъ титуломъ и Миндове. По поводу взятія прусскимъ архіепископомъ съ новоосвященнаго литовскаго епископа присяги себѣ, папа, между прочимъ, говоритъ, что онъ не разрѣшаетъ этого «pro eiusdem Regis honore, quem a sue conversionis initio assumpsimus in illius Ecclesiae specialem et regie dignitatis titulo fecimus insigniri» (Тейнеръ, I, № СХХІ; Н. К. М., I, СХІ). — Считаемъ не лишнимъ сказать тутъ нѣсколько словъ о томъ, въ какой мѣрѣ Даниилъ готовъ былъ подчиниться Риму въ церковномъ отношеніи. Несомнѣнно, что онъ никогда не соглашался на полное отреченіе отъ православія. Чувствуя необходимость, какую сознавали и греческіе императоры, въ пособіи запада, Даниилъ готовъ былъ согласиться на унию, подобно имъ, но во ве да от-

Какъ не пожалѣть послѣ всего этого о томъ, что онъ былъ поставленъ въ такіе неблагопріятныя условія, что, будучи безстрашнымъ во всю свою жизнь, на старости лѣтъ, за свои благородныя усилія къ спасенію отечества, долженъ былъ бѣгать отъ татаръ ¹⁾, чтобы не потерпѣть отъ нихъ за это ²⁾?

реченіе отъ православія; онъ не хотѣлъ жертвовать религіею политикѣ; можетъ быть, по его мнѣнію, эта почетная унія должна была только состоять въ признаніи верховной власти папы: онъ дѣйствовалъ, по словамъ Плато-Карпинія, съ согласія вельможъ и духовенства, а они не согласились-бы на отреченіе отъ чего-нибудь православнаго. Папа долженъ былъ сразу сдѣлать Даниилу уступку въ религіозномъ отношеніи, разрѣшивъ епископамъ и пресвитерамъ совершать службу на закованныхъ пресфорахъ и держать другіе обряды, не противорѣчавшіе католической вѣрѣ (Н. М., I, LXVIII). Вѣроятно, изъ-за стремленія папскаго легата привести Даниила и его земли къ полному подчиненію римской церкви, не поладилъ съ нимъ въ 1249 г. Данииль [Дух. ад. в. 1249, об. VII, col. 713. Въ буллѣ къ архіепископу прусскому, папскому легату, помѣщенной сентябремъ 1247 (LXXII), папа, поручая ему лично отправиться въ Даниилу, говоритъ: «si pretatus. Rex in tam sancto proposito (разум. намѣреніе Даниила приступить къ союзу съ Римскою церковью) perseverans, tam ipse, quam Archiepiscopi, et Episcopi, et alii Magnates Regni sui, scismate quolibet penitus abjurato, promiserunt et juraverint se de cetero in unitate fidei quam Ecclesia Romana predicat, et observat, ejusque Romane Ecclesie devotione permanentes, eos auctoritate nostra et reconcilios, et tanquam speciales et devotos filios incorporos predictae Romane Ecclesie, que mater est omnium, unitati». Этотъ разрывъ продолжался еще въ 1250 г. См. Карашевича «Ист. прав. у. на Волини, стр. 15, прим. 42. Примиреніе произошло въ 1252 г. Кар. IV, прим. 56. Около 1246 г. Данииль посылалъ митрополита Кирилла въ Грецію для поставленія (Ип. 537). Вопросъ о мѣрѣ подчиненія Риму Данииловою Русі, во всякомъ случаѣ, не былъ еще окончательно рѣшенъ и при коронаваніи Даниила. Это доказываютъ слѣдующія слова лѣтописи: «Некентий бо кляняше тѣхъ хулящихъ вѣру Грѣцкую православѣрную, и хопяшу ему сборъ творити о правой вѣрѣ, воединеннѣи церкви» (Ип., 549), и вообще при Даниилѣ мы не взяли отъ Римской церкви ничего до самаго прекращенія сношеній съ нею; велись только переговоры. — О глубокой религіозности Даниила мы не упоминаемъ. Она постоянно видна въ лѣтописи; см. Ип., 501, 507, 509, 511, 516, 524, 525, 532, 535, 548, 558—560. Впрочемъ, въ этомъ отношеніи онъ не возвышался особенно надъ современниками. Проводивъ брата къ явившемуся въ первый разъ Бурандаю, Данииль ѣдетъ въ Мѣльничъ, молится предъ иконою Спаса Исаавника, при чемъ «обща ему Данило король украшеніемъ украсити и» (Ип., 560; сл. 558).

¹⁾ Ип., 562.

²⁾ Ип., 560: «вѣдахуть бо, аще Данииль поедеть (къ Бурандаю), и не будеть с добромъ».

Личныя качества Даниїла и его заслуги снискали ему любовь весьма многих, напр. Мстислава Ярославича ¹⁾, Мстислава Удалого ²⁾, Галичанъ, и были одѣнены его соотечественниками, которые воспѣвали его подвиги. Вотъ какъ заключаетъ лѣтописецъ рассказъ объ одномъ походѣ Даниїла на ятвяговъ: »Оттуда же князь Даниль приде ко Визьнѣ и пройде рѣку Наровъ, и многи крестьяны отъ плененія избависта, и *тѣмъ славу пояху има*, Богу помогшу има, и придоста со славою на землю свою, наследавши путь отца своего великаго князя Романа, иже бѣ изоострился на поганяя, яко левъ, им(ъ) же Половци дѣти странаху« ³⁾. Самая лѣтопись показываетъ, какъ относились къ Даниїлу современники.

Слава Даниїла разнеслась и по окрестнымъ землямъ Батый зналъ о немъ еще до вступленія въ Волинскую землю: »Батыю же вземлю градъ Кыевъ и слышавъшу ему о Даниль, яко въ Угрѣхъ есть, поиде самъ Володимерю...« ⁴⁾. Возвращаясь изъ-за Карпатъ, Батый хотѣлъ поймать Даниїла ⁵⁾; наконецъ, когда послѣдній явился въ орду, онъ принялъ его съ почетомъ, хотя и горькимъ для гордаго князя ⁶⁾. Относились съ уваженіемъ къ Даниїлу и нѣмцы. Они говорили ему: »*т.бе-дѣлѣ* миръ створимъ со Выынтомъ, заше братью нашу многу погуби« ⁷⁾.

И мы думаемъ, что, если правъ хронографъ, сказавшій, по словамъ лѣтописца: »якоже добродѣяннѣ въ вѣки святятся« ⁸⁾, то съ чувствомъ благодарности отнесутся къ этому дѣятелю и потомки, которые будутъ помнить его, какъ самую замѣчательную русскую личность XIII вѣка, затмѣвающую собою даже знаменитаго Александра Невского, и вообще какъ одного изъ самыхъ видныхъ русскихъ политическихъ дѣателей, бойцовъ за народъ и вождей его въ трудныя минуты.

1) Ип., 491, 501.

2) Ib., 501, 517.

3) Ib., 539. Слѣды такого народнаго поэтическаго творчества въ которые отърываютъ въ самой лѣтописи.

4) Ib., 523: *Нач.* III, 8.

5) Ib., 528.

6) Ibid., 536.

7) Ibid., 542.

8) Ibid., 554.